ГЕНЕРАЛ ШТУРМ

К 125-летию со дня рождения Маршала Советского Союза В.И. Чуйкова

Василий Иванович Чуйков родился 12 февраля (31 января по ст. ст.) 1900 года в селе Серебряные Пруды Тульской губернии (в настоящее время Московская обл.) в многодетной крестьянской семье.

В 1911 году Чуйков окончил четыре класса церковно-приходской школы, а в возрасте двенадцати лет покинул родное село и отправился на заработки в Петроград. Работал в мастерской, где изготовлялись шпоры для кавалерии, там выучился на слесаря, а в сентябре 1917 года переехал в Кронштадт, где был принят юнгой в учебно-минный отряд.

В период Гражданской войны (1917—1922 гг.) Чуйков вступил в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Свою военную карьеру он начал в апреле 1918 года в качестве курсанта Первых Московских военно-инструкторских курсов. В конце войны Чуйков командовал 43-м полком 5-й стрелковой дивизии. Он воевал на Южном, Восточном и Западном фронтах, был несколько раз ранен и награждён орденом Красного Знамени.

В 1925 году Чуйков окончил командный факультет Военной академии имени М.В. Фрунзе и удостоился второго ордена Красного Знамени. В августе 1932 года он был назначен начальником Курсов усовершенствования начальствующего состава армии по разведке, в апреле 1938 года получил должность командира 5-го стрелкового корпуса, а в июне уже командовал Бобруйской армейской группой в Белорусском военном округе, которая вскоре была реорганизована в 4-ю армию. Осенью 1939 года Василий Чуйков со своей армией принял участие в Освободительном походе РККА, а в декабре временно возглавил 9-ю армию в ходе Советско-финляндской войны. За финскую кампанию он был награждён орденом Красной Звезды.

В конце 1940 года Василий Иванович был направлен в качестве военного советника в Китай, где шла Японо-китайская война (1937—1945 гг.). Там он сумел организовать целый ряд успешных военных операций против японской армии.

С началом Великой Отечественной войны Чуйков был направлен из Китая в Тулу, где формировалась армия для отправки в Сталинград. 22 июля он принял командование над ней. С 12 сентября 1942 года уже в качестве командующего 62-й армией В.И. Чуйков получил задачу отстоять Сталинград любой ценой, что успешно и осуществил. В Сталинграде Василий Иванович ввёл тактику ближнего боя. С его именем связывают и появление специальных штурмовых групп.

За героизм и стойкость личного состава в апреле 1943 года 62-я армия получила почётное гвардейское наименование и стала называться 8-й гвардейской армией, а сам Василий Иванович за оборону Сталинграда был награждён орденом Суворова 1-й степени.

В составе Южного и Юго-Западного фронтов его армия освобождала Украину в Изюм-Барвенковской, Донбасской и Одесской наступательных операциях. В октябре 1943 года Чуйков был награждён своим первым орденом Ленина и получил звание генерал-полковника, а в марте 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Летом 1944 года 8-я гвардейская армия влилась в состав 1-го Белорусского фронта и участвовала в стратегической наступательной операции «Багратион», нанёсшей крупное поражение немецким войскам, разгромив группу армий «Центр».

С 16 апреля по 2 мая 1945 года Чуйков со своей армией участвовал во взятии Берлина, где активно использовал приобретённый в Сталинграде штурмовой опыт. Недаром его называли Генерал Штурм. Незадолго до начала штурма Берлина, 6 апреля 1945 года, он получил свою вторую «Золотую Звезду» Героя.

По окончании Великой Отечественной войны до июля 1946 года Чуйков продолжал командовать 8-й гвардейской армией, которая дислоцировалась в Германии, одновременно являясь главой Советской военной администрации в Тюрингии. В июле он стал заместителем начальника Советской военной администрации в Германии. С октября 1949 по 1953 год Василий Иванович возглавлял Советскую контрольную комиссию на территории Германской Демократической Республики. В этой должности он сыграл одну из ключевых ролей в разрешении Берлинского кризиса (1948—1949 гг.).

С 26 мая 1953 по апрель 1960 года Василий Иванович служил в должности командующего войсками Киевского военного округа, а в 1960 году был назначен главнокомандующим Сухопутными войсками СССР – заместителем министра обороны СССР.

В 1961 году Чуйков стал первым начальником только что созданной Гражданской обороны СССР и оставался в этой должности до 1972 года. С июля 1972 года и до конца жизни Василий Иванович трудился генеральным инспектором Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Василий Иванович Чуйков скончался 18 марта 1982 года. Согласно завещанию он был похоронен в Волгограде на Мамаевом кургане, у подножия монумента «Родина-Мать», рядом с воинами своей армии, погибшими в Сталинградской битве.

Имя Василия Чуйкова увековечено в Зале Славы Центрального музея Великой Отечественной войны. Во многих городах теперь уже бывшего СССР есть улицы и школы, названные в его честь. В 1990 году в Волгограде, на улице, носящей имя Чуйкова, на том месте, где располагался штаб 62-й армии, военачальнику был открыт памятник в виде бронзовой фигуры на постаменте.

Публикация Н.Л. Крыловой

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2/2025
ISSN-0321-0626
Основан в августе 1939 года

Военно-исторический журнал 2025 2 февраль

«НЕСОКРУШИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ...»

23 февраля — День защитника Отечества

Ежегодно 23 февраля Россия отмечает День защитника Отечества. История праздника берёт своё начало 28 января (15 января по ст. ст.) 1918 года. В этот день Совет народных комиссаров принял Декрет о создании Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА).

Первая мировая война ещё не закончилась. 16 февраля 1918 года немцы уведомили советскую сторону, что через два дня срок перемирия между Германией и Россией подойдёт к концу. Возобновив огонь, кайзеровские войска быстро продвигались на восток. Уже 3 марта большевики подписали Брестский мир на немецких условиях.

В начале 1919 года советское руководство решило отметить годовщину создания РККА. Планировалось задействовать 17 февраля — День красного подарка (благотворительная акция с привлечением населения по сбору средств для обеспечения Красной армии), однако дата выпала на понедельник. Праздник передвинули на воскресенье 23 февраля.

После 1919 года несколько лет годовщину образования Красной армии не отмечали. Празднования возобновили в 1922 году, за дату взяли уже привычное 23 февраля. К этому событию приурочили «Неделю помощи красноармейцам и инвалидам по Петроградской губернии». С тех пор День Красной армии отмечали уже ежегодно. С 1946 года этот праздник стал называться Днём Советской армии, а с 1949 по 1992 год — Днём Советской армии и Военно-морского флота.

Со сталинских времён официальная историография СССР связывала 23 февраля с победами красноармейцев под Псковом и Нарвой. На сегодняшний день историки расходятся в трактовке событий.

Лишь в 1995 году, через несколько лет после начала существования современной России, у нас в стране стали отмечать День защитников Отечества.

В Федеральном законе от 13 марта 1995 года № 32-ФЗ «О днях воинской славы России» 23 февраля носит официальное наименование «День победы Красной армии над кайзеровскими войсками Германии в 1918 г. — День защитников Отечества». В 2006 году из официального описания Дня воинской славы России исключили слова «День победы Красной армии над кайзеровскими войсками Германии в 1918 г.». Тогда же понятие «защитник» оказалось в единственном числе. С 2002 года 23 февраля является нерабочим днём.

Со временем День защитника Отечества стал больше гендерным праздником. В современной России 23 февраля поздравляют не только мужчин в военной форме, но и вообще всех представителей мужского пола.

Ежегодно в этот день Президент страны обычно обращается с поздравительной речью к россиянам, возлагает венок к Могиле Неизвестного Солдата у Кремлёвской стены.

По всей России, особенно в городах-героях, проходят торжественные мероприятия. Города украшают праздничными плакатами, флагами и инсталляциями, а вечером гремит праздничный салют.

В столице нашего государства — Москве ко Дню защитника Отечества проходит большой концерт с участием ведущих исполнителей отечественной эстрады, где обязательно исполняется популярная с советских времён песня, припев которой известен многим поколениям: «Несокрушимая и легендарная, в боях познавшая радость побед, тебе, любимая, родная армия, шлёт наша Родина песню-привет!»

Публикация Н.Л. Крыловой

Памятник «Слава защитникам Отечества»

г. Лыткарино, Московская обл.

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), оценку степени их научной разработанности (историографический обзор), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.
2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных и сетевых научных (научно-популярных) изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.
3. Рекомендованный объём статьи — 20–30 тыс. знаков с пробелами.
4. Список литературы, оформляемый концевыми ссылками, должен составлять не менее 20 источников, не менее 30% которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации, в том числе в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10% от списка использованных источников.
5. Материал должен обязательно содержать иллюстрации (цветные и чёрно-белые) с указанием источников заимствования и авторских прав.
6. Все поступившие в редакцию работы проходят внутреннее и внешнее рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат» (рекомендуемая оригинальность — 80%), по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Информацию о результатах предварительной экспертизы рукописи авторы могут получить не ранее чем через 15 дней с момента её поступления в редакцию. Редакция имеет право не вступать с авторами в переписку.
7. Статьи направляются в редакцию журнала по e-mail: *mil_hist_magazin@mail.ru* или *ric_vig_1@mil.ru*.
8. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов.
9. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Статья должна содержать следующие элементы:
1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);
2) аннотацию на русском и английском языках (100—150 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую: вступительное слово о теме исследования; цель научного исследования; основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должны повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также её название;
3) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);
4) рукопись должна быть иллюстрирована как чёрно-белыми, так и в обязательном порядке цветными портретами или фотографиями упоминаемых персоналий, сканами исторических документов, картами, диаграммами, схемами, батальной живописью, фото музейных экспозиций, изображениями военной символики и др. из расчёта не менее одной иллюстрации на три страницы текста;
5) текст публикации должен содержать автоматические концевые ссылки на источники и литературу, примечания научно-справочного характера;
6) примечания должны содержать список литературы (от 20 источников) с полными библиографическими сведениями, который оформляется на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008, архивные и другие исторические источники, сведения научно-справочного характера (краткие биографические сведения, определения терминов и т.д.), которые нумеруются в порядке упоминания в тексте;
7) сведения об авторах на русском и английском языках: Ф. И. О. полностью, учёная степень, учёное звание, должность, место работы (название организации), город, страна, почтовый адрес, e-mail.

Общие правила оформления текста

1. Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 х 297 мм).
2. Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в форматах doc и docx (Microsoft Office).
3. Шрифт текста — Arial, кегль (размер шрифта) — 13.
4. Текст набирается с соблюдением следующих правил:
   поля — верхнее и нижнее — 2,54 см, левое и правое — 3,17 см;
   межстрочный интервал — полуторный;
   абзац — автоматический: отступ первой строки на 1,25 см (недопустимо делать отступы (левые, правые) пробелами);
   перенос слов — отключён;
   инициалы между собой пробелами не отделяются;
   при наборе должны различаться тире (—) и дефисы (-);
   кавычки типографские, внешние — ёлочки « », внутренние — лапки “ ”.
5. Таблицы нумеруются и ссылками отражаются в тексте. Оформление заголовков таблицы должно быть единообразным. Шрифты в таблице должны быть на один пункт меньше основного текста. Ширина таблицы — не более 16,5 см, высота — до 20 см.
6. Все физические величины, встречающиеся в тексте, должны быть выражены в Международной системе единиц (СИ) согласно ГОСТ 8.417 — 2002 «Единицы физических величин».
7. Иллюстрации:
1) векторные — схемы, графики, созданные средствами Microsoft Word, должны быть сгруппированы и помещаться в печатное поле;
2) растровые — рисунки, фотографии должны быть с разрешением не менее 300 dpi, каждая присылается отдельным файлом в форматах jpg и jpeg.

Фон рисунков желательно сделать белым, сами рисунки должны быть чёткими, надписи и обозначения — хорошо читаться;
3) все иллюстрации в тексте должны быть пронумерованы и иметь подрисуночные подписи, которые оформляются на отдельном файле в форматах doc и docx (Microsoft Office).

Адрес редакции для переписки:
119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38,
редакция «Военно-исторического журнала».
Тел.: (495) 941-26-50, (495) 941-26-12
E-mail: ric_vig_1@mil.ru

Подписку на «Военно-исторический журнал» можно оформить:
• по каталогу АО «Почта России» по индексу П5905 в любом почтовом отделении, кроме Республики Крым и г. Севастополя;
• Объединённому каталогу «Пресса России» через ОАО «АРЗИ» по индексу 39887 в почтовых отделениях Республики Крым и г. Севастополя;
• интернет-каталогу «Пресса России», индекс Э39887 для подписчиков всех регионов;
• интернет-каталогам агентств на сайтах:
www.podpiska.pochta.ru
www.akc.ru
www.pressa-rf.ru;
• заявке на e-mail: kr_zvezda@mail.ru с личным получением в АО «Красная Звезда», г. Москва, или доставкой бандеролью.

Сдано в набор 18.11.2024
Подписано к печати 18.12.2024
Формат 60х84/8.

Тираж экз. 0000 Зак. № 0148-2025
Регистрац. № 01978 от 30.12.1992

Журнал издаётся ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России
125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38
Тел.: (495) 941-23-80
E-mail: ricmorf@yandex.ru

Отдел рекламы (495) 941-28-46
E-mail: reklama@korrnet.ru
Отпечатано в АО «Красная Звезда»
125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38
Цена свободная
© «Военно-исторический журнал», 2024
Отдел распространения периодической печати — 8(495) 941-39-52
E-mail: kr_zvezda@mail.ru,
Web-сервер: http://www.redstarprint.ru
Секретариат — 8(495) 191-15-51

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ: МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

февраль

№ 2 (778)

2025

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
ЧАЧУХ
Игорь Мадинович,
заслуженный журналист РФ,
полковник запаса

Научные редакторы
П.А. АФАНАСЬЕВ,
полковник в отставке;
Е.В. ДОБЫЧИНА,
кандидат
исторических наук;
В.А. ЕВДОКИМОВ,
подполковник в отставке;
А.Л. КУРСОВА;
С.В. МАНЮКОВ,
полковник в отставке;
А.Н. ОВЧИННИКОВ,
подполковник в отставке;
А.В. ПЕТРОЧИНИН;
А.А. ПИМЕНОВ,
полковник в отставке;
О.А. ТВИРОВА

Ответственный секретарь
М.В. ЗАБРОДИНА

Секретариат
А.А. ЛАНЦОВА
(заместитель
ответственного
секретаря);
Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция
Н.И. ВАХРОМЕЕВА;
А.И. ПАВЕЛКОВСКАЯ;
А.М. ПЕТРОВ,
полковник в отставке

Заведующий редакцией
Е.С. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Перевод
А.М. БОРОВИК

Компьютерная вёрстка
Е.Н. ПЛЕТНЁВА

Обложка номера
И.В. НИКОЛАЕВ
капитан 1 ранга запаса

В оформлении обложки номера использован фотопортрет Маршала Советского Союза В.И. Чуйкова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н.М. БАРИНОВА — директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ (Москва)

N.M. BARINOVA — the Director of Historical Documents Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow)

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

I.I. BASIK — the Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.), Senior Researcher (Moscow)

А.А. БУДКО — директор Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы в отставке, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

A.A. BUDKO — the Director of the Military Medical Museum of the Russian Defence Ministry, Colonel (med. service, ret.), D. Sc. (Medicine), Professor, Honoured Doctor of Russia (St. Petersburg)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Ye.Yu. GUSKOVA — the Director of the Centre for the Studying the Balkans crisis of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

А.А. ЗДАНОВИЧ — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор исторических наук (Москва)

A.A. ZDANOVICH — Senior Researcher of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Lieutenant-General, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

А.В. КИРИЛИН — декан факультета специальных исторических, гуманитарных дисциплин и военно-мемориальной работы Российского государственного социального университета, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

A.V. KIRILIN — Dean of the Faculty of Special Historical, Humanitarian Disciplines and Military Memorial Work of the Russian State Social University, Major-General, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

В.М. КРЫЛОВ — директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАРАН, заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)

V.M. KRYLOV — the Director of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Communications Troops, Colonel (ret.), D. Sc. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (RAMAS), RF Honoured Worker of Culture (St. Petersburg)

В.Н. ЛОБОВ — генеральный инспектор Министерства обороны РФ, генерал армии, доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

V.N. LOBOV — General Inspector of the Ministry of Defence of the Russian Federation, General of the Army, D. Sc. (Mil.), Cand. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

С.В. МИРОНЕНКО — научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

S.V. MIRONENKO — Scientific leader of the State Archives of the Russian Federation, D. Sc. (Hist.), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник в отставке, кандидат исторических наук (Москва)

A.K. NIKONOV — the Director of the Central Museum of the Armed Forces, Colonel (ret.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Э.А. ПАДЕРИН — начальник Архивной службы Вооружённых сил Российской Федерации, полковник (Москва)

E.A. PADERIN — Head of the Archival service of the Russian Armed Forces, Colonel (Moscow)

И.А. ПЕРМЯКОВ — директор Российского государственного архива новейшей истории, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

I.A. PERMYAKOV — The Director of the Russian State archive of Modern History, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Ю.А. ПЕТРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Yu.A. PETROV — the Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, генерал-лейтенант, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

V.S. KHRISTOFOROV — Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Lieutenant-General, D. Sc. (Law), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.О. ЧУБАРЬЯН — научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

A.O. CHUBARYAN — Scientific leader of the Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS, Professor (Moscow)

‹‹Военно-исторический журнал›› включён в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук; в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science

СОДЕРЖАНИЕ

	ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
2-я стр. обл.	«Несокрушимая и легендарная...». 23 февраля — День защитника Отечества (*Публикация Н.Л. Крыловой*)
	ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
4	**К.Ю. КОЛЕСНИЧЕНКО** — «Главное теперь — в подготовке обороны на Дальвосте». Советские военные округа в Забайкалье и на Дальнем Востоке в 1920—1931 гг.
	ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.
14	**И.В. КИСЕЛЕВ** — «...Люди постепенно всё больше проникались сознанием своей силы». Политическая работа в советских войсках в ходе обороны Кавказа 25 июля — 31 декабря 1942 года
	ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
22	**А.В. ОЛЕЙНИКОВ** — Битва за Волынь. Русская 11-я армия против германских и австрийских войск в сражении у Берестечко в июле 1916 года
	ИСТОРИЯ ВОЙН
30	**Н.А. ХРЕБТОВ** — «Не упустить взять нужную осторожность, дабы границы... не были неприятелем обеспокоены...». Гарнизоны северных крепостей накануне и в годы Русско-шведской войны 1788—1790 гг.
	ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ НАУКИ
40	**Д.А. АНТРОПОВ** — «Своевременно уловить, описать и осмыслить практику современной вооружённой борьбы». Деятельность ведущих отечественных военно-научных школ по разработке многоканальных комплексов радиосвязи систем управления войсками
	ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ
52	**В.Ю. КУДЕЙКИН** — Имена и знамёна прославленных российских полков: вопросы преемственности
	ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX—XXI вв.
64	**Н.М. ВАСИЛЬЕВ** — «Это основа нашей военной победы». Создание Вооружённых сил Республики Абхазия в 1992—1993 гг.
	ЖЕНЩИНЫ В АРМИИ
72	**В.А. ЛЫСЕНКО** — «Избираются с строгою разборчивостью из человеколюбивых, известных своим поведением и добросовестностью женщин». Движение сестёр милосердия в Крымской войне 1853—1856 гг.
	ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
82	**А.И. БУКРЕЕВ, Е.Д. ЖАБКО** — Информационное обеспечение военно-исторических исследований: цифровые информационные ресурсы по истории мировых войн
	АРМИЯ И ОБЩЕСТВО
95	**А.С. ЛИЗОГУБ** — «200-летний юбилей... Полтавской битвы был отпразднован с исключительной торжественностью...». Сравнительный анализ коммеморативных мероприятий, посвящённых событиям Северной войны, в 1900—1914 гг.
	ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ
102	Человек с непростой судьбой, познавший триумф побед и горечь поражений... К 130-летию со дня рождения Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (*Публикация Н.Л. Крыловой*)
	НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ
104	**А.А. ЗДАНОВИЧ** — «Противостоящие фронту части 1-й венгерской армии находятся в процессе разложения и деморализации». Деятельность органов «Смерш» на территории Венгрии в 1944—1945 гг.
	КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА
112	**С.Д. КЛИМОВСКИЙ, А.В. ЛОСИК** — Военное судостроение России конца XVII — начала XX века в зеркале отечественной историографии
	ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
117	Клубу военачальников Российской Федерации — 20 лет! (*Публикация Л.Н. Бочаровой*)
	ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ
4-я стр. обл.	Генерал Штурм. К 125-летию со дня рождения Маршала Советского Союза В.И. Чуйкова (*Публикация Н.Л. Крыловой*)

51, 119 — КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА
120 — ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

CONTENTS

MEMORABLE DATES	
«Indestructible and legendary...». February 23: The Defender of the Fatherland Day (*Publication by N.L. Krylova*)	p. 2 of the cover
MILITARY CONSTRUCTION	
K.Yu. KOLESNICHENKO — «The main thing now is to prepare the defense of the Far East». Soviet military districts in Transbaikalia and the Far East, 1920—1931	4
GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945	
I.V. KISELEV — «...People gradually became more and more imbued with the consciousness of their strength». Political work in the Soviet troops during the defense of the Caucasus July 25 — December 31,1942	14
FIRST WORLD WAR	
A.V. OLEYNIKOV — The Battle of Volyn'. Russian 11th Army against German and Austrian troops in the battle of Berestechko in July 1916	22
HISTORY OF WARS	
N.A. KHREBTOV — «Do not fail to take the necessary precautions so that the borders... are not disturbed by the enemy...». Garrisons of the northern fortresses on the eve of and during the Russian-Swedish War of 1788—1790	30
HISTORY OF MILITARY SCIENCE	
D.A. ANTROPOV — «To capture, describe and understand the practice of modern armed struggle in real time». Activities of leading Russian military science schools in the development of multi-channel radio communication complexes of troop control systems	40
POINTS OF VIEW. JUDGMENTS. VERSIONS	
V.Yu. KUDEYKIN — Names and banners of glorious Russian regiments: questions of continuity	52
LOCAL WARS AND CONFLICTS OF THE 20th AND 21st CENTURIES	
N.M. VASILYEV — «This is the basis of our military victory». Creation of the Armed Forces of the Republic of Abkhazia in 1992—1993	64
WOMEN IN THE MILITARY	
V.A. LYSENKO — «They are chosen with strict discretion from among women who love humanity and are known for their conduct and conscientiousness». The Movement of the Sisters of Mercy in the Crimean War, 1853—1856	72
HISTORIOGRAPHY ANS SOURCE STUDIES	
A.I. BUKREYEV, Ye.D. ZHABKO — Information support for military history research: digital information resources on the history of world wars	82
ARMY AND SOCIETY	
A.S. LIZOGUB — «The 200th anniversary... of the battle of Poltava was celebrated with extraordinary solemnity...». Comparative analysis of the commemorative events dedicated to the events of the Northern War in 1900—1914	95
MILITARY LEADERS AND COMMANDERS	
A man with a difficult destiny, who knew the triumph of victories and the bitterness of defeats... On the 130th anniversary of the birth of Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko (*Publication by N.L. Krylova*)	102
UNKNOWN FACTS FROM THE LIFE OF SECRET SERVICES	
A.A. ZDANOVICH — «The units of the 1st Hungarian Army facing the front are in the process of disintegration and demoralization». Activities of the SMERSH Organs on the territory of Hungary in 1944—1945	104
MILITARY HISTORIAN'S BOOKSHELF	
S.D. KLIMOVSKY, A.V. LOSIK — Military shipbuilding of Russia at the end of 17 — beginning of 20 century in the mirror of domestic historiography	112
MEMORABLE DATES	
The Military Commanders Club of the Russian Federation is 20 years old! (*Publication by L.N.Bocharova*)	117
MILITARY LEADERS AND COMMANDERS	
General Storm. On the 125th anniversary of the birth of the Marshal of the Soviet Union V.I. Chuikov *(Publication by N.L. Krylova)*	p. 4 of the cover

MILITARY HISTORIAN'S BOOKSHELF — 51, 119
MEMORABLE DATES — 120

К.Ю. Колесниченко

«ГЛАВНОЕ ТЕПЕРЬ — В ПОДГОТОВКЕ ОБОРОНЫ НА ДАЛЬВОСТЕ»

Советские военные округа в Забайкалье и на Дальнем Востоке в 1920—1931 гг.

Сведения об авторе. *Колесниченко Кирилл Юрьевич — ведущий социолог Краевого государственного автономного учреждения «Приморский научно-исследовательский центр социологии и гражданских инициатив», кандидат политических наук (г. Владивосток. E-mail: generalgrant@mail.ru).*

Аннотация. *В статье представлены результаты проведённого на основе сведений архивных материалов и научных работ анализа создания и совершенствования советских территориальных общевойсковых объединений, а также формирований военно-морских сил и пограничной охраны на Дальнем Востоке и в Забайкалье от образования первых советских военных округов до создания Японией с началом оккупации ею Маньчжурии осенью 1931 года очага войны у границы СССР, потребовавшего наращивания войск и сил для её обороны. Отражены оценки руководством СССР и военным командованием характера военных угроз нашей стране с востока. Освещены формирование и совершенствование органов военного управления, группировок войск и сил, их боевой и численный состав. Анализ показал, что в указанный период, определявшийся советским руководством на основе верной оценки международной обстановки, ограниченный состав войск и сил РККА на Дальнем Востоке и в Забайкалье соответствовал уровню военной опасности, экономическим возможностям государства и обеспечивал решение оборонных задач в тех регионах.*

Ключевые слова: *СССР; Дальний Восток; Забайкалье; военная безопасность; Сибирский военный округ; Особая Краснознамённая Дальневосточная армия; Морские силы Дальнего Востока; Амурская военная флотилия.*

Фрагмент панорамы «Волочаевская битва»
Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова

Выбор темы статьи и хронологических рамок освещаемого периода продиктован тем, что в работах по истории советских войск и сил на Дальнем Востоке и в Забайкалье не затронут или отражён фрагментарно ряд важных аспектов военного строительства там в 1920-е годы. Авторы изданий об истории Краснознамённого Дальневосточного, Забайкальского и Сибирского военных округов, Тихоокеанского флота, Амурской флотилии и других работ[1] в основном осветили изменения их состава в конце 1930-х — 1940-е годы. А созданию и совершенствованию советских территориальных общевойсковых объединений[2] в 1920—1931 гг. уделили недостаточно внимания, хотя этот опыт заслуживает изучения. Его накопление началось в сложнейших условиях Гражданской войны и иностранной военной интервенции, падения к 1920 году в сравнении с 1913-м производства промышленности до 13,8 проц., сельхозпродукции — до 40 проц., продолжалось при скудных возможностях государства, глубоком экономическом кризисе, развале хозяйства нашей страны[3], вызванных огромными людскими и материальными потерями в Первой мировой и Гражданской войнах, в период послевоенного восстановления экономики и в первые годы индустриализации.

Узловыми эпизодами вооружённой борьбы, определившей будущее российского Дальнего Востока и Забайкалья, в ходе которой там были созданы первые советские военные округа, стали операции: Читинские 1920 года, Монгольские 1921-го, а также в 1922 году Волочаевская и завершившая Гражданскую войну 25 октября Приморская[4].

Политику Японии в начале 1920-х годов советская военная разведка характеризовала как активно империалистическую. Она создала плацдарм в Китае[5] и расширяла там свою экспансию[6]. Разработанный в 1923 году японский план войны против СССР предусматривал разгром советских войск на Дальнем Востоке и оккупацию обширной территории нашей страны[7].

Хотя подписанной 20 января 1925 года Конвенцией об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией они возобновили дипломатические и консульские отношения, провозгласив намерение жить в мире и дружбе, не вести враждебную деятельность против друг друга[8], у руководства СССР и командования Красной армии, советских войск в Забайкалье и на Дальнем Востоке не было иллюзий об устремлениях Токио.

По оценкам штаба Сибирского военного округа (СибВО) в 1924—1926 гг., целями Японии были полное закрепление в Северной Маньчжурии и захват Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), Забайкалья и советского Дальнего Востока — Приморья, Приамурья и побережья до Камчатки. Она могла использовать силы китайских милитаристов и белоэмигрантов. Не исключались японские военная экспедиция в Якутию и наступление по реке Лене[9].

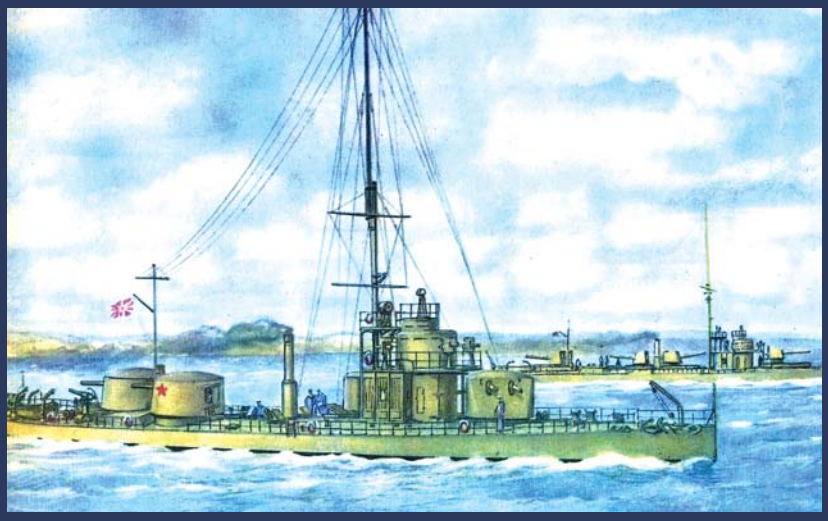
В Москве считали Японию одним из враждебных государств, выступавших «в качестве застрельщика и организатора нового военного выступления против СССР». Констатировали: «На Дальнем Востоке недвусмысленные притязания на советские территории и естественные богатства (рыбные промыслы, лес, нефть, уголь) обнаруживает японский империализм, выступающий как один из активных врагов СССР и союзник Англии в её противосоветских комбинациях в Азии»[10]. Но Токио сдерживала нехватка сырья для обеспечения нужд армии и флота в войне против СССР. Поэтому Япония намеревалась сначала захватить богатую сырьём Маньчжурию и создать плацдарм для нападения на СССР. А силы китайских милитаристов сковывала сложная внутриполитическая обстановка в Поднебесной. Это позволяло СССР решать оборонные задачи на востоке небольшим числом войск и сил РККА. Их оказалось достаточно, чтобы в Советско-китайском вооружённом конфликте 1929 года, вызванном захватом Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) силами правителя Маньчжурии генерала Чжан Сюэляна, восстановить права СССР на КВЖД и исключить реализацию китайского плана перерезать Транссибирскую магистраль войсками 300-тысячной Мукденской армии (в т.ч. свыше 130 тыс. человек[11], сосредоточенных у советско-китайской границы) при поддержке Сунгарийской речной военной флотилии и вооружённых отрядов белогвардейцев (до 70 тыс. человек), взорвать железнодорожные туннели у Байкала, изолировав Дальний Восток СССР от его центральных районов[12].

Обострение военной угрозы СССР японской оккупацией Маньчжурии потребовало наращивания войск и сил РККА на Дальнем Востоке и в Забайкалье. 27 ноября 1931 года генсек ЦК ВКП(б) И.В. Сталин писал наркомвоенмору, председателю Реввоенсовета СССР К.Е. Ворошилову: «Дела с Японией сложные, серьёзные… не исключено и даже вероятно, что она протянет руку к нашему Дальвосту… если мы не займёмся сейчас же организацией ряда серьёзных предупредительных мер военного и невоенного характера, — то японцы смогут осуществить свой план… Главное теперь — в подготовке обороны на Дальвосте»[13].

Сведения, представленные в таблице, показывают: в Сибири и на Дальнем Востоке в освещаемый период были реализованы более двух десятков мер по созданию и преобразованию советских территориальных общевойсковых объединений. Большинство из них — около полутора десятков за неполные 3 года — с декабря 1919 года до окончания Гражданской войны.

Вступлением частей Народно-революционной армии Дальневосточной республики во Владивосток 25 октября 1922 г. завершилась Гражданская война в России

Мониторы Дальневосточной флотилии

Плавбаза «Амур» 68-го отдельного речного гидроавиаотряда Дальневосточной флотилии

Совнарком (СНК) РСФСР декретом от 4 мая 1918 года предписал в дополнение к шести советским военным округам учредить ещё 5, из них 3 в Сибири и на Дальнем Востоке: Западно-Сибирский (ЗСВО), Средне-Сибирский и Восточно-Сибирский (ВСВО). Но их формирование прекратили военные действия. В июне того же года войска и управление ВСВО обратили на комплектование Гродековского, затем Уссурийского фронтов[14]. Созданный в марте 1920 года штаб ВСВО в сентябре того же года был слит со штабом 5-й армии Восточного фронта. В сентябре 1922-го восстановлен как самостоятельный. Упразднён приказом РВСР № 171/55 от 24 января 1923 года.

Западно-Сибирский военный округ был образован постановлением Сибревкома от 3 декабря 1919 года под названием Омского (штаб в Омске)[15], подчинён Реввоенсовету (РВС) 5-й армии Восточного фронта. 24 декабря переименован в Сибирский (СибВО). Ещё через месяц — в ЗСВО. В него входили территории Омской, Томской, Тобольской, Челябинской, Семипалатинской и Алтайской губерний.

20 апреля 1920 года РВСР приказом № 597/102 учредил должность помощника главнокомандующего всеми Вооружёнными силами Республики (помглавкома) по Сибири. Ему подчинялись войска в Сибири, Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском военных округах, укрепрайоны. В штаб помглавкома по Сибири в декабре 1920-го вошёл штаб расформированного ЗСВО. Помглавкома был членом учреждённого 26 апреля 1921 года приказом РВСР № 893 РВС войск Сибири. Его возглавлял председатель Сибревкома. 8 мая 1922-го приказом РВСР № 1153/225 должность помглавкома была преобразована в пост командующего войсками Сибири, возглавившего РВС войск Сибири. Его штаб был переименован в штаб войск Сибири, восстановлен ЗСВО. В

него вошли территории Пермской, Екатеринбургской, Челябинской, Тобольской, Омской, Алтайской, Новониколаевской и Томской губерний, а также в январе 1923-го — территория упразднённого ВСВО. 24 января 1923 года приказом РВСР № 171/55 РВС и штаб войск Сибири упразднили. ЗСВО в мае 1923-го передал территории Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тобольской губерний Приволжскому военному округу[16].

В военном строительстве участвовала Дальневосточная республика (ДВР) — буферное государство, созданное с целью предотвратить военное столкновение Советской России с Японией, обеспечить условия эвакуации японских войск и разгрома белых на Дальнем Востоке[17]. Провозгласивший ДВР I Учредительный съезд представителей трудящихся Забайкалья постановлением от 2 апреля 1920 года поставил народно-революционной власти задачу «сплотить в единую Народно-революционную армию все разрозненные партизанские силы»[18].

Сухопутные войска ДВР создали на базе частей Восточно-Сибирской советской армии, преобразованных в марте 1920 года в Народно-революционную армию (НРА) Прибайкалья, в апреле — в НРА Забайкалья, в мае того же года — в НРА ДВР[19]. Созданное временной земской властью Прибайкалья военное ведомство 9 апреля 1920-го преобразовали в Военное министерство. Его глава стал военным министром. Полевые войска подчинялись главкому всеми вооружёнными силами ДВР. Создали главный штаб Военного министерства, объединённый приказом военсовета НРА ДВР № 4 от 30 июня 1921 года со штабом главкома в единый штаб НРА. Военный министр стал одновременно главкомом и председателем военсовета НРА. Войска свели в армии и группы войск, создали фронты, а также 17 августа 1921 года — Восточно-Забайкальское и Приамурское окружные воинские управления. Затем на их основе — два военных округа. 21 сентября того же года — Приамурский, переформированный 15 января 1922-го в штаб Восточного фронта. 3 ноября 1921 года — Забайкальский, упразднённый 2 мая 1922-го.

27 октября 1921 года для руководства войсками, участвовавшими (на правах дивизии) в ликвидации якутского восстания, образовали штаб командующего вооружёнными силами Якутской губернии, с марта 1922-го — всеми вооружёнными силами Якутской губернии и Северного края, с июня того же года — войск Якутской АССР. Он подчинялся командованию: до сентября 1922 года — 5-й армии и ВСВО, до января 1923-го — ВСВО, до июня 1924-го — ЗСВО, до расформирования в июне 1925 года — СибВО.

5-я армия[20], расформированная по приказу РВСР от 6 сентября 1922 года, возродилась, как только по постановлению Народного собрания ДВР от 14 ноября 1922 года и декрету Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) от 15 ноября Дальневосточная республика стала частью РСФСР. Постановлением РВСР, объявленным приказом военсовета НРА № 1 от 16 ноября, НРА ДВР была переименована в Красную армию. 22 ноября 1922 года приказом РВС войск Сибири № 728/50 — в 5-ю армию. 1 июля 1923-го РВС СССР

Административно-территориальное деление российского Дальнего Востока и Сибири в 1921 г.

Таблица

Советские территориальные общевойсковые объединения в Сибири и на Дальнем Востоке в 1920—1931 гг.

Объединения	Решения	Даты	Территории
Создан Омский ВО (в подчинении 5-й армии)	Постановление Сибревкома	3 декабря 1919 г.	Алтайской, Енисейской (временно), Омской, Семипалатинской, Тобольской (с 21 апреля 1920 г. Тюменская), Томской, Челябинской губерний. Управление в Омске. С августа 1921 г. штаб помглавкома ВСР по Сибири в Новониколаевске (с 1926 г. Новосибирск), приказом РВСР от 8 мая 1922 г. переименован в штаб войск Сибири
Переименован в Сибирский ВО (СибВО)	Постановление РВС 5 А	24 декабря 1919 г.	
Переименован в Западно-Сибирский ВО (ЗСВО)	Постановление Сибревкома	25 января 1920 г.	
Штаб ЗСВО слит со штабом помглавкома ВСР по Сибири	Директива главкома ВСР	8 декабря 1920 г.	
Создан Восточно-Сибирский ВО (ВСВО)	Приказ РВСР № 387/63	15 марта 1920 г.	Енисейской, Иркутской, Томской (с мая) губерний. Штаб в Красноярске
Создана Народно-революционная армия Дальневосточной Республики (НРА ДВР, с марта 1920 г. НРА Прибайкалья, с апреля 1920 г. — НРА Забайкалья, с мая 1920 г. — НРА ДВР)	Постановление временной земской власти Прибайкалья	10 марта 1920 г.	Западного и Восточного Забайкалья, Амурской, Приморской областей, Сахалина и Камчатки*. Штаб в Верхнеудинске (в 1934 г. переименован в Улан-Удэ, март—ноябрь 1920 г.), в Чите (ноябрь 1920 — ноябрь 1922 г.)
	Постановление съезда представителей трудящихся Забайкалья	2 апреля 1920 г.	
Штаб ВСВО слит со штабом 5 А	Приказ РВСР № 1952/365	26 сентября 1920 г.	В состав включили Якутскую и часть Забайкальской губернии
Созданы Восточно-Забайкальское и Приамурское окружные воинские управления	Приказ военного совета НРА ДВР № 166	17 августа 1921 г.	
Создан Приамурский военный округ	Приказ военсовета НРА № 261	21 сентября 1921 г.	Амурской, Приамурской, Приморской областей
Учреждён штаб командующего вооружёнными силами Якутской губернии**	Приказ войскам 5 А и ВСВО № 1674	27 октября 1921 г.	Якутской губернии, с 27 апреля 1922 г. Якутской АССР
Штаб Приамурского ВО переформирован в штаб Восточного фронта	Приказ главкома НРА № 8/оп	15 января 1922 г.	
Создан Забайкальский военный округ (ЗабВО)	Приказ военсовета НРА № 360	3 ноября 1921 г.	Забайкальской и Прибайкальской областей
Упразднён ЗабВО	Приказ военного совета НРА ДВР № 277	2 мая 1922 г.	
Восстановлен ЗСВО (штаб в Омске, с января 1923 г. в Новониколаевске)	Приказ РВСР № 1153/225	8 мая 1922 г.	Алтайской, Омской, Томской, Новониколаевской, а также в мае 1923 г. переданных в Приволжский ВО Пермской, Екатеринбургской, Тюменской и Челябинской губерний
Расформирована 5 А, создан штаб ВСВО	Директива РВС войск Сибири № 63/нш	6 сентября 1922 г.	
Переименована НРА ДВР в 5 А (с 1 июля 1923 г. 5-я Краснознамённая)	Приказ РВС войск Сибири № 728/50	22 ноября 1922 г.	Забайкалья, Дальнего Востока, Чукотки (с расформированием 5А территории включены в СибВО)
Упразднён ВСВО	Приказ РВСР № 171/55	24 января 1923 г.	Территория ВСВО разделена между ЗСВО и 5-й армией
Расформирована 5 А		Июнь 1924 г.	
ЗСВО переименован в СибВО	Приказ РВС СССР № 757/138	12 июня 1924 г.	Сибири и Дальнего Востока, после создания ОДВА — Западно-Сибирского края, Ойротской, Хакасской АО, Красноярского края (с мая 1935 г.)

Расформирован штаб войск Якутской АССР	Распоряжение РВС СибВО	7 июня 1925 г.	
Создана Особая Дальневосточная армия (ОДВА)	Приказ РВС СССР № 227/41	6 августа 1929 г.	Дальнего Востока, Бурят-Монгольской АССР, Иркутского округа Сибирского края. Штаб в Хабаровске

Аббревиатуры в таблице: ВСР — Вооружённые силы Республики (РСФСР), РВСР — Реввоенсовет Республики (РСФСР).

* По постановлению Временного делового президиума правительства ДВР от 1 ноября 1920 г. войска НРА в Западном и Восточном Забайкалье, Амурской, Приморской областях, на Сахалине и Камчатке подчинялись главкому всеми вооружёнными силами ДВР.

** Штаб командующего вооружёнными силами Якутской губернии в марте 1922-го переименовали в штаб командующего всеми вооружёнными силами Якутской губернии и Северного края, в июне того же года — в штаб войск Якутской АССР.

Составлена по: Сибирский военный округ // Военная энциклопедия (ВЭ) в 8 т. Т. 7. М.: Воениздат, 2003. С. 467; Пятая армия // ВЭ. Т. 7. С. 100; Восточно-Сибирский военный округ // ВЭ. Т. 2. М.: Воениздат, 1994. С. 290; Забайкальский военный округ // ВЭ. Т. 3. М.: Воениздат, 1995. С. 196; Народно-революционная армия Дальневосточной Республики // ВЭ. Т. 5. М.: Воениздат, 2001. С. 379—381; Центральный государственный архив Советской армии: путеводитель в 2 т. Т. 1. Minneapolis: East View Publications, 1991. С. 152—168, 193—195, 214—225, 300—307, 357—559. URL: http://guides.eastview.com/browse/browse.html#501; Центральный государственный архив Советской армии (с июня 1992 г. Российский государственный военный архив): путеводитель в 2 т. Т. 2. Minneapolis: East View Publications, 1993. С. 421—423.

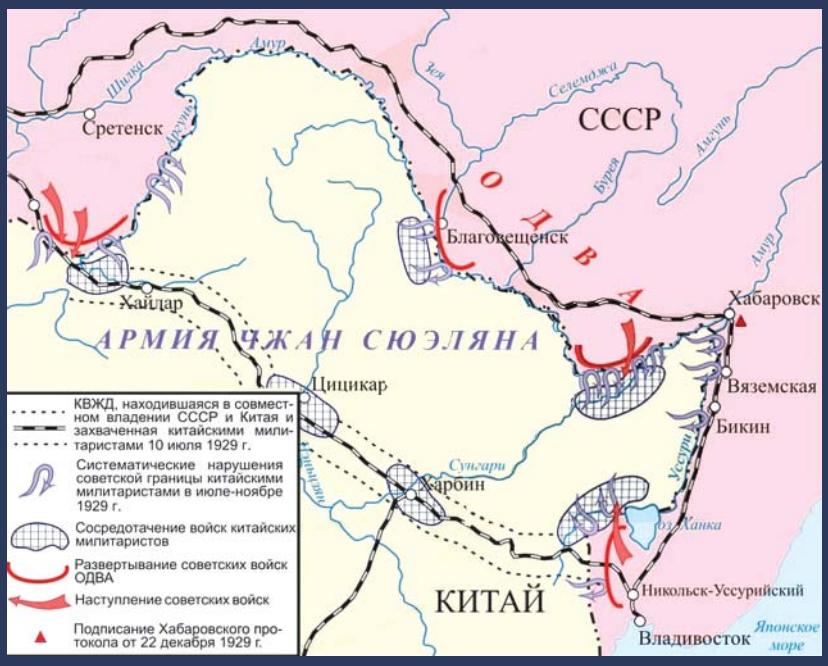
присвоил ей почётное наименование Краснознамённая[21]. К концу того же года численность войск 5 А сократили с 36 тыс. до 17,6 тыс. человек[22]. Штаб 5-й армии дислоцировался в Чите. В Приморье, Приамурье и других дальневосточных районах — входивший в 5-ю армию до передислокации в январе 1924 года на Украину 17-й Приморский корпус со штабом в Уссурийске (1-я Забайкальская, 2-я Приамурская и 36-я стрелковые дивизии, отдельная Дальневосточная кавалерийская бригада, Владивостокский караульный и 16-й железнодорожный полки, сапёрный и строительный батальоны, бронепоезд, военные госпитали, Хабаровское отделение артсклада, 2-й авиаотряд и др.)[23].

Преобразования органов военного управления, войск и сил продолжались в ходе военной реформы 1924—1925 гг.[24] Специфика реформирования войск на Дальнем Востоке заключалась в том, что там в связи с обстановкой у нашей границы предпочтение отдавали кадровым дивизиям[25]. В тот период органы управления и войска СибВО переходили на штаты мирного времени и решали задачи укрепления обороны, включая разработку оперативных планов, боевую подготовку, воссоздание и совершенствование системы учёта призывных и мобилизационных ресурсов, участвовали в борьбе с бандитизмом[26].

По приказам РВС СССР № 564 от 15 апреля 1924 года и № 595 от 27 сентября 1926-го был реорганизован окружной аппарат управления. Для внедрения территориально-милиционной системы комплектования РККА по постановлению ЦИК и СНК СССР «О реорганизации местных органов Народного комиссариата по военно-морским делам» от 9 января 1925 года военкоматы преобразовали в территориальные управления[27].

12 июня 1924 года РВС СССР приказом № 757/138 переименовал ЗСВО в СибВО с подчинением ему войск и военных учреждений в Сибири и на Дальнем Востоке. 5-я армия была расформирована. Её части обращены на комплектование в СибВО к 1 июля 1924 года двух стрелковых корпусов — 18 ск (35-я Сибирская и 36-я Забайкальская стрелковые дивизии, управление ск в июле 1924, 1929—1930 гг. и с февраля 1932 гг. в Чите, в июле 1924—1929, декабре 1930 — июле 1931, сентябре 1931 — феврале 1932 гг. в Иркутске, июле—сентябре 1931-го в Верхнеудинске) и 19 ск (1-я Тихоокеанская и 2-я Приамурская стрелковые дивизии, управление ск в Хабаровске). В СибВО также входили 5-я отдельная Кубанская и 9-я отдельная Дальневосточная кавалерийские бригады, два отдельных авиаотряда — 25-й (Чита) и 19-й «Дальневосточный ультиматум» (Спасск-Дальний), 41-й и 42-й авиапарки, несколько бронепоездов, сапёрных и других воинских частей[28].

СибВО участвовал в реализации пятилетней программы национального строительства в РККА (формирования национальных частей). До её принятия пленумом РВС СССР 28 ноября 1924 года как ориентировочной в Якутской ССР находились национальная отдельная стрелковая рота с кавалерийским взводом (239 человек). В ходе реализации программы создали якутскую школу младшего комсостава, а также бурят-монгольские школу младшего комсостава кавалерии и отдельный кавалерийский эскадрон, объединённые в 1927 году в Отдельный Бурят-Монгольский кавалерий-

Военные действия в районе КВЖД
1929 г.

Военнослужащие и самолёты Р-1 19-го авиаотряда «Дальневосточный ультиматум»
1929 г.

Воины Джалиндинского погранотряда — участники боевых действий в конфликте на КВЖД
1929 г.

ский дивизион[29] (2 сабельных эскадрона, пулемётный взвод, взвод связи)[30].

К началу 1927 года в СибВО насчитывалось около 51,8 тыс. человек (9,8 проц. общей численности РККА), из них около 1000 в окружном и других органах военного управления, 35,8 тыс. в стрелковых войсках, 4500 в стратегической коннице, 2700 в военных учреждениях, заведениях и столько же в местных стрелковых войсках, 1250 в железнодорожных войсках, около 1270 в войсках связи и инженерных, 420 человек в строевых частях ВВС, чуть более 300 человек в артиллерии, не входившей в состав корпусов и дивизий, а также более 1900 человек в учебных заведениях[31]. В СибВО (штаб в Новосибирске) наряду с упомянутыми ранее 18, 19 ск (в каждом по 2 сд) и двумя отдельными кавалерийскими бригадами входили три стрелковые дивизии окружного подчинения (12-я имени Сибревкома, 21-я Пермская и 26-я Златоустовская), три территориальных стрелковых полка, Отдельный Бурят-Монгольский кавалерийский эскадрон, три отдельных авиаотряда (оао) с авиапарками, отдельный железнодорожный полк, бронепоезд № 13, полк связи и отдельный радиобатальон, 5 артиллерийских, 4 военно-технических склада, ряд других частей и учреждений[32].

К 1 августа 1929 года в советских войсках на Дальнем Востоке и в Забайкалье насчитывалось около 44 тыс. человек, 11 тыс. лошадей, 249 орудий, 1300 пулемётов, 9 танков, 70 самолётов[33].

После того как китайские власти силовым путём захватили под полный контроль КВЖД, советское руководство приняло и оформило приказом РВС СССР № 227/41 от 6 августа 1929 года решение создать самостоятельное объединение с функциями военного округа — Особую Дальневосточную армию (ОДВА) со штабом в Хабаровске. В составе СибВО

остались территории Западно-Сибирского края, Ойротской, Хакасской автономных областей, Красноярского края (с мая 1935 г.)[34].

В ОДВА вошли соединения и части на территориях Дальнего Востока, Бурят-Монгольской АССР, Иркутского округа Сибирского края, а также переброшенные из других районов. Управление армии сформировали на базе управлений 18 и 19 ск[35]. В неё вошли шесть стрелковых дивизий — 1-я Тихоокеанская, 2-я Приамурская дважды Краснознамённая, 26-я Златоустовская Краснознамённая, 35-я Сибирская Краснознамённая, 36-я Забайкальская и 21-я Пермская территориальная, а также 5-я отдельная Кубанская и 9-я отдельная Дальневосточная кавалерийские бригады, Отдельный Бурят-Монгольский и Сибирский кавдивизионы, стрелковый батальон, две стрелковые роты и взвод местных стрелковых войск, семь военных госпиталей 1-го и 2-го классов[36]. Специальные и технические войска ОДВА, усиленные путём передислокации ряда частей из Сибирского, Московского и Ленинградского военных округов, составили два дивизиона бронепоездов (по три в каждом), отдельная рота танков МС-1, 4-й отдельный радиобатальон, отдельный Дальневосточный батальон связи, 9-й железнодорожный полк, два отдельных сапёрных батальона, три отдельных артдивизиона. В ВВС армии и Дальневосточной военной флотилии (ДВФл) насчитывались 70 самолётов 5, 26 и 40-й имени В.И. Ленина отдельных авиаэскадрилий (оаэ), 6, 19 и 25 оао и 68-го отдельного речного гидроавиаотряда ДВФл с пятью авиапарками[37].

Эффективное применение военной силы в Маньчжурии восстановило законные права нашей страны на КВЖД. За успешное выполнение боевых задач в ходе вооружённого конфликта, мужество и героизм личного состава в 1930 году ОДВА (1 января), ДВФл (23 апреля) и пограничная охрана Дальневосточного края (28 апреля) были награждены орденами Красного Знамени, в их наименования внесено слово «Краснознамённая»[38].

После вооружённого конфликта воинские части были переведены на штаты мирного времени. 26 сд осталась в ОДВА. 21 сд вернулась в СибВО. В нём были сформированы 40-я территориальная стрелковая дивизия и 6-й отдельный территориальный стрелковый полк[39]. В 1930 году 40 сд была передана в ОКДВА и включена в 18 ск. Отдельный Сибирский кавдивизион, два дивизиона бронепоездов и ряд других частей расформировали. На Дальнем Востоке сформировали 18-ю авиабригаду в составе 5, 40 оаэ и 19 оао «Дальневосточный ультиматум».

Осенью 1931 года в ОКДВА входили 18-й (35, 36 и 40 сд) и 19-й Приморский (1, 2 и 26 сд) стрелковые корпуса, 5-я отдельная Кубанская и 9-я отдельная Дальневосточная кавалерийские бригады, два бронепоезда, отдельные батальоны связи и радио, танковая рота, автоброневой взвод, учебная авторота, 9-й железнодорожный полк, 18-я авиабригада, одна оаэ и оао. В ОКДВА насчитывались около 42 тыс. человек, 352 орудия, 88 самолётов и 16 танков[40].

В решении оборонных задач на Дальнем Востоке и в Забайкалье активно участвовали военные моряки и пограничники.

Созданные весной 1921 года Морские силы ДВР затем были переименованы в Народно-революционный флот (НРФ) Дальневосточной республики. С ноября 1922-го он стал именоваться Красным флотом на Дальнем Востоке, с 1923 года — Морскими силами Дальнего Востока (МС ДВ). Их начальник (наморси Дальнего Востока) в оперативном отношении подчинялся командующему 5-й (с 1 июля 1923 года 5-й Краснознамённой) армией. В 1923 году наморси ДВ были подчинены штаб МС ДВ, политотдел, Амурская военная флотилия (АВФл), Владивостокский отряд, служба связи, отдельная флотская рота, Владивостокский военно-морской порт, санитарная часть и подчинённое МС ДВ в оперативном отношении Управление по обеспечению безопасности кораблевождения на Дальнем Востоке (УБЕКО ДВ)[41]. В АВФл входили 5 канонерских лодок (в т.ч. 3 башенные), посыльное судно — минный заградитель, 2 бронекатера и 9 портовых плавсредств. Ещё ряд кораблей и других плавсредств из-за нехватки механизмов, вооружения и личного состава находились на хранении[42].

По приказу РВС СССР № 518/93 от 6 сентября 1926 года МС ДВ были расформированы. Владивостокский отряд кораблей передан Морской пограничной охране Дальнего Востока. АВФл с 29 сентября 1927 до 27 июня 1931 года именовалась Дальневосточной военной флотилией (ДВФл). В 1929 году, накануне конфликта на КВЖД, в неё входили 4 монитора (бывшие башенные канлодки), 4 канонерские лодки, 2 сторожевых корабля, 2 тральщика, 3 бронекатера, минный заградитель и сформированный осенью 1928 года 68-й отдельный речной гидроавиаотряд — 14 гидросамолётов и плавучая авиабаза (авиаматка) «Амур». В связи с обострением обстановки на Дальнем Востоке СНК СССР в конце 1931 года принял решение вновь создать МС ДВ. Было спланировано их усиление[43].

Формирование системы охраны государственной границы на Дальнем Востоке началось в 1922 году. На основании директивы военного совета НРА ДВР и постановления Дальбюро ЦК РКП(б) от 30 мая были созданы 8 отдельных пограничных эскадронов, охрана водной границы возложена на морской отдел Государственного политического управления (ГПУ, с осени 1923 г. ОГПУ — Объединённое ГПУ при СНК СССР) во Владивостоке (23 наблюдательных

поста на побережье Приморья)[44]. В том же году в РСФСР был создан Отдельный пограничный корпус войск ГПУ. В его составе были 7 округов, в т.ч. Сибирский. На границе с Китаем, Кореей и Монголией от стыка с Енисейской губернией до юга Приморья несли службу пограничная охрана и войска ОГПУ Дальневосточного края (ДВК). В начале 1923 года границу ДВК разделили на Забайкальский, Амурский, Приамурский и Приморский участки. Их охраняли губернские отделы, отделения ГПУ или губернские отряды войск ГПУ с отдельными эскадронами, пограничными постами и пикетами, с февраля 1924 года — пограничные отряды, комендатуры и заставы. Приказом ОГПУ от 30 мая того же года был образован Владивостокский отряд сторожевых судов погранохраны.

В 1927 году погранохрана ДВК включала семь погранотрядов (53-й Даурский, 54-й Нерчинский, 55-й Джалиндинский, 56-й Благовещенский, 57-й Хабаровский, 58-й Никольск-Уссурийский и 59-й Приморский) и два морских пограничных (52-й Сахалинский и 60-й Петропавловск-Камчатский)[45]. В 1925 году в частях погранохраны ДВК служили 2300 человек, в марте 1928-го — около 4900[46]. К 1930 году были сформированы 61-й (бухта Нагаева) и 62-й (Владивосток) погранотряды, 58-й и 59-й реорганизованы в 58-й Гродековский и 59-й Славянский погранотряды, в селе Шкотово создана отдельная пограничная комендатура. На речных участках границы совместно с сухопутными погранотрядами несла службу речная погранохрана (20 речных катеров Амурской речной пограничной базы, дислоцировавшейся в Хабаровске), на морском участке — силы морской погранохраны (8 сторожевых судов Владивостокской морской пограничной базы)[47].

Таким образом, военное строительство на советском Дальнем Востоке и в Забайкалье в 1922—1931 гг. было адекватно уровню военных угроз нашей стране с востока. Их верная оценка советским руководством позволила в сложных условиях послевоенного восстановления экономики и начала индустриализации избежать излишних затрат и обеспечить решение оборонных задач там войсками и силами небольшой численности.

Иллюстрации из Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова и с сайтов: old.bigenc.ru; eao.ru; bsk.nios.ru; rosphoto.org; rgiadv.ru; авиару.рф; encyclopedia.mil.ru.

Примечания

[1] *Сунцов Н.П., Хвостиков М.П., Яхнин Ю.Л. и др.* Краснознамённый Дальневосточный: история Краснознамённого Дальневосточного военного округа. 3-е изд. М.: Воениздат, 1985. 348 с.; *Великанов Н.Г., Габов С.А., Гончаров В.А. и др.* Ордена Ленина Забайкальский: история ордена Ленина Забайкальского военного округа. М.: Воениздат, 1980. 374 с.; *Захаров С.Е., Багров В.Н., Бевз С.С. и др.* Краснознамённый Тихоокеанский флот. М.: Воениздат, 1973. 320 с.; Краснознамённая Амурская флотилия. М.: Воениздат, 1970. 173 с.; *Янгузов З.Ш.* Особая Краснознамённая Дальневосточная армия на страже мира и безопасности СССР (1929—1938). Благовещенск: Амурское отделение Хабаровского книжного изд-ва, 1970. 239 с.; *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. М.: Вече, 2010. 464 с.; *Ткачёва Г.А.* Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941—1945 гг. Владивосток: ТОВМИ, 2005. 331 с.

[2] См.: Военный округ // Советская военная энциклопедия в 8 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1976. С. 270.

[3] Индустриализация // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (БРЭ ЭВ). URL: https://bigenc.ru.

[4] См.: Читинские операции 1920 // Интернет-портал Минобороны РФ: http://encyclopedia.mil.ru; Монгольские операции 1921 // там же; Волочаевская операция 1922 // там же; Приморская операция 1922 // там же.

[5] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 902. Оп. 1. Д. 19. Л. 18.

[6] *Богданов В.Н., Васильева Н.В., Гаврилов В.А. и др.* От Версаля до Барбароссы: великое противостояние держав, 1920-е — начало 1940-х гг. М.: Алгоритм, 2017. С. 113, 114.

[7] *Кошкин А.А.* Нейтралитет по-японски // Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. М.: Вече, 2010. С. 7, 8.

[8] См.: Документы внешней политики СССР в 26 т. Т. 8. М.: Политиздат, 1963. С. 7, 16, 70.

[9] РГВА. Ф. 902. Оп. 1. Д. 19. Л. 1, 2, 21, 30.

[10] *Дашиньский С., Радопольский Я.* Подготовка войны против СССР. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 47, 48.

[11] Советско-китайский вооружённый конфликт 1929 // Интернет-портал Минобороны РФ.

[12] Советско-китайский вооружённый конфликт 1929 // БРЭ ЭВ.

[13] *Сталин И.В.* Письмо К.Е. Ворошилову. 27 ноября 1931 г. // *Сталин И.В.* Сочинения в 18 т. Т. 17. Тверь: Северная корона, 2004. С. 457—459.

[14] См.: Декрет Совета Народных Комиссаров «Об учреждении военных округов» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 517. Цит. по: Исторические материалы. URL: https://istmat.org; Восточный военный округ // Интернет-портал Минобороны РФ; 150 лет (1865) со дня образования Сибирского военного округа // Библиотека сибирского краеведения. URL: http://bsk.nios.ru; Дальневосточный краевой штаб Рабоче-Крестьянской Красной армии, гвардии и флота // Центральный государственный архив Советской армии (с июня 1992 г. Российский государственный военный архив): путеводитель в 2 т. (далее — Путеводитель). Т. 2. Minneapolis: East View Publications, 1993. С. 423, 424. URL: http://guides.eastview.com.

[15] Там же.

[16] Путеводитель. Т. 1. С. 152, 153.

[17] Дальневосточная республика // ВЭ. Т. 3. М.: Воениздат, 1995. С. 7, 8.

[18] Постановление I Учредительного съезда представителей трудящихся Забайкалья об установлении и задачах народно-революционной власти на Дальнем Востоке. г. Верхнеудинск. 2 апреля 1920 г. // Из истории Гражданской войны в СССР в 3 т. Т. 3. М.: Советская Россия, 1961. С. 714, 715. Цит. по: Электронная библиотека исторических документов. URL: https://docs.historyrussia.org.

[19] Народно-революционная армия Дальневосточной Республики // ВЭ. Т. 5. М.: Воениздат, 2001. С. 379—381.

[20] См.: Пятая армия // ВЭ. Т. 7. С. 99—101; *Прокопяк Д.* Рождение и становление Пятой Краснознамённой // Коммунар. 2021. 15 октября. URL: https://kommunar.info.

[21] См.: там же; Народно-революционная армия Дальневосточной Республики // ВЭ. Т. 5. С. 381; Дальневосточная Республика // БРЭ ЭВ.

[22] *Великанов Н.Г., Габов С.А., Гончаров В.А. и др.* Указ. соч. С. 46, 47.

[23] *Сунцов Н.П., Хвостиков М.П., Яхнин Ю.Л. и др.* Указ. соч. С. 84, 85.

[24] См.: Реформа военная 1924—25 // Интернет-портал Минобороны РФ; Реформа в Красной армии. 1923—1928 гг.:

документы и материалы в 2 кн. Кн. 2. М.; СПб.: Летний сад, 2006. С. 71.

[25] *Сунцов Н.П., Хвостиков М.П., Яхнин Ю.Л. и др.* Указ. соч. С. 86.

[26] РГВА. Ф. 902. Оп. 1. Д. 18. Л. 1—26.

[27] Путеводитель. Т. 1. С. 158—161; Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 9 января 1925 г. «О реорганизации местных органов Народного комиссариата по военным и морским делам» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru.

[28] См.: Путеводитель. Т. 1. С. 158—160, 193—195, 305; Сибирский военный округ // ВЭ. Т. 7. С. 467; *Сунцов Н.П., Хвостиков М.П., Яхнин Ю.Л. и др.* Указ. соч. С. 86—90.

[29] В 1932 г. дивизион был преобразован в полк, в 1936 г. — в отдельную бригаду. Она в 1938 г. в связи с ликвидацией территориальных национальных частей перешла на новый штат и стала 5-й отдельной Краснознамённой Забайкальской кавалерийской. В 1939 г. была расформирована. См.: *Гармаев В.Д.* Красные конники Бурятии // Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 45—47.

[30] Доклад заместителя председателя РВС СССР М.В. Фрунзе в ЦК РКП(б) о пятилетней программе национального строительства в РККА. 29 декабря 1924 г. // Реформа в Красной армии. 1923—1928 гг.: документы и материалы в 2 кн. Кн. 1. М.; СПб.: Летний сад, 2006. С. 306—310; Примечание 102 // там же. С. 696; Доклад начальника ГУ РККА В.Н. Левичева в РВС СССР о национальных формированиях. 8 мая 1926 г. // там же. С. 556—560; *Калюжный Р.Г.* Красная армия 1918—1934: структура и организация: справочник. М., 2019. С. 387; *Безугольный А.Ю.* Национальный состав Красной армии. 1918—1945: историко-статистическое исследование. М.: Центрполиграф, 2021. С. 169—174, 186, 187; *Дриг Е.Ф.* Войска Семёна Михайловича: история организационного строительства стратегической конницы РККА. М.: Русские Витязи, 2019. С. 63, 72, 73, 84; *Гармаев В.Д.* Указ. соч. С. 45—47.

[31] Материалы переписи РККА 17 декабря 1926 г. // РГВА. Ф. 40442. Оп. 3а. Д. 3. Л. 15, 16 об.

[32] Дислокация технических и специальных частей и учреждений сухопутных, морских и воздушных сил Рабоче-крестьянской Красной армии. По состоянию на 1 декабря 1927 г. М.: Издание Главного управления РККА, 1927. С. 21—23, 40, 41.

[33] *Мильбах В.С.* Оперсводки штаба РККА о вооружённом конфликте на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 1. С. 84; *Янгузов З.Ш.* Указ. соч. С. 45.

[34] Путеводитель. Т. 1. С. 193, 194.

[35] *Жуматий В.И.* «Пусть они бегут и рассказывают другим, что на советскую землю нападать нельзя». К 90-летию вооружённого конфликта на КВЖД // Военно-исторический журнал. 2019. № 10. С. 4—13; Советско-китайский вооружённый конфликт 1929 // ВЭ. Т. 7. С. 552; *Сунцов Н.П., Хвостиков М.П., Яхнин Ю.Л. и др.* Указ. соч. С. 92.

[36] Особая Краснознамённая Дальневосточная армия // ВЭ. Т. 6. М.: Воениздат, 2002. С. 172; *Сунцов Н.П., Хвостиков М.П., Яхнин Ю.Л. и др.* Указ. соч. С. 91, 92; Советско-китайский вооружённый конфликт 1929 // ВЭ. Т. 7. С. 552; Советско-китайский вооружённый конфликт 1929 // БРЭ ЭВ; Амурская военная флотилия // ВЭ Т. 1. М.: Воениздат, 1997. С. 148; *Окороков А.В.* В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М.: Вече, 2013. С. 51—53; Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 159; РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 966. Л. 5—8; Ф. 9. Оп. 18. Д. 788. Л. 244; *Янгузов З.Ш.* Указ. соч. С. 31.

[37] Там же.

[38] На страже границ Отечества: пограничные войска России в войнах и вооружённых конфликтах XX в. в 3 т. Т. 2. М.: Граница, 2000. С. 150.

[39] РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 1070. Л. 38.

[40] Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 754. Л. 26.

[41] Там же; Историческая справка к Ф. МСДВ. Р-2193 // Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). URL: https://rgavmf.ru; Тихоокеанский флот // ВЭ. Т. 7. С. 85; Народно-революционный флот // ВЭ. Т. 5. С. 381.

[42] *Близниченко С.С.* Морские силы Дальнего Востока (1922—1926 гг.) // Морской сборник. 2014. № 6. С. 76—85; *Лапшин Р.В., Митюков Н.В.* Амурские канонерки: речные канонерские лодки типов «Бурят» и «Вогул» в 2 ч. Ч. 2 // Морская коллекция. 2017. № 4. С. 1—32.

[43] РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 966. Л. 5—8; Ф. 9. Оп. 18. Д. 788. Л. 244; Д. 1070. Л. 64, 67; Ф. 29. Д. 102. Оп. 9. Л. 66, 67; РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 101, Л. 57, 97; Д. 497, Л. 1; Дислокация технических и специальных частей и учреждений сухопутных, воздушных и морских сил Рабоче-крестьянской Красной армии. По состоянию на 1 марта 1931 г. М.: Издание 2-го управления Штаба РККА. С. 25, 26, 45, 46; *Захаров С.Е., Багров В.Н., Бевз С.С. и др.* Указ. соч. С. 111, 112; Тихоокеанский флот // ВЭ. Т. 8. М.: Воениздат, 2004. С. 85; *Гавриленко А.* На защите восточных рубежей // Красная звезда. 2023. 19 мая. URL: http://redstar.ru; Тихоокеанский флот // БРЭ ЭВ; Амурская военная флотилия // ВЭ. Т. 1. С. 148; *Ткачева Г.А.* Военно-политические аспекты безопасности Дальнего Востока РСФСР в 1920-е гг. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 19. С. 153; *Левшов П.В., Болтенков Д.Е.* Век в строю ВМФ: авиация Военно-морского флота России (1910—2010): справочник // Спецвыпуск альманаха «Тайфун», 2012. С. 572, 573.

[44] *Кондратенко. Б.Б.* Пограничные войска НКВД на охране дальневосточных рубежей СССР в годы Второй мировой войны. Дисс. … канд. ист. наук. Владивосток, 2023. С. 84.

[45] Тихоокеанский рубеж: из истории охраны государственной границы России в Приморье и на Тихом океане. Владивосток: Русский остров, 2004. С. 50—59.

[46] Пограничные войска СССР. 1918—1928 гг.: сборник документов и материалов. М., 1973. С. 802, 803, 820, 821, 858, 868—870; Государственный архив Хабаровского края. Ф. П. 2. Оп. 1. Д. 98. Л. 65.

[47] На страже границ Отечества: пограничные войска России в войнах и вооружённых конфликтах XX в. в 3 т. Т. 3. М.: Граница, 2000. С.138, 139; *Сутормин В.А.* Развитие системы морской пограничной охраны ОГПУ в 1922—1932 гг. // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 275.

K.Yu. Kolesnichenko

«THE MAIN THING NOW IS TO PREPARE THE DEFENSE OF THE FAR EAST»

Soviet military districts in Transbaikalia and the Far East, 1920—1931

Information about author. *Kirill Kolesnichenko — senior sociologist of the Regional State Autonomous Institution «Primorsky Scientific Research Center for Sociology and Civil Initiatives», Cand. Sc. (Pol.) (city of Vladivostok. E-mail: generalgrant@mail.ru).*

Summary. *Taking into account relevant archival materials and scientific works, the paper presents the results of the analysis of the process of creation and improvement of the Soviet territorial all-arms units, as well as naval and border guard formations in the Far East and Transbaikalia. The paper covers the period from the formation of the first Soviet military districts to the emergence of a military threat on the borders of the USSR in connection with the beginning of the Japanese occupation of Manchuria in the fall of 1931. This situation compelled our country to build up troops and forces for defense of these regions. The paper reflects the assessment of the USSR leadership and military commanders about the nature of military threats to our country from the East. It deals with the formation and improvement of military administrative bodies, the formation of troops and forces, their combat and numerical composition. The analysis has shown that in this period, determined by the Soviet leadership on the basis of a correct assessment of the international situation, the limited composition of the Red Army troops and forces in the Far East and Transbaikalia corresponded to the level of military danger, the economic capabilities of the state and ensured the solution of defense tasks in those regions.*

Keywords: *USSR; Far East; Transbaikalia; military security; Siberian military district; Special Red Banner Far Eastern Army; Naval Forces of the Far East; Amur military flotilla.*

И.В. Киселев

«...ЛЮДИ ПОСТЕПЕННО ВСЁ БОЛЬШЕ ПРОНИКАЛИСЬ СОЗНАНИЕМ СВОЕЙ СИЛЫ»

Политическая работа в советских войсках в ходе обороны Кавказа 25 июля — 31 декабря 1942 года

Сведения об авторе. *Киселев Илья Викторович — доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Краснодарского высшего военного авиационного училища лётчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова, кандидат исторических наук, доцент (г. Краснодар. E-mail: ilya.v.kiselev@yandex.ru).*

Аннотация. *Начало оборонительных боёв советских войск на Кавказе в конце июля 1942 года ознаменовалось изданием 28 июля приказа наркома обороны № 227. Его содержание и тон должны были переломить настроения в Красной армии, укрепить решимость сражаться с врагом до последней возможности. Огромная роль в реализации этого замысла отводилась политической работе на фронте. Её формам, особенностям и результатам в ходе Северо-Кавказской стратегической оборонительной операции 25 июля — 31 декабря 1942 года посвящена данная статья. Основой для публикации послужили документы политических органов Красной армии из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Наряду с ними использовались источники личного происхождения и исследования современных российских историков. Автор проанализировал достижения и недостатки устной и печатной пропаганды среди военнослужащих Северо-Кавказского и Закавказского фронтов. Отдельное внимание уделено реализации директив Главного политического управления Красной армии.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; политические органы; политическая работа; агитация; битва за Кавказ.*

С 2018 года понятие «политическая работа в войсках», казалось бы, забытое после распада СССР, обрело новую жизнь. В составе Российской армии появились военно-политические органы, деятельность которых имеет много общего с задачами политических органов Красной, а затем Советской армии[1]. В этой связи изучение опыта политработы, накопленного в условиях Великой Отечественной войны, приобрело особую актуальность. Между тем многие аспекты деятельности политработников в ходе решающих сражений 1941—1945 гг. исследованы недостаточно[2].

Всё сказанное определило цель исследования — изучение влияния политических органов на личный состав Красной армии в ходе Северо-Кавказской оборонительной операции. Прежде всего речь пойдёт об агитационно-пропагандистской работе. Автор предпринял попытку проанализировать усилия по укреплению боевого духа советских войск во время оборонительного этапа битвы за Кавказ и проследить общие тенденции партийно-политической работы в Красной армии во второй половине 1942 года на примере деятельности политических органов Северо-Кавказского и Закавказского фронтов. Раскрыть её содержание помогли документы Главного политического управления (ГлавПУ) РККА, политуправлений Северо-Кавказского и Закавказского фронтов, политотделов Северной и Черноморской групп войск, а также различные источники личного происхождения. Среди последних выделим дневник политрука Н.А. Гендлина — замполита одной из батарей артиллерийского дивизиона 68-й морской стрелковой бригады[3].

Результаты агитационной и пропагандистской работы в ходе обороны Кавказа впервые были обобщены в докладе «Партийно-политическая работа в битве за Кавказ (июль—декабрь 1942 г.)», подготовленном для военно-исторического отдела Генерального штаба Красной армии[4]. Однако его содержание долгие годы оставалось засекреченным и лишь частично было изложено в книге Маршала Советского Союза А.А. Гречко[5]. Это стало едва ли не единственным примером анализа роли политических органов Красной армии в Северо-Кавказской стратегической оборонительной операции. Отдельные аспекты деятельности политработников в оборонительных боях на Кавказе изложили в своих исследованиях современные российские историки — А.Ю. Безугольный[6], А.А. Зданович[7], А.В. Карташев[8], С.И. Линец и С.В. Януш[9].

Практически все исследователи обороны Кавказа отмечают значение издания приказа народного комиссара обороны № 227 от 28 июля 1942 года как одного из ключевых событий, повлиявших на советских бойцов и командиров. В директиве ГлавПУ РККА 29 июля 1942 года прозвучало указание о том, чтобы «приказ наркома был немедленно доведён до частей и подразделений, зачитан и разъяснён всему личному составу Красной армии. Не должно быть ни одного военнослужащего, который не знал бы приказа товарища Сталина»[10]. Однако в реалиях летнего отступления на Кавказе ознакомление войск с содержанием приказа № 227 растянулось вплоть до конца августа. А вновь прибывшее пополнение подчас не знало его сути и в последующие месяцы.

К сожалению, таковым положение дел оставалось и на других участках советско-германского фронта. Иначе трудно объяснить выход 15 августа директивы ГлавПУ РККА, где отмечалось, что «некоторые члены военных советов, начальники политорганов и военкомы соединений до конца не поняли военного и политического значения приказа народного комиссара обороны № 227 и ограничились формальным зачтением его личному составу»[11]. Начальник политуправления Северо-Кавказского фронта бригадный комиссар В.Н. Емельянов 22 августа констатировал тот факт, что в войсках нет систематической и продуманной работы по разъяснению приказа от 28 июля 1942 года, а политотделы и военные комиссары соединений «не сумели мобилизовать массы на борьбу с врагом и исполнение приказа № 227»[12]. О том, как непросто было «мобилизовать массы» в условиях затянувшегося отступления, мы можем судить по записям Н.А. Гендлина. На вопрос сослуживца: «Комиссар, ну куда мы едем! Воевать будем или опять... отступать?» приходилось говорить о запланированном отходе, но такие ответы не всегда устраивали личный состав[13].

Проведённая представителями ГлавПУ РККА с 3 по 23 сентября проверка состояния партийно-политической работы на Закавказском фронте вновь отметила недостаточность усилий по формированию и применению штрафных частей, неэффективное использование заградотрядов, факты дезертирства и чтения немецких листовок. Подчёркивалась и недостаточная требовательность к высшему командному составу: «Видимо принято считать, что приказ о поднятии боеспособности войск относится только к красноармейцам и средним командирам, а проявление элементарной неграмотности и вопиющие ошибки в руководстве боем будут и в дальнейшем проходить безнаказанно для командиров соединений и выше»[14]. И всё же к концу августа 1942 года обстановка на Северном Кавказе стала меняться, наступление противника замедлилось или вовсе прекратилось. Бойцы, командиры, политработники Красной армии продемонстрировали примеры упорства и героизма, как того и требовал приказ № 227[15].

Из числа указаний ГлавПУ РККА, поступавших в войска в период обороны Кавказа, стоит выделить директиву № 012 от 17 сентября 1942 года «О воспитательной работе с красноармейцами и младшими командирами нерусской национальности». Трудно преувеличить её значимость для политработы на кавказском участке фронта, ведь здесь как нигде велика была доля выходцев из Закавказья. Особенно выделялась в этом отношении Северная группа войск, где азербайджанцы, армяне и грузины к 20 ноября 1942 года составляли 30,5 проц. личного состава. Русских, украинцев и белорусов в общей сложности оказалось 57,6 проц.[16] Несколько иной была картина в Черноморской группе войск. По донесению от 11 декабря 1942 года, представители восточнославянских этносов составляли 86 проц. в 47-й армии, 82,1 проц. — в 56-й армии, 53,1 проц. — в 46-й армии и 44,5 проц. — в Туапсинском оборонительном районе[17].

Надо сказать, что на Северном Кавказе национальный вопрос привлёк внимание политработников ещё до выхода директивы № 012. Заместитель начальника политотдела 12-й армии полковой комиссар Г.С. Акопян в начале сентября 1942 года направил в политуправление Черноморской группы войск записку с предложениями о работе с бойцами нерусских национальностей. Рекомендовалось объединить военнослужащих одной национальности в группы для проведения агитации; выделить низовых агитаторов, владевших как русским, так и родным языками; выдвинуть коммунистов разных национальностей на должности политработников даже при недостатке у них военных знаний и слабом понимании русского языка; добиться адресного снабжения войск печатной продукцией на родном языке. Также предлагалось определить

«Отстоим Кавказ!»
Художник И.М. Тоидзе, 1942 г.

122

ПРИКАЗ

Без публикации.

НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

№ 227

28 июля 1942 г.

г. МОСКВА

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на Юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов на Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную армию, а многие из них проклинают Красную армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое

Первый лист приказа народного комиссара обороны № 227 от 28 июля 1942 г.

в политотделах армий и групп сотрудников, специализировавшихся на работе с бойцами и командирами нерусских национальностей[18].

В советский период подчёркивался факт успешного выполнения основных положений директивы № 012: «Можно себе представить, как остро здесь стоял вопрос о действенной партийно-политической работе на сорока языках! Но при помощи партийных органов республик Кавказа и Средней Азии Военный совет и политорганы Северной группы войск с честью решили эту задачу»[19]. Действительно, 14 октября 1942 года вышло постановление военного совета Северной группы войск «Об усилении партийно-политической и воспитательной работы в национальных частях». Им предусматривалась организация краткосрочных курсов по подготовке политработников национальных частей, а для действующего политсостава предполагалось проводить семинары по работе с воинами нерусского происхождения. Политотделы армий усиливались национальными кадрами, а для непосредственной агитационной работы в войсках Закавказский фронт организовал дополнительный призыв 1000 коммунистов и комсомольцев из республик Южного Кавказа. Были скорректированы тематика лекций и докладов, а также репертуар художественной самодеятельности[20]. Аналогично действовали в Черноморской группе войск: её политотдел 9 октября 1942 года дал указание выделить в армейском и дивизионном звене инструкторов, а в подразделениях — агитаторов из числа бойцов и командиров, знавших языки Закавказья. Планировалось сформировать группу внештатных агитаторов для ведения работы на различных языках народов СССР[21].

При всех предпринятых усилиях партийно-политическая работа среди военнослужащих нерусских национальностей сопровождалась массой проблем. В своём донесении от 18 октября

1942 года начальник политотдела Северной группы бригадный комиссар Х.С. Надоршин прямо указывал, что это направление оказалось запущено. По его словам, национальный уклад жизни бойцов не учитывался, командиры и политработники проявляли формализм и грубое отношение, многие упущения ими попросту скрывались. Вместе с тем как показатель эффективной воспитательной работы приводились примеры боевого мастерства и героизма воинов из Закавказья и Средней Азии. В качестве итога прозвучал неутешительный вывод о том, что «противник в национальные дивизии больше, чем в какие-либо другие части, засылает своих агентов, забрасывает листовки и применяет ряд других методов распространения своей пропаганды. А политработники часто не умеют вскрыть и своевременно разглядеть действия вражеских элементов, не всегда умело противопоставляют этой контрреволюционной агитации нацконтрподготовку»[22].

Месяц спустя в донесении политотдела Северной группы войск от 14 ноября 1942 года о выполнении директивы ГлавПУ РККА № 012 сообщалось о некотором улучшении воспитательной работы с военнослужащими нерусской национальности и о значительных усилиях большинства политработников на этом поприще. Но факты пренебрежения к этническим особенностям по-прежнему фиксировались в отдельных воинских подразделениях, а слабая подготовка призывников из союзных республик вкупе с нехваткой руководящих национальных кадров не позволяла быстро исправить ситуацию[23].

В Черноморской группе войск к началу декабря 1942 года удалось увеличить число внештатных агитаторов разных национальностей и организовать их обучение, наладить публикацию листовок и разделов в газетах на различных языках, развернуть пропаганду подвигов выходцев из Закавказья и

Н.А. Гендлин

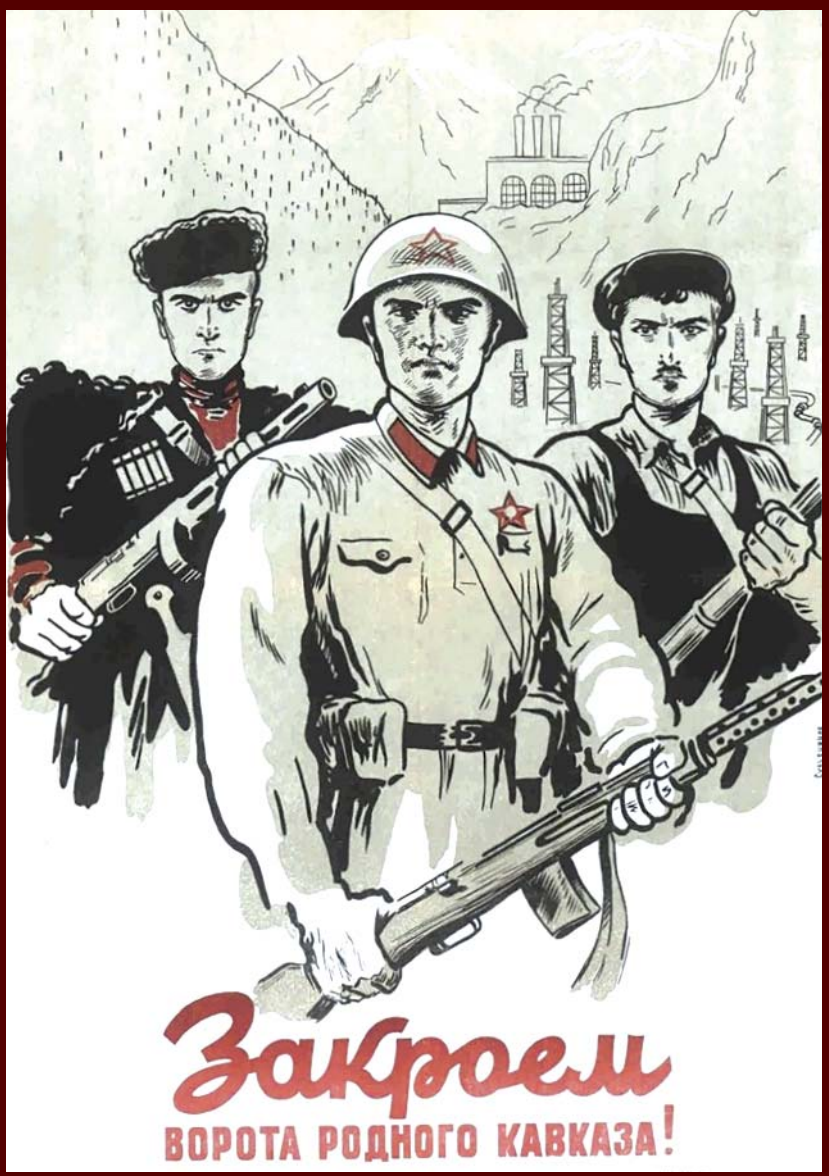
Средней Азии. И тем не менее результаты всех этих усилий оценивались как недостаточные: «Партполитаппарат некоторых частей слабо работает над воспитанием у личного состава дружбы между бойцами и командирами разных национальностей Советского Союза»[24].

В ходе проверки отдельных частей и соединений Северной и Черноморской групп войск в декабре 1942 года представители ГлавПУ РККА вновь выявили серьёзные недостатки. Содержание директивы от 17 сентября 1942 года даже спустя три месяца не было доведено политотделами 89, 223 и 414-й стрелковых дивизий до подчинённых, не обсуждалось на партийных и комсомольских собраниях. Отдельные командиры и политработники потакали пренебрежительному отношению к бойцам нерусских национальностей[25].

Действия советских войск на Северном Кавказе требовали выстраивания взаимоотношений с местным населением и понимания его национальных особенностей. С этой точки зрения показательно содержание директивы, подготовленной в конце сентября 1942 года политотделом 4-й воздушной армии: «К сожалению, некоторые наши бойцы и командиры, не понимая национальных особенностей народов Кавказа, своими неумными действиями только способствуют отчуждению и недоверию местного населения к Красной армии»[26]. Опираясь на положения программных документов ВКП(б) по вопросам национальной политики, составители директивы считали необходимым следующее: разъяснить их суть командному и рядовому составу, нацелить на единение народов Кавказа для борьбы с врагом, потребовать тактичного и внимательного отношения к укладу жизни коренного населения, а также вести с ним политическую работу. Вместе с тем от военнослужащих требовалось сохранять бдительность «для решительного пресечения деятельности враждебных и провокаторских элементов среди местного населения»[27]. На проблему преодоления недопонимания между советскими военнослужащими и жителями национальных регионов Кавказа обращали внимание и представители ГлавПУ РККА во время пребывания в регионе с 13 октября по 14 ноября 1942 года[28].

Надо сказать, что в период Северо-Кавказской оборонительной операции советская пропаганда взяла на вооружение образ жителя Кавказа с его боевыми и нравственными качествами: бесстрашием, свободолюбием, неподкупностью, верностью долгу перед близкими и т.д. Ещё одной отличительной чертой стало обращение к памяти о совместной революционной борьбе и участии многих кавказцев в Гражданской войне. Эти мотивы присутствовали и в агитационной работе среди войск. Вместе с тем в действующей армии воздерживались от агитации на религиозной основе, к которой отчасти прибегали власти в национальных республиках[29].

Проведение политической работы в войсках традиционно было связано с деятельностью военных комиссаров. Но вот 9 октября 1942 года вышел Указ

«Закроем ворота родного Кавказа!»
Художник В.В. Сурьянинов, 1942 г.

Агитационная машина 16-й запасной стрелковой бригады Северо-Кавказского военного округа

Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии». Он заметно ограничил возможность руководителей политорганов частей и соединений влиять на рядовой и особенно командный состав. Хотя документы политических органов войск Закавказского фронта, как правило, сообщают о верном понимании перемен личным составом, в деле агитации и пропаганды указ породил ряд проблем. Одно из свидетельств тому — докладная записка о проверке частей Черноморской группы войск 1—15 ноября 1942 года, где целый раздел посвящён введению единоначалия: «Указ Президиума Верховного Совета и приказ НКО не только дают им всю полноту власти, но и накладывают на них большую ответственность за руководство и воспитание людей [...] Что касается заместителей по политчасти командиров соединений, частей и подразделений, то последние в основной своей массе должных практических выводов из Указа Президиума Верховного Совета и приказа НКО не сделали. Ослабив своё внимание вопросам боевого и административно-хозяйственного руководства, не сумели переключиться на конкретное руководство партийно-политической работой»[30]. Всё это говорит о том, что перемены в статусе политработников происходили непросто.

Тематика агитационной и пропагандистской работы во многом вытекала из содержания приведённых выше приказов народного комиссара обороны и директив ГлавПУ РККА.

Вместе с тем требовалось реагировать на те запросы, которые исходили от личного состава войск. Об этом в директиве начальника политуправления Северо-Кавказского фронта бригадного комиссара В.Н. Емельянова от 4 сентября 1942 года говорилось следующее: «Известно, что вопросы, задаваемые бойцами и ко-

мандирами на беседах, лекциях и докладах, выражают глубокий интерес к самым различным областям военной и политической жизни страны, а также личные настроения. Однако этот интерес часто не удовлетворяется, личные настроения не изучаются. Такие агитаторы и пропагандисты не понимают, что самая интересная и самая действенная беседа та, которая строится с учётом злободневных волнующих бойцов и командиров вопросов, и часто изучение их есть ключ к сердцу бойца»[31].

В этой связи агитаторам и пропагандистам предлагалось собирать и обобщать вопросы бойцов и командиров, увязывать их с последующей работой. От политотделов армий и дивизий требовалось осмыслить темы, волновавшие личный состав, и включить их в план будущих бесед, лекций и докладов.

По донесениям политотделов 12-й и 56-й армий в августе 1942 года их бойцов и командиров волновали причины отступления на Дону и Кубани, положение на других фронтах и Черноморском флоте, проблемы открытия Второго фронта и помощи союзников, взаимоотношения с Турцией и Японией[32].

Более широкий круг вопросов был зафиксирован к концу ноября 1942 года в связи с контрнаступлением советских войск под Сталинградом, действиями союзников в Северной Африке, а также изучением в войсках доклада И.В. Сталина от 6 ноября 1942 года. Сохранялся интерес к экономической ситуации в Советском Союзе, возможности уничтожения военных сил немцев. Звучали просьбы о разъяснении таких международных проблем, как высадка американских войск в Северной Африке, возможность их десанта в Италии или Норвегии, поставки союзников в СССР, действия польской армии, положение в Индии, Китае и Франции, нейтралитет Турции и Швеции. Задавались вопросы о сути расовой теории нацистов, их политике на оккупированных территориях и возможности мира с Германией[33].

Л.И. Брежнев

В этой связи 29 ноября 1942 года политуправление Черноморской группы войск определило такой перечень тем для докладов:

— «Положение на фронтах Отечественной войны и наши задачи»;

— «Международный обзор»;

— «Боевой союз СССР, Англии и США против гитлеровской Германии и её союзников в Европе»;

— «Боевая выучка войск, железная дисциплина, строжайший порядок и единоначалие в армии — залог нашей победы»;

— «Упорно и настойчиво готовить сокрушительный удар по врагу»[34].

Показательным стал пример ознакомления советских военнослужащих с фактами зверств оккупантов. Освобождение значительной части оккупированных районов СССР, сопровождавшееся широким распространением свидетельств военных преступлений захватчиков, было ещё впереди. Но уже в сентябре 1942 года политуправление Северной группы войск растиражировало сведения о расправах над жителями сёл Кызбурун-I и Ново-Ивановка[35].

На передовой с политработниками делились не только мыслями о ходе войны. Так, политрук Н.А. Гендлин отмечал в своём дневнике интерес подчинённых к истории народничества, новой экономической политике и, конечно же, к устройству послевоенной жизни.

Формат самой агитационно-пропагандистской работы в Красной армии претерпел существенные изменения. Чем дольше шла война, тем шире практиковалась массовая агитация в форме бесед с личным составом. Такой подход потребовал не только заменить армейских инструкторов пропаганды агитаторами в дивизионном и полковом звеньях, но и вовлечь в эту деятельность представителей актива в подразделениях. В этом отношении могла выручить широкая партийная прослойка — к 1 октября 1942 года четверть личного состава Закавказского фронта состояла в ВКП(б). Насчитывалось более 165 тыс. членов партии и кандидатов, а также почти 220 тыс. комсомольцев. Эти показатели были несколько выше, чем в среднем по Красной армии. Напомним, что к 1 января 1943 года общее количество коммунистов во всех Вооружённых силах достигло 1 938 000 человек при их общей численности около 10,5 млн человек. Но насколько рядовые члены партии и комсомола были способны вести агитацию среди сослуживцев, быть для них примером? В директиве ГлавПУ РККА от 24 января 1943 года, вышедшей по итогам проверки Черноморской и Северной групп войск в конце 1942 года, указывалось на недостаточную помощь политработников агитаторам в подразделениях. Отмечались и слабые стороны работы партийных и комсомольских организаций: «У коммунистов и комсомольцев плохо воспитывается чувство коллективной ответственности за политико-моральное состояние, дисциплину и за боевую деятельность своего подразделения, части»[36].

Поэтому локомотивом агитационной работы по-прежнему оставались штатные политработники. Только к 1 октября политуправление Закавказского фронта подготовило группу агитаторов, затем аналогичные группы были созданы на армейском уровне, а непосредственно в войсках их работа развернулась лишь к концу месяца[37].

Примером того, насколько разными могли быть методы агитации, служит опыт 37-й армии в августе—октябре 1942 года. Наибольшую эффективность продемонстрировал политотдел 2-й гвардейской стрелковой дивизии, где проводились беседы с отдельными бойцами и небольшими группами военнослужащих до и после боёв. Также политработники проводили короткие, но регулярные совещания с низовыми агитаторами, партийным и комсомольским активом в звене «рота — взвод». Однако в масштабах всей армии этот опыт не изучался и распространения не получил. Проведение семинаров на полковом и дивизионном уровнях «сводится к очередной накачке и критике недостатков в работе тех или иных политработников»[38].

Наряду с устной агитацией огромное значение имело печатное слово. Каждая армия издавала свою газету, собственные печатные органы существовали во фронтовых объединениях: «Боец РККА» Закавказского фронта, «Вперёд за Родину» Северной группы войск, «Вперёд к победе» Северо-Кавказского фронта и Черноморской группы войск. С началом битвы за Кавказ от них потребовалась определённая трансформация, вызванная новыми условиями и объективными недостатками в работе газетчиков. На это прямо указывалось в директиве политуправления Черноморской группы войск, подписанной 19 сентября 1942 года бригадным комиссаром Л.И. Брежневым: «Красноармейские газеты фронта в сложной обстановке оборонительных боёв, которые вели войска в июле—августе, не вполне справились со своими задачами. Редакционные работники не поняли изменившейся обстановки и продолжали работать так же, как и в период зимних и весенних позиционных боёв»[39]. Наряду с вопросами содержания печатных изданий отмечались проблемы организационного плана: «Газеты растеряли своих военкоров и вместо привлечения новых корреспондентов часто заполняют страницы статьями и заметками штатных сотрудников редакций [...] Имеется немало случаев, когда подразделения армейскую и фронтовую газету получают на второй и даже на третий день»[40]. В этой связи было отдано распоряжение о дальнейшем разъяснении положений приказа № 227, разоблачении трусости, паникёрства и нарушения дисциплины, пропаганде диверсионных операций и снайперского движения, печати методических материалов о действиях в горно-лесистой местности, укреплении авторитета командиров и политработников, освещении партийно-политической работы, своевременности доставки прессы в войска.

Здесь необходимо обратить внимание на особенности положения советских войск во время обороны Кавказа и ведения в них политической работы. Её системное проведение в августе 1942 года оказалось невозможным из-за стремительного отступления Северо-Кавказского фронта. Осенью положение несколько стабилизировалось, но возникли определённые противоречия между политическими органами Северной и Черноморской групп войск, занимавшимися политработой в действующей армии, и политуправлением Закавказского фронта, остававшимся в тыловом Тбилиси. Как следует из докладной записки ГлавПУ РККА по итогам проверки фронта в сентябре 1942 года, «аппарат ПУ фронта почти полностью организован из состава работников Политуправления ЗакВО, и набор их оказался на редкость неудачным»[41].

Ещё одним фактором, сказывавшимся на организации политработы, оказалось участие в обороне Кавказа множества вновь сформированных или переформированных частей и соединений. В них, как правило, не сразу выстраивалась системная пропаганда, слабо изучались настроения личного состава и его потребности, не велась подготовка агитаторов. Так, в конце августа — начале сентября 1942 года выявились серьёзные проблемы в 223, 317, 416-й стрелковых дивизиях и других соединениях и частях 44-й и 58-й армий. Далёким от идеала оставалось положение дел и в имевших боевой опыт соединениях 9-й и 37-й армий, но нареканий в их адрес оказалось существенно меньше[42].

Отличительной чертой битвы за Кавказ было развёртывание боевых действий в специфических природных условиях — на черноморском побережье, в полупустынной Калмыкии, горно-лесистой и высокогорной местности. Всё это создавало дополнительные трудности для доставки печатных изданий, организации бесед и митингов с личным составом. А такая необходимость была, ведь агитационная работа стала одним из каналов распространения опыта боевых действий в конкретных природно-климатических условиях, знаний о национальных и климатических особенностях региона, о качестве войск противника и т.д.

Только принимая в расчёт все эти обстоятельства, стоит анализировать результаты усилий советских политработников в период обороны Кавказа. Им действительно было непросто донести все здравые идеи и верные слова до передовой, где, собственно, и требовалось «улучшить культурное и хозяйственное обслуживание бойцов». Именно так ставили вопрос в своём докладе представители ГлавПУ РККА, побывавшие в октябре 1942 года в Северной группе войск. При всех перечисленных проблемах ими отмечалась и другая тенденция:

«В частях, где хорошо поставлена массово-политическая работа, где имеется хороший порядок и дисциплина, где командир умело управляет боем, там наши бойцы дерутся прекрасно»[43]. О переломе, происходившем в настроениях защитников Кавказа, очень точно высказался в своих воспоминаниях начальник политотдела 47-й армии полковой комиссар М.Х. Калашник: «Процесс избавления от гнетущего впечатления летних неудач был нелёгким, но люди постепенно всё больше проникались сознанием своей силы»[44]. В этих словах заключается главный итог действий советских войск: к исходу 1942 года им удалось остановить наступление врага на юге и отстоять Кавказ. Свой вклад в эту победу внесли и политработники Красной армии.

Примечания

[1] *Лебедев А.В., Рудой В.В.* «Эти люди… составляли главную движущую силу советского сопротивления». Комиссары и политработники на различных этапах развития Вооружённых сил СССР // Военно-исторический журнал. 2024. № 6. С. 4—13.

[2] *Нагаев И.Б., Сушко А.В., Рогошков А.Г.* К постановке проблемы изучения опыта партийно-политической работы в Красной армии в годы Великой Отечественной войны // The Newman in Foreign Policy. 2023. Т. 2. № 71(115). С. 23—26.

[3] *Гендлин Н.А.* Дневники. 1941—1945. Ярославль: Академия 76, 2016. 544 с.

[4] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 15. Оп. 11600. Д. 1286. Л. 1—75.

[5] *Гречко А.А.* Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1969. С. 234.

[6] *Безугольный А.Ю.* Национальный состав Красной армии. 1918—1945: историко-статистическое исследование. М.: Центрполиграф, 2021. 511 с.

[7] *Зданович А.А.* Органы военной контрразведки в битве за Кавказ и освобождение Крыма. М.: Кучково поле, 2021. 512 с.

[8] *Карташев А.В.* Бои на Ставрополье: жаркий август сорок второго. Ставрополь: Изд-во СтГМУ, 2021. 260 с.

[9] *Линец С.И., Януш С.В.* Оборона Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июль—декабрь 1942 года). М.: Илекса, 2020. 639 с.

[10] Русский архив: Великая Отечественная. Главные политические органы Вооружённых сил СССР в Великой Отечественной войне: документы и материалы. Т. 17(6). М.: ТЕРРА, 1996. С. 153.

[11] Там же. С. 160.

[12] ЦАМО РФ. Ф. 276. Оп. 832. Д. 64. Л. 7.

[13] *Гендлин Н.А.* Указ. соч. С. 102.

[14] ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 77. Л. 13.

[15] *Карташев А.В.* Оборона Моздока в августе 1942 года // Военно-исторический журнал. 2020. № 8. С. 22, 23.

[16] *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М.: Центрполиграф, 2012. С. 316.

[17] ЦАМО РФ. Ф. 47. Оп. 1019. Д. 39. Л. 71.

[18] Там же. Ф. 276. Оп. 832. Д. 20. Л. 25—26.

[19] *Гречко А.А.* Указ. соч. С. 237.

[20] *Безугольный А.Ю.* Опыт строительства Вооружённых сил СССР: национальный аспект (1922—1945 гг.). Дисс. … докт. ист. наук. М., 2019. Л. 476, 477.

[21] ЦАМО РФ. Ф. 276. Оп. 832. Д. 64. Л. 45.

[22] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля — 31 декабря 1942 г. М.: Русь, 2003. С. 399, 402.

[23] ЦАМО РФ. Ф. 273. Оп. 900. Д. 9. Л. 8.

[24] Там же. Ф. 47. Оп. 1019. Д. 39. Л. 72—74 об.

[25] Русский архив: Великая Отечественная… Т. 17(6). С. 206.

[26] ЦАМО РФ. Ф. 319. Оп. 4818. Д. 7. Л. 10.

[27] Там же. Л. 15—16.

[28] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933—1945. М.: РОССПЭН, 2009. С. 709.

[29] *Безугольный А.Ю.* «Немец нигде не найдёт приюта. Убежав от мести черкеса, он наткнётся на кинжал чеченца, его сразит пуля ингуша…». Горцы Северного Кавказа как объект советской пропаганды в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2012. № 7. С. 26.

[30] ЦАМО РФ. Ф. 47. Оп. 1019. Д. 87. Л. 481—482.

[31] Там же. Ф. 276. Оп. 832. Д. 19. Л. 30.

[32] Там же. Д. 20. Л. 34—35, 38.

[33] Там же. Л. 161—162.

[34] Там же. Д. 10. Л. 45.

[35] *Гречко А.А.* Годы войны. М.: Воениздат, 1976. С. 359; Подробнее о свидетельствах военных преступлений немецко-фашистских захватчиков см.: Геноцид народов России. Преступления против советского мирного населения и военнопленных в годы Великой Отечественной войны. М.: Прометей, 2024. 990 с. EDN: DPTLDX.

[36] Русский архив: Великая Отечественная… Т. 17(6). С. 206, 207.

[37] *Гречко А.А.* Годы войны. С. 357.

[38] ЦАМО РФ. Ф. 273. Оп. 900. Д. 6. Л. 350—354.

[39] Там же. Ф. 276. Оп. 832. Д. 19. Л. 33.

[40] Там же. Л. 34.

[41] Там же. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 77. Л. 15 об.

[42] Там же. Ф. 273. Оп. 900. Д. 6. Л. 22, 48, 97, 248—249.

[43] Там же. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 81. Л. 454.

[44] *Калашник М.Х.* Испытание огнём. М.: Мысль, 1985. С. 31.

I.V. Kiselev

«…PEOPLE GRADUALLY BECAME MORE AND MORE IMBUED WITH THE CONSCIOUSNESS OF THEIR STRENGTH»

Political work in the Soviet troops during the defense of the Caucasus July 25 — December 31, 1942

Information about author. *Ilya Kiselev — assiatant professor at the department of humanitarian and socio-economic disciplines of the Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after the Hero of the Soviet Union A.K. Serov, Cand. Sc. (Hist.), associate professor (city of Krasnodar. E-mail: ilya.v.kiselev@yandex.ru).*

Summary. *The beginning of the defensive battles of the Soviet troops in the Caucasus at the end of July 1942 was marked by the issuance of the Defense Commissar's Order No. 227 on July 28. Its content and tone meant to change the mood in the Red Army, strengthen the determination to fight the enemy until the last possible opportunity. The political work at the front played an important role in the implementation of the plan. The paper is devoted to its forms, features and results during the strategic defensive operation in the North Caucasus from July 25 to December 31, 1942. The publication is based on the documents of the political bodies of the Red Army from the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Besides, personal sources and studies of contemporary Russian historians were used. The author analyzes the achievements and shortcomings of oral and printed propaganda among the soldiers of the North Caucasian and Transcaucasian fronts. Special attention is paid to the implementation of the directives of the Main Political Department of the Red Army.*

Keywords: *Great Patriotic War; political organs; political work; agitation; struggle for the Caucasus.*

А.В. Олейников

БИТВА ЗА ВОЛЫНЬ

Русская 11-я армия против германских и австрийских войск в сражении у Берестечко в июле 1916 года

Сведения об авторе. *Олейников Алексей Владимирович — профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Мелитопольского государственного университета, профессор кафедры правоведения Астраханского государственного технического университета, доктор исторических наук (г. Астрахань. E-mail: stratig00@mail.ru).*

Аннотация. *Статья посвящена одному из знаковых эпизодов важного этапа наступления Юго-Западного фронта в июле 1916 года — битве за Волынь. Центральным её событием стало сражение у Берестечко. Несмотря на всю свою важность, это сражение оказалось забытым историками. А ведь оно позволило не только овладеть важным районом. В ходе него выковались первоклассные русские дивизии, сформированные из вчерашних ополченцев, прежде всего — 101-я. Сковывание значительных войск противника в период решительного наступления Юго-Западного фронта и занятие выгодных позиций в расчёте на будущее наступление — вот важнейшие последствия сражения под Берестечко. А 11-я армия Юго-Западного фронта полностью выполнила поставленную задачу.*

Ключевые слова: *Первая мировая война; Русский фронт; битва за Волынь; сражение у Берестечко; 11-я армия; Юго-Западный фронт; кампания 1916 года; наступление Юго-Западного фронта; А.А. Брусилов; В.В. Сахаров; К.Л. Гильчевский.*

Берестечко — историческое место, памятное по событиям XVII века. 28—30 июня 1651 года здесь произошло крупное сражение, в ходе которого объединённым войскам Богдана Хмельницкого и крымского хана Ислама III Гирея было нанесено поражение со стороны польских войск Яна Казимира. А в Первую мировую войну это волынское местечко стало эпицентром сражения, состоявшегося 7—8 июля 1916 года между русскими (11-я армия Юго-Западного фронта) и австро-германскими (армейская группа генерала кавалерии Г. фон дер Марвица при поддержке 1-й австро-венгерской армии генерал-полковника П. Пухалло фон Брлога [группа армий Линзингена]) войсками в ходе наступления Юго-Западного фронта 1916 года.

Прежде чем рассматривать эти события, изучим историографию вопроса. Здесь важны обзорные работы применительно к ходу боевых действий на Русском (Восточном) фронте Первой мировой войны. Особое место среди них занимают Стратегический очерк и иные аналогичные издания[1], в которых дана общая оперативно-стратегическая панорама боевых событий, на базе широкого круга источников охарактеризованы кампании и происходившие в их рамках боевые операции, в т.ч. интересующая нас.

Ключевая роль традиционно принадлежит источниковой базе: как документальным[2], так и мемуарным источникам[3]. Среди документов особое значение имеют не только извлечённые из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), но и опубликованные документальные материалы, в т.ч. противника русской армии[4]. Большой интерес представляют боевые расписания[5].

Для исследователей также интересны материалы, касающиеся истории частей и соединений русской армии и её противников — участников операции[6]. Особо стоит выделить работу К.Л. Гильчевского, в которой он не только анализирует боевой путь соединения, начальником которого являлся, но и рассматривает важные вехи превращения дивизии во фронтовую элиту русской армии.

Указанные материалы помогают воссоздать действия русской 11-й армии в ходе сражения у Берестечко, оценить их специфику.

Третий этап стратегического наступления русской армии 1916 года начался после директивы Ставки от 26 июня, переносившей тяжесть главного удара на участок Юго-Западного фронта. Общее наступление фронта было запланировано на 15 июля. Исключением

являлась 11-я армия (командующий — генерал от кавалерии В.В. Сахаров), которой предстояло овладеть городом Броды. Она стала активно действовать значительно раньше, формируя предпосылки для успеха всего фронта. Так, 3—4 июля армия провела операцию на реке Стырь (захвачены до 13 тыс. пленных и 30 орудий), а 7—8 июля состоялось сражение под Берестечко, о котором мы и расскажем.

В ходе этого сражения столкнулись: со стороны противника — группа Марвица (в составе австрийских 46-й ландверной, 7-й и 48-й пехотных, германских 22-й пехотной и 43-й резервной дивизий) и группа П. Пухалло (преимущественно австрийский 18-й армейский корпус); со стороны русских — 11-я армия (5, 8 и 32-й армейские и 5-й Сибирский армейский корпуса).

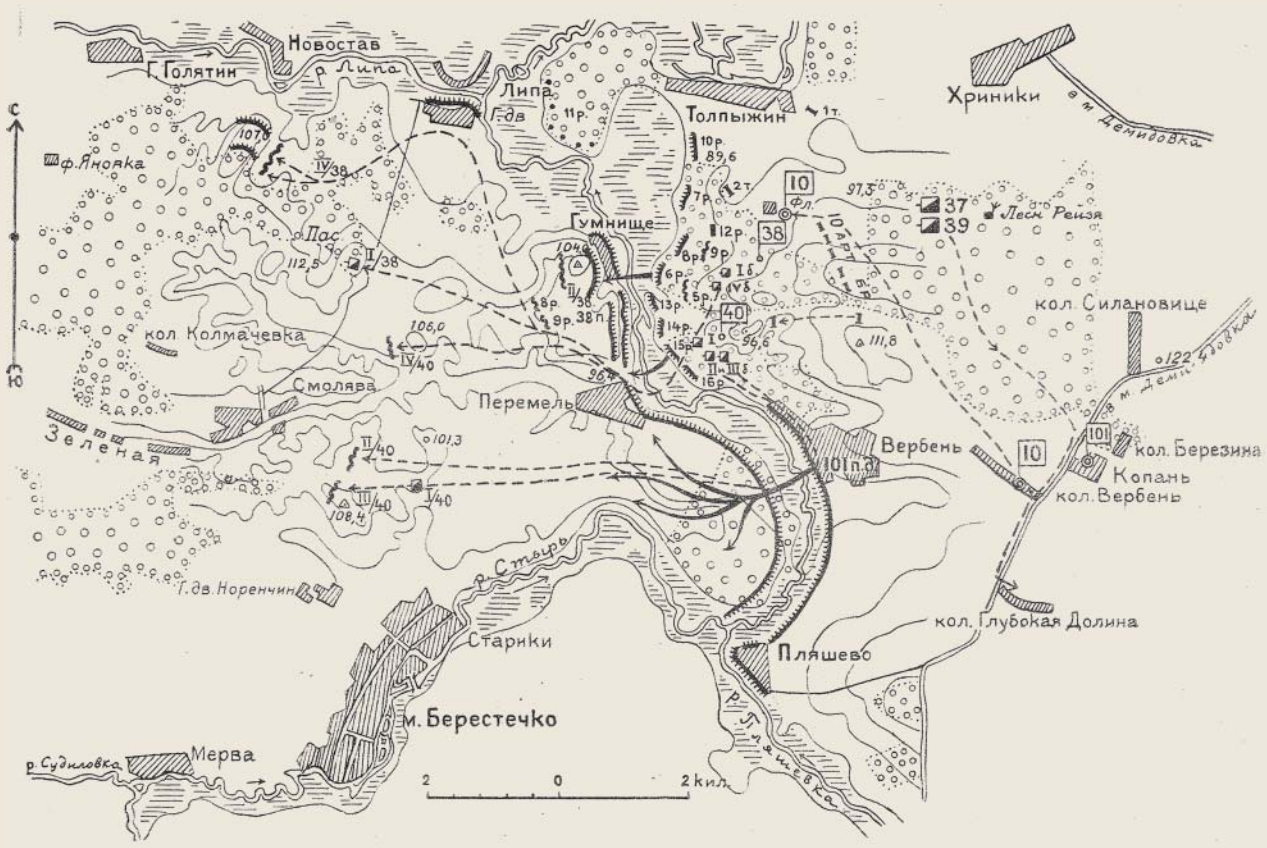
Ударная группировка 11-й армии включала в свой состав 2 группы: южную и северную. Костяк южной группы составляли соединения 32-го армейского корпуса, наносившего главный удар. Он занимал позиции на фронте сёл Липа — Пляшево — Безодня. Дивизии корпуса располагались: 101-я пехотная — по правобережью р. Стырь (от с. Липа до устья р. Пляшевка), 105-я пехотная — к югу до с. Безодня, 7-я кавалерийская — в корпусном резерве.

Соединение на период операции было усилено 10-й (5-го корпуса), 126-й (45-го корпуса) пехотными дивизиями, 1-м Брест-Литовским тяжёлым артиллерийским дивизионом и 16-м понтонным батальоном.

7, 10 и 101-й дивизиям следовало организовать переправу через Стырь на участке сёл Гумнище — Перемель. Артиллерийская подготовка планировалась на утро, а начало атаки — на 13 ч[7].

Как и наступление на р. Стырь, удар у Берестечко представлял собой комбинированную атаку с севера и востока, но более значительными силами. Ошибкой русского командования было то, что эшелон развития успеха состоял из конницы, в то время как её применение вследствие специфики местности (болотистые долины рек и лесные массивы) было крайне ограничено.

Операции предшествовала инженерная разведка и подготовка. Лёгкие батареи имели возможность пристрелять цели, но батареи тяжёлого дивизиона, прибывшие перед самой операцией, пристреляться не успели. Приказ по 10-й дивизии № 178 определял необходимость ночью перебросить на левый берег Стыри авангардные подразделения пехоты: они должны были обеспечить наведение мостов и содействовать форсированию водной преграды главными силами соединения. Но, когда начались работы по наведению мостов, лунный свет выдал противнику русские приготовления. Австрийцы сильным огнём разбили уже почти наведённые два понтонных мо-

Бой 10-й пехотной дивизии 7 июля 1916 г.

Русские пулемётчики в бою
Нива. 1916. № 46.

Мототачанка 39-го пехотного Томского полка
Фото из полкового альбома

Австрийские траншеи, разрушенные русской артиллерией
Великая война в образах и картинах. М., 1917.

ста, и 7 июля частям дивизии пришлось форсировать реку с ходу. Также некачественно была проведена артиллерийская подготовка.

Около 14 ч противник под напором 101-й пехотной дивизии начал оставлять позиции между сёлами Вербень и Плящево. Активно содействовали этому подразделения 10-й дивизии. Но, несмотря на русский прорыв, противник упорно держался у села Перемель и севернее него. В итоге 40-й пехотный Колыванский полк был вынужден переправляться через реку под фланговым огнём, который вёлся с другого берега. В этой ситуации передовой роте 4-го батальона пришлось залечь у переправы, тогда как следующей роте, использовавшей заранее приготовленные плетни (набрасывались на разрушенные конструкции моста), удалось благополучно переправиться и ворваться в село. Другие подразделения 4-го батальона также вошли в Перемель, тогда как прочие батальоны полка переправились у с. Вербень.

Видя проблематичность переправы на участке 10-й дивизии, комкор приказал основные усилия по форсированию Стыри сосредоточить на боевом участке 101-й дивизии. Если бы последней удалось успешно переправиться, то ударной группе 10-й дивизии после переправы следовало бы поддержать соседа, наступая на Новостав — Смолява. Огневым кулаком наступавших являлись две гаубичные батареи и дивизион 10-й артиллерийской бригады.

В то же время наступление 10-й дивизии было продолжено. Так, 4-й батальон 40-го полка, ворвавшись на восточную окраину села Перемель, содействовал 401-му пехотному Карачевскому полку 101-й дивизии. Карачевцы, ворвавшись в село с юго-востока, пленили личный состав 16-го полка 46-й ландверной дивизии противника.

4-й батальон Колыванского полка, выйдя из с. Перемель, был контратакован, но, опрокинув австрийцев, к 21 ч поднялся на высоту 106. Остальные батальоны полка, переправившись через Стырь у с. Вербень, наступали на с. Смолява. В ходе боя колыванцы захватили в плен 8 офицеров и 343 нижних чина.

Активно сражались и остальные полки 10-й дивизии, а также артиллеристы. В частности, один дивизион 10-й артбригады поддерживал 40-й полк при переправе через Стырь, а другой дивизион «гвоздил» по позициям врага в районе с. Гумнище.

Так как после потери с. Перемель противник ослабил огонь, 2-му батальону 38-го Тобольского полка удалось около 18 ч переправиться через Стырь и овладеть австрийскими окопами у Гумнища, а также взять выгодную высоту 104. Батальон пленил 7 офицеров и 280 нижних чинов, захватил пулемёт и бомбомёт[8].

После захвата Гумнища был наведён понтонный мост, по которому сразу же переправились 2 батареи. 4-му батальону тобольцев удалось к 21 ч нащупать противника, окопавшегося у с. Новостав (высота 107). Проведя решительную ночную атаку, тобольцы захватили 218 пленных и пулемёт.

Австрийцы попытались задержаться южнее высоты 107, на опушке рощи, но были сбиты. И на рассвете колыванцы, преследуя противника, захватили ещё 226 человек и подобрали 4 брошенных врагом орудия.

Утром 8 июля подошла и Сводная кавалерийская дивизия, но противника она уже преследовать не стала. Также переправившимся ночью 26-му пехотному Могилёвскому, 27-му пехотному Витебскому и 28-му пехотному Полоцкому полкам, преследовавшим противника, удалось захватить 3 пулемёта и около 600 пленных.

В сражении у Берестечко общие потери частей 10-й пехотной дивизии были следующими: 37-го полка — 24 человека, 38-го — 104, 40-го — 415 человек. В то же время частями дивизии были взяты в плен 1086 человек (32 офицера и 1054 нижних чина), захвачены 4 орудия, 2 пулемёта, бомбомёт[9]. Австрийские источники отметили факт сдачи 7 июля в плен русским войскам части 92-й ландверной бригады (входившей в 46-ю ландверную пехотную дивизию)[10].

Главный удар в операции у Берестечко наносила 101-я пехотная дивизия. Её начальник генерал-майор К.Л. Гильчевский, вспоминая о подготовке операции, отметил тот факт, что переправу облегчали скрытые пространства, высокий берег и заросли[11].

Сапёры под прикрытием восьми рот 403-го и 404-го полков в ночь перед наступлением навели мосты. Эти же роты, ещё вечером 6 июля переправившиеся на левый берег, прикрыли на следующий день переправу главных сил дивизии.

У проволочных заграждений
Нива. 1916. № 41.

Вступление русской артиллерии в галицийский город
Великая война в образах и картинах. М., 1917.

Трофеи русской армии
Великая война в образах и картинах. М., 1917.

Пленные австрийские солдаты
Великая война в образах и картинах. М., 1917.

Особое внимание К.Л. Гильчевский уделил формированию огневого кулака. 6 июля 404-му полку был придан лёгкий артиллерийский дивизион (для него была заранее подготовлена позиция, чтобы приблизить артиллеристов к проволочным заграждениям противника); батарея 152-мм пушек, сосредоточенная на шоссе севернее Копани; батарея 107-мм пушек, занявшая позиции у шоссе западнее Глубокой Долины. Артиллерия занимала охватывающее положение применительно к участку переправы[12].

На рассвете 7 июля 42 лёгких и 8 тяжёлых орудий, а также 8 гаубиц открыли методичный огонь по позициям врага. Лёгкая и конная артиллерия должна была пробить в заграждениях 6 проходов (по 3 прохода на полк 1-го эшелона), в то время как гаубичные и тяжёлые батареи осуществляли контрбатарейную борьбу, вели огонь по населённым пунктам, где находились штабы и резервы противника.

Так как понтонный мост через Стырь оказался под сильным огнём пехоты противника, сапёры, которым приходилось постоянно менять понтоны, несли большие потери. Учитывая, что попытка 10-й пехотной дивизии навести понтонный мост через Стырь у Гумнища потерпела неудачу, главные надежды возлагались на наступление 101-й пехотной дивизии.

Огонь противника был весьма действенным, его ощущали даже штабы частей и соединений. К.Л. Гильчевский писал: «В течение боя противник из-за рощи к западу от д. Вербень с близкой дистанции периодически обстреливал гранатами наш наблюдательный пункт. Каждый раз едва удавалось вовремя присесть за бруствер окопа. Чтобы “выкурить” из этой рощи батарею и защитников рощи, я приказал всем 58 орудиям пройти огнём всю указанную рощу. Для этого я

на схеме разделил рощу между одиннадцатью батареями, которые одновременно скачками прошли её своим огнём бомбами, гранатами и шимозами. Эта мера значительно облегчила потом 404-му полку занятие рощи, но батарея противника успела всё же перейти на новую позицию за гребень высот и продолжала беспокоить нас на наблюдательном пункте до конца боя»[13].

В ходе артиллерийской подготовки 101-й артиллерийской бригаде для пробивки проходов в проволочных заграждениях не хватило боеприпасов. Пришлось задействовать орудия тяжёлой артиллерии. По свидетельству начальника 101-й дивизии, это произошло оттого, что «инспектор артиллерии 11-й армии Сташевский не отпустил их (боеприпасы. — **Прим. авт.**) в том количестве, в каком требовалось инструкцией. Тогда я приказал 42-линейной и 6-дюймовой тяжёлым батареям и полевым гаубицам докончить пробивку проходов. Сташевский, наблюдавший бой с нами, стал резко протестовать. Он ссылался на инструкцию, что тяжёлая артиллерия не должна расходовать снаряды на такие цели. Я горячо возразил ему, что не могу уложить дивизию у проволочных заграждений из-за каких-то формальностей, что ему прежде всего самому надо было бы точно исполнить инструкцию — отпустить положенное количество шимоз, и что веду бой я, следовательно, и ответствен за его успешный исход также я, и никакое другое постороннее безответственное лицо в мои распоряжения вмешиваться не имеет права. Я приказал — я и отвечаю за свои распоряжения»[14].

Проходы были пробиты, началась переправа через Стырь. Пехотинцы ринулись на штурм вражеских позиций. 403-й и 404-й полки, несмотря на мощный огонь и тяжёлые потери, овладели окопами и вошли в лес. 401-й полк также после переправы и прорыва фронта начал движение к селу Перемель.

Вечером 7 июля 101-я дивизия почти в полном составе (за исключением артиллеристов и сапёров) была на левобережье Стыри. Подразделения 403-го полка подошли к Берестечко, а 401-й полк, овладев с. Перемель, пошёл на север, вынудив противника оставить позиции. Он пытался контратаковать, но, поддержанные огнём тяжёлой артиллерии, 401-й и 403-й полки контратаку отразили.

Назревал кризис боя, когда применение резерва могло принести наибольший результат. К.Л. Гильчевский отмечал, что настал момент для активных действий. 101-я дивизия при поддержке конной артиллерии могла начать преследование расстроенного врага. В тылу дивизии стояла Сводная кавдивизия, но её командир отклонил соответствующее предложение, сославшись на условия местности за р. Стырь[15].

Удобный момент для решающей победы был упущен. В итоге наступавшую русскую пехоту встречал всё более сильный огонь противника. Так, подразделения 404-го полка были встречены мощным перекрёстным артогнём. Пришлось полку отражать и серию пехотных контратак. За короткое время часть потеряла более 2000 бойцов (включая 32 офицеров и командира полка). Её остатки под сильным артогнём отошли. Часть фактически осталась без командного состава. Тем не менее прорыв обороны и форсирование Стыри частями 101-й дивизии вынудили противника оставить позиции и на других участках, что значительно помогло её соседям — 7, 10 и 105-й дивизи-

Русские пехотинцы
Нива. 1916. № 41.

ям. 8 июля на рассвете передовыми ротами и разведчиками 403-го полка были захвачены Берестечко и мост у села Пески.

Первоочередной задачей командования 101-й дивизии была организация надёжной переправы: продолжение операции требовало наладить переброску резервов и боеприпасов.

Сводная кавдивизия также перешла реку, но её появление на левобережье Стыри запоздало[16].

Части 101-й дивизии, решившие участь сражения и взявшие Берестечко, понесли большие потери и были измотаны: из 9000 человек были потеряны 6000 нижних чинов и 80 офицеров. Вместе с тем К.Л. Гильчевский отмечал, что операция у Берестечко была не только самой тяжёлой, но и самой лучшей для его соединения. Были взяты в плен около 2500 солдат и офицеров противника, захвачены 6 орудий и другое вооружение. Соединение разгромило 46-ю ландверную пехотную дивизию (к концу сражения из 22,7 тыс. человек в ней осталось около 10 тыс.).

Северная группа 11-й армии 7—8 июля выполняла вспомогательные задачи. Действия 5-го Сибирского армейского корпуса и 7-й пехотной дивизии значительно облегчались фактом успешного развития событий на участке главного удара.

В сражении у Берестечко австро-германцы понесли серьёзные потери — более 14 тыс. человек пленными и 10 орудий, захваченных русскими за 2 дня боёв. Причём это касалось не только австрийских войск. Многим ротам германской 43-й резервной дивизии в июле 1916 года пришлось восполнять состав.

7 июля 11-я армия форсировала р. Стырь, а на следующий день противник был отброшен за р. Липу.

Командующий 11-й армией генерал от кавалерии В.В. Сахаров позднее писал в приказе о беззаветной храбрости войск, энергии и умелом руководстве со стороны начальников. Но тем не менее бои под Берестечко продемонстрировали ряд тактических промахов командиров разного уровня. Так, фронтальные действия и лобовые атаки доминировали над фланговым манёвром. Разбирая тактические уроки боёв, В.В. Сахаров отмечал, что необходимо отдавать предпочтение именно действиям во фланг и тыл, отводя фронтальным атакам область демонстративного характера, оттягивающего внимание противника. Действия конницы оценивались как неудовлетворительные. Исключением стала сотня 2-го Астраханского казачьего полка (корпусная конница 5-го Сибирского корпуса), захватившая тяжёлые орудия, которые, впрочем, вывезти так и не удалось[17].

Большим упущением командования было отсутствие должного взаимодействия с соседними частями и соединениями. Кроме того, несмотря на значительную плот-

Партия австрийских пленных
Великая война в образах и картинах. М., 1917.

ность войск на направлении главного удара (район между реками Липа и Судиловка приковал три пехотные (7, 10 и 101-я) и кавалерийскую (7-я, затем Сводная) дивизии), достигнутый результат не был решительным.

Вместе с тем победа имела большое оперативно-тактическое значение. В результате этих боёв 11-й армии удалось не только сорвать контрудар группы Марвица, но и отбросить противника, спрямив фронт и захватив большие трофеи. Оперативное объединение подошло к Бродам; взятие города стало лишь вопросом времени. Когда позднее командование фронта поставило 11-й армии задачу овладеть этим стратегически важным населённым пунктом, ей удалось быстро продвинуть свой левый фланг на 15—20 км и овладеть Бродами. Причём угроза, нависшая над городом, привела к оттоку австро-германских войск с других участков Русского фронта.

И хотя командующий Юго-Западным фронтом генерал от кавалерии А.А. Брусилов писал, что действия 11-й армии были второстепенными (армия столь слаба, что «не могла предпринять ничего серьёзного» и должна была лишь сковывать противника), он был вынужден констатировать, что генерал В.В. Сахаров нанёс три хоть и коротких, но сильных удара, в результате которых продвинулся на запад и захватил 34 тыс. пленных, 45 орудий и 71 пулемёт[18], а 11-я армия в период 3—15 июля 1916 года разгромила противника на сокальском и львовском направлениях, захватила Броды и выбила врага с позиций, искусно и энергично укреплявшихся в течение 16 месяцев.

Сковывание значительных и первоклассных войск противника в период решительного наступления Юго-Западного фронта и занятие позиций в расчёте на будущее наступление — вот важнейшие последствия сражения под Берестечко.

11-я армия Юго-Западного фронта полностью выполнила поставленную задачу.

Примечания

[1] Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 5. Период с октября 1915 по сентябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом / Сост. В.Н. Клембовский. М., 1920; Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 6. Период от прорыва Юго-Западного фронта в мае 1916 г. до конца года / Сост. А.М. Зайончковский. М.: Высший военный редакционный совет, 1923; *Зайончковский А.М.* Мировая война: общий стратегический очерк. М.: Воениздат, 1924; *Ветошников Л.В.* Брусиловский прорыв: оперативно-стратегический очерк. М.: Воениздат, 1940.

[2] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 5265. Оп. 1. Д. 23; Летопись войны. 1914—1916 гг. № 100; Из боевого прошлого русской армии: документы и материалы о подвигах русских солдат и офицеров / Под ред. Н.М. Коробкова. М.: Военное изд-во Минобороны СССР, 1947; Брусиловський прорив на Волині. Луцьк: Твердиня, 2006.

[3] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1983.

[4] Österreich-Ungarns Letzter Krieg 1914—1918. Band. 4. Wien, 1933; Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914—1918. Band 11. Herbst 1916 und Winter 1916/17. Berlin, 1938.

[5] Боевое расписание австро-венгерской армии по данным к 6 августа 1916 г. с дополнениями и поправками к 18 августа. 4-е изд. / Сост. по данным Разведывательного отделения Штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Типография Штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, 1916.

[6] *Гильчевский К.Л.* Боевые действия второочередных частей в мировую войну. М.: Госиздат, 1928; *Надежный Д.* Бои 10 пехотной дивизии под Луцком в июле 1916 года. М.: Издание Военной типографии управления делами НКВМ РВС СССР, 1926; Histories of Two Hundred and Fifty-One Divisions of the German Army which Participated in the War (1914—1918). Washington, 1920.

[7] *Надежный Д.* Указ. соч. С. 62, 63.

[8] Там же. С. 43.

[9] Там же. С. 47.

[10] Österreich-Ungarns Letzter Krieg 1914—1918. Band. 4. S. 635.

[11] *Гильчевский К.Л.* Указ. соч. С. 114.

[12] Там же. С. 115.

[13] Там же. С. 116.

[14] Там же. С. 117.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 120.

[17] РГВИА. Ф. 5265. Оп. 1. Д. 23. Л. 4.

[18] *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 206.

A.V. Oleynikov

THE BATTLE OF VOLYN'

Russian 11th Army against German and Austrian troops in the battle of Berestechko in July 1916

Information about author. *Aleksey Oleynikov — professor at the department of civil law disciplines of Melitopol State University, professor at the department of jurisprudence of Astrakhan State Technical University, D. Sc. (Hist.) (city of Astrakhan. E-mail: stratig00@mail.ru).*

Summary. *The paper is devoted to one of the significant episodes of an important stage of the south-west front offensive in July 1916: the Battle of Volyn'. Its central event was the battle of Berestechko. Despite its importance, the battle was forgotten by historians. But it not only allowed to take an important territory. But it allowed not only to seize an important area: in the course of it, first-class Russian divisions formed from yesterday's militiamen were forged, first of all the 101st. Shackling of significant enemy troops during the decisive offensive of the South-Western Front and occupation of favorable positions in anticipation of future offensive were the most important consequences of the battle of Berestechko. And the 11th Army of the South-Western Front fully accomplished its task.*

Keywords: *World War I; Russian Front; battle of Volyn'; battle of Berestechko; 11th Army; South-Western Front; 1916 campaign; South-Western Front offensive; A.A. Brusilov; V.V. Sakharov; K.L. Gilchevsky.*

Н.А. Хребтов

«НЕ УПУСТИТЬ ВЗЯТЬ НУЖНУЮ ОСТОРОЖНОСТЬ, ДАБЫ ГРАНИЦЫ... НЕ БЫЛИ НЕПРИЯТЕЛЕМ ОБЕСПОКОЕНЫ...»

Гарнизоны северных крепостей накануне и в годы Русско-шведской войны 1788—1790 гг.

Сведения об авторе. *Хребтов Никита Андреевич — заведующий отделом научно-просветительских программ Архангельского краеведческого музея, аспирант кафедры Отечественной истории Северного Арктического федерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск. E-mail: ya.nax1999@yandex.ru).*

Аннотация. *В статье проанализированы сведения о численности воинских команд и вооружении северных форпостов (Кольского, Кемского и Сумского острогов, Новодвинской и Соловецкой крепостей) накануне и в годы Русско-шведской войны 1788—1790 гг.*

Целью исследования стала основанная на результатах архивных изысканий и изучения научной литературы оценка уровня боеготовности северных гарнизонов к началу и в ходе этой войны.

В итоге удалось изучить численность воинских команд и состав артиллерийских парков гарнизонов в 1780—1790 гг. Охарактеризовав ряд проблем в организации обороны Севера, автор пришёл к выводу, что форпосты не были приведены в состояние полной боеготовности ни к началу войны в 1788 году, ни к началу кампании 1789-го. Лишь в первой половине 1790 года готовность гарнизонов к отражению потенциальной угрозы уже соответствовала требованиям военного времени.

Ключевые слова: *Русско-шведская война 1788—1790 гг.; Кольский острог; Новодвинская крепость; Соловецкая крепость; гарнизоны; Русский Север; Т.И. Тутолмин; И.Р. Ливен; Б.И. Ернер; И.М. Болотников; А.И. Чириков; А.Ф. Обручев; Густав III.*

Во второй половине XVIII столетия внешняя торговля России на Беломорье, быстро развивавшаяся вследствие уравнивания торговых прав Архангельска и Санкт-Петербурга, и строительство морского флота на Соломбальской верфи определяли военно-стратегическое значение Архангелогородской губернии, занимавшей значительные территории на севере европейской части страны. Созданная в тот период беломорская гарнизонная система региона обеспечивала безопасность границ и представляла собой следующую структуру: гарнизоны при крепостях, два гарнизонных архангелогородских полка/батальона, артиллерийская и инженерная команды при Новодвинской крепости, губернская рота, штатные воинские команды в уездных городах.

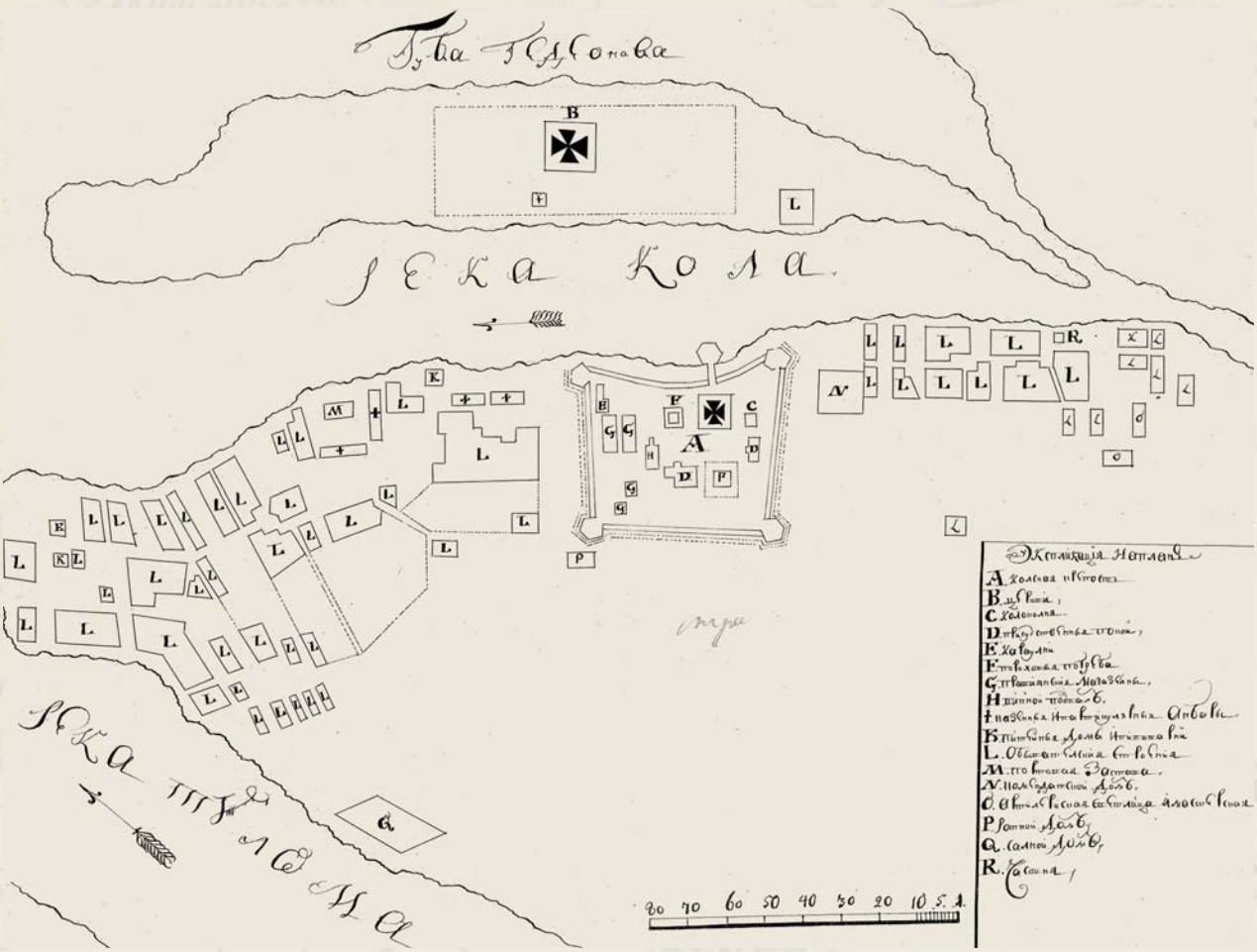
На Беломорье существовал ещё ряд деревянных крепостей, которые ко второй половине XVIII века морально и технически устарели. Как отмечал искусствовед М.И. Мильчик, ввиду основания Санкт-Петербурга и победы в Северной войне (1700—1721), переноса торговых связей на Балтику и внедрения бастионной системы в фортификации стала меняться военно-оборонительная ситуация на Русском Севере и деревянные крепости теряли былое значение. В течение XVIII столетия многие из них разрушились. Например, указывает М.И. Мильчик, к 1760-м годам перестал существовать Кемский острог[1]. Пустозерский острог также был упразднён в период царствования Екатерины II[2], а Сумской — содержался исключительно за счёт Соловецкого монастыря[3]. К началу очередного русско-шведского конфликта на северных границах империи на военное положение были переведены все крепостные гарнизоны.

Военные столкновения и политические события, предшествовавшие конфликту, достаточно подробно изучены дореволюционными, советскими и современными российскими историками. Среди крупных русских исследователей стоит отметить А.Г. Брикнера, В.Ф. Головачева, М.И. Богдановича, К.Ф. Ордина, А.А. Керсновского[4]. В фундаментальном исследовании А.Г. Брикнера рассмотрены причины конфликта, приведшие к разрыву дипломатических отношений между Швецией и Россией; подробно описаны сухопутные сражения в прибалтийском крае. У остальных авторов события Русско-шведской войны представлены в общих работах по истории армии, а по интересующей нас теме затрагивались лишь некоторые вопросы. Так, находившийся в 1930—1940 гг. в эмиграции А.А. Керсновский отмечал слабую изученность событий 1788—1790 гг. в историографии. В.Ф. Головачев описал события Русско-шведской войны в рамках изучения истории русского флота.

Среди советских исследователей в контексте развития русского военного искусства данной темой занимался Л.Г. Бескровный[5]. Он отметил напряжённую внутриполитическую ситуацию в Швеции накануне войны, оценил силы сторон, изучил морские баталии и сухопутные сражения в кампании 1788—1790 гг.

Советский и шведский историк-скандинавист А.С. Кан рассмотрел русско-шведские отношения конца XVIII века через призму внутриполитической ситуации в Швеции, борьбы её монарха Густава III и дворянской оппозиции. Автор описал великодержавные планы Густава III и его реваншистские настроения в 1780-х годах, но сражения подробно не рассмотрел. А.С. Кан уделил внимание проблеме подписания Верельского договора и его значения для дальнейшего развития отношений между двумя государствами.

В современной историографии Русско-шведской войны (1788—1790) наиболее комплексным является исследование Я.А. Сексте[6]. На базе значительного числа источников он подробно описал военные действия на суше и море в кампаниях 1788, 1789, 1790 гг. Автор упомянул и Архангельск — в отрывке из переписки Екатерины II и князя Г. Потёмкина относительно наличия судов у России для ведения военных кампаний в акватории Балтийского моря. Также в монографии — несколько упоминаний об участии в баталиях судов, построенных на архангельских верфях.

План Кольского острога

План Кольской крепости, рапорты кольского коменданта полковника Бориса Эрнера
См.: ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 8. Д. 51. Л. 2 (ОЦ).

Цикл статей и монографий Г.А. Гребенщиковой[7] посвящён русско-шведским отношениям в XVIII столетии, оценке военных сил России и Швеции накануне войны, роли Великобритании в противостоянии этих государств, а также ключевым событиям на Балтийском театре военных действий в 1788—1790 гг. В работах упоминается деятельность Архангельского порта, входившего в структуру Балтийского флота; приводятся некоторые сведения о строительстве кораблей на архангельских судоверфях.

Несмотря на достаточно широко представленную историографию военных событий того периода, вышеперечисленные авторы практически ничего не сообщают о подготовке к войне на Севере, сосредоточив внимание на морских баталиях и сухопутных сражениях в Балтийском регионе.

В работах шведских историков нет информации о планах Густава III по нападению на Север России со стороны Белого моря, но есть материалы о подготовке шведской армии и флота к войне, которые позволяют понять, почему в 1788—1790 гг. соответствующая атака так и не была предпринята[8].

Например, Ларс Вольке, профессор военной истории шведского Колледжа национальной обороны (г. Стокгольм) и доцент Академии Або (г. Турку), подробно описал стратегию Густава III перед конфликтом и в течение военных кампаний, отметив ряд внутриполитических проблем и непростое положение шведской армии[9].

Источниковую базу данной статьи составили материалы Государственного архива Архангельской области (ГА АО). Прежде всего, это ведомости о наличии оружия, документы «о движении войск» (о количестве солдат и офицеров в гарнизонах) и месячные ведомости о состоянии команд; рапорты и отчёты городничих (Ф. 1 «Канцелярия Архангельского губернатора (1708—1917 гг.)»; Ф. 1367 «Канцелярия генерал-губернатора Архангельского, Вологодского и Олонецкого (1776—1802 гг.)»; Ф. 1538 «Архангелогородская гарнизонная канцелярия (1729—1811 гг.)»). Содержащаяся в этих документах информация позволяет оценить готовность беломорских гарнизонов к началу войны, изучить этапы предпринимавшихся мер по повышению обороноспособности и выявить причины неудач при проведении мобилизационных мероприятий.

Кроме того, делопроизводственная документация Национального архива Республики Карелия (НА РК) (Ф. 396 «Олонецкое наместническое правление (1784—1796 гг.)», Ф. 2 «Олонецкое губернское правление (1784—1902 гг.)») содержит информацию о проведении оборонительных мероприятий на общей со Швецией границе — формировании системы застав и новых воинских подразделений (например, Олонецкого егерского батальона). Эти сведения позволяют понять, почему с началом войны со Швецией российское правительство не уделило должного внимания беломорским гарнизонам.

Также в ходе исследования были использованы опубликованные документы многотомного издания «Материалы для истории русского флота»[10] (1865—1904), которые содержат информацию о строительстве военных кораблей на верфях Архангельска и Олонца для Балтийского флота. Архив Государственного совета содержит раздел с протоколами за 1787—1796 гг., среди которых один из параграфов посвящён рассматриваемым событиям: «Разрывъ и потомъ война со Швецией и продолжение войны с Турцией (1788—1790 гг.)».

Из документов ежемесячного историко-литературного журнала «Русский архив» за 1873 год (в частности, указов и писем Екатерины II) становится известно и о диверсии России, планировавшейся на территории Шведской Лапландии.

Изучение комплекса перечисленных источников позволяет сделать выводы по поводу уровня боеготовности беломорских гарнизонов накануне и в годы Русско-шведской войны.

Каково же было состояние гарнизонов и артиллерийского парка северных крепостей, переведённых с началом конфликта со Швецией на военное положение? Гарнизон Кольского острога включал в себя два структурных подразделения. Это были команды — штатная воинская и Кольская артиллерийская. Из составленных местными артиллеристами описей стало известно об имевшемся в начале 1780-х годов в Кольском остроге вооружении: «пушек разных калибров и годных — 38 штук; гаубица 23-фунтовая годная — одна штука; дробовик 20-фунтовый годный — две штуки; пушек разных калибров и негодных — 17 штук»[11].

Таблица 1

Численность Кольского гарнизона в 1770—1780-е годы (человек)

Год	Кольская артиллерийская команда	Кольская штатная воинская команда
1776	47	24
1777	46	23
1785	—	33
1787	37 всего	
1790	22	31

Составлена по: ГА АО. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 132. Л. 11, 11 об.; Д. 218. Л. 1; Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 219. Л. 4; Д. 270. Л. 25, 67.

Таблица 2

Численность гарнизона Новодвинской крепости в 1780-е годы (человек)

Год	Артиллерийская команда (артиллеристы и мастеровые)	Крепостная рота, откомандированная от архангельского батальона
1784	239	—
1785	145	—
1786	191	—
1787	152	121
1790	118	100

Составлена по: ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 42. Л. 1—2 об.; Д. 42. Л. 22—23 об.; Д. 269. Л. 3 об.; Д. 320. Л. 1 об.; Д. 270. Л. 67.

В середине 1780-х годов Архангельск посетил генерал-адъютант граф Ф.Е. Ангальт. В его архиве сохранился документ об артиллерийском вооружении Архангельска в то время — 33 пушки[12]. Причём списочная численность обоих батальонов городского гарнизона в первой половине 1788 года составляла 830—860 военнослужащих, из которых 800—810 (95 проц.) находились не в городе, а выполняли на территории губернии поставленные гарнизонной канцелярией задачи[13].

По данным того же года, в Новодвинской крепости оставалось лишь 92 пушки, 2 единорога и 2 мортиры[14].

На данный момент в архивах не найдены сведения об артиллерийском парке Соловецкого монастыря накануне войны со шведами. Однако есть информация о воинских командах в Сумском остроге и Кемском городке, преимущественно формировавшихся из служащих Соловецкой воинской команды. В 1786 году для караульной службы у пороховых кладовых, ружейных и хлебных складов, а также для охраны содержавшихся в тюрьмах преступников в Суме и Кеми насчитывалось 53 военнослужащих[15]. Действительно, во второй половине XVIII столетия штатные воинские команды зачастую выполняли задачи военно-полицейского характера и несли преимущественно караульную службу. На случай военной опасности эти воинские подразделения сразу же мобилизовывали.

Война началась в конце июня 1788 года вторжением шведской армии на территорию России и осадой крепости Нейшлот[16]. Российскому правительству пришлось переключить внимание с южного театра боевых действий (продолжавшаяся война с Турцией) и предпринять меры против шведской агрессии.

По предписанию Екатерины II («Не упустить взять нужную осторожность, дабы границы Олонецкой губернии не были неприятелем обеспокоены, простирая ту осторожность и на Ладожское озеро»)[17] в конце августа — начале сентября 1788 года архангельский и олонецкий генерал-губернатор Тимофей Иванович Тутолмин подписал несколько приказов, касавшихся обеспечения защиты общей со Швецией границы. Речь шла о равномерном распределении солдат из Кольской и Соловецкой команд по границе; о немедленном формировании в Кеми двух рот из военнослужащих архангельских батальонов; об организации постов и закрытии границ Кольской округи со Шведской Лапландией; о наборе из числа местных жителей способных к военной службе и их вооружении[18].

Вопрос, почему оборонительные меры на Севере стали системно предпринимать спустя два месяца после вторжения шведских войск, отпадает, если обратиться к письмам Екатерины II: «Секретнейшим распоряжением» 4 июля* императрица обозначила Т.И. Тутолмину план правительства по совершению диверсии на шведской территории в Карелии с надеждой, что все силы Густава III будут сосредоточены в глубине Выборгской губернии[19]. Однако «известной экспедиции», как назвала эту военную операцию Екатерина II, не суждено было свершиться. В связи с накалявшейся политической ситуацией в самой Швеции и её армии российское правительство приняло решение отменить диверсию и сосредоточиться именно на оборонительных мероприятиях на Севере.

В целом на первых этапах приведения гарнизонов и крепостей в боевую готовность отмечались сумбурность в действиях и сложности во взаимодействии между администрацией губернии на всех уровнях. Так, 21 августа Т.И. Тутолмин из Петрозаводска выразил большую обеспокоенность правителю Архангельского наместничества Ивану Романовичу Ливену касательно недостатка в Коле необходимых запасов ржи и муки и потребовал разрешить эту проблему в ближайшую навигацию. И.Р. Ливен в свою

Таблица 3

Численность воинской команды Соловецкой крепости в 1780-е годы

Год	Численность солдат команды
1785	70
1787	68
1789	65
1790	77

Составлена по: ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 219. Л. 3 об.; Д. 309. Л. 7; Д. 406. Л. 75; Т. 1а. Д. 243. Л. 10—11 об.

* Здесь и далее даты приведены по старому стилю.

очередь отрапортовал, что, по его сведениям, в городе находилось 10 269 пудов муки[20]. Это недоразумение, как оказалось, произошло из-за того, что до Т.И. Тутолмина просто не доходили документы о наличии «хотя бы фунта провианта в уезде»[21].

О готовности к защите от потенциальной угрозы на русско-шведской границе можно было говорить лишь к ноябрю 1788 года, спустя пять месяцев после начала войны. Кольский капитан-исправник Шестаков 11 ноября отрапортовал: на границе воинскими командами при поддержке лопарей учреждены заставы[22].

Команды, окончательно сформированные к концу 1788 года в Кольском и Кемском уездах, с января 1789-го регулярно отчитывались о ситуации на границе: «Все благополучно, и неприятельских покушений не имелось, равно как и движений со шведской стороны, караульные разъезды совершаются регулярно»[23].

Несмотря на сигнал командира караульной команды в Орьезерском погосте сержанта Полынкина об обнаружении в октябре неприятельского отряда в количестве 10 человек[24], больше в рамках кампании 1789 года никаких угроз северо-западным границам России не возникло.

30 июля 1789-го Т.И. Тутолмин запросил у И.Р. Ливена информацию о наличии артиллерии в Кольском остроге, Соловецкой и Новодвинской крепостях. По поручению И.Р. Ливена командир артиллерийской команды поручик Иван Буянов подготовил ведомость по вооружению Новодвинской крепости:

«73 пушки чугунных; 2 мортиры чугунные; 2 гаубицы чугунные; 19 дробовиков чугунных; 19 202 ядра; 97 пушек негодных и 17 535 ядер, не подходящих к имеющимся пушкам; 31 пушка чугунная для салютаций, и все негодные к пальбе»[25].

Портрет Т.И. Тутолмина
Неизвестный художник
Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера»

Таким образом, количество артиллерии в крепости по сравнению с довоенным периодом, в начале 1788 года и в военное время, в середине 1789-го, не изменилось. За год войны не удалось должным образом вооружить форпост в дельте Северной Двины (да соответствующие меры и не предпринимались).

Для осмотра крепостной артиллерии Соловецкого монастыря и обучения местных солдат архангельский обер-комендант И.М. Болотников от Новодвинской артиллерийской команды отправил на архипелаг пять человек[26].

Прапорщик Василий Иванов при Соловецкой воинской команде отчитался о наличии вооружения:

«1 медный дробовик и 11 пушек годных под Святыми воротами; 1 пушка годная, 8 негодных в башне Успенской; 8 пушек, из которых 2 годны в Корожской башне; 3 негодные пушки, 8 негодных пищалей, 1 негодный дробовик, 4 годных пушки, 2 негодные гаубицы в Никольской башне; 6 пушек, из которых 2 годны в Архангельской башне; 7 пушек, из которых 1 годна, 1 негодная пищаль в Белой башне; 9 пушек, из которых 4 годные, негодная 1 гаубица в Стратилатовской; 2 негодные пищали в Поваренной башне.

Итого: всего дробовиков и пушек медных годных — 23, в употребление совсем не способных — 4, чугунных гаубиц пушек и пищалей в употребление годных — 17, совсем негодных — 31, всего всех дробовиков и пушек, гаубиц и пищалей — 75, под которыми не имеется лафетов»[27].

В данном случае 46 проц. всего артиллерийского парка оказалось негодным к использованию.

Гарнизон Соловецкой крепости в 1789 году включал команду из Архангельска: прапорщик, четыре сержанта, три капрала и трое рядовых, а также 65 рядовых соловецкой воинской команды. Из них реально на архипелаге находился лишь 31 солдат, остальные были в отлучках в Кеми, Сумском остроге и на Кольской границе[28].

Хотя нет сведений о наличии вооружения в довоенный период, но, сравнив ситуацию на Соловках с положением Новодвинской крепости и приняв во внимание численность гарнизона, приходим к выводу: к середине 1789 года Соловецкий монастырь был не готов отразить потенциальную угрозу.

Сумской острог и Кемский городок содержались за счёт Соловецкого монастыря. По сведениям историка В.А. Бурова, в августе 1788-го был приведён в порядок Кемский городок:

«По сношению Кемской штатной команды прапорщика Гуселникова для охранения Кеми города от приезда неприятельских кораблей и судов и самих шведов при кемском подворье военных снарядов отдано под расписку ему прапорщику Гуселникову: пороху четыре пуда, затинных пищалей четыре, бердышей — 32, рогатин с дроти-

ками — 92, копей — 18, ружей — 24, пушка большая чугунная одна, другая малая (к ним станков по одному с двумя железными болтами), картечи — 1200, свинцу девять пуд, ядер — 85»[29].

Итак, нельзя сказать однозначно, находилась ли воинская команда Кеми с двумя пушками в полной боевой готовности.

К весне 1790 года гарнизон Сумского острога включал 14 человек[30]. Как свидетельствуют документы, военные Новодвинской артиллерийской команды осмотрели имевшееся вооружение: три трёхфунтовые чугунные годные пушки без лафетов и несколько негодных ржавых фальконетов[31].

Лафетов для пушек не хватало не только в Сумском остроге, но и на самих Соловках. Инженер-подпоручик Яков Васильев писал в дневнике: «Артиллерийские орудия состояли на весьма ветхих лафетах, так что ни единого выстрела выдержать были не в состоянии»[32]. Т.И. Тутолмин приказал отправить в Соловецкий монастырь лафеты из Архангельска[33]. В ответ И.Р. Ливен заявил, что свободных лафетов в городе нет — все задействованы на фрегатах и батареях в устьях Северной Двины[34].

Даже во время кампании 1790 года проблему повышения обороноспособности Соловецкой крепости так и не решили. 12 июня Т.И. Тутолмин в письме И.Р. Ливену из Петрозаводска просил сменить руководителя подготовительными работами в Соловецком монастыре секунд-майора Вашкова на батальонного командира Беляева. Как оказалось, Вашков ещё даже не приступал к обучению местной команды исправной пальбе из пушек[35].

В ещё одной ведомости вооружения, составленной в сентябре 1789 года кольским комендантом полковником Б.И. Ернером, сообщается: в водяных башнях, Верховской и Егорьевской башнях, в стенах крепости были расставлены «23 гаубицы; 29 годных пушек; 1 чугунная гаубица; 2 чугунных дробовика; 23 негодные пушки; 40 мушкетонов; 40 алебард; 21 фузея и 22 шпаги негодные; 7239 ядер; 260 копей; 2600 фузейных кремней»[36].

Кольский гарнизон оказался в более выгодном положении, чем Соловецкая крепость: его вооружение превосходило последнюю и по числу орудий, и по соотношению пригодной/непригодной к стрельбе артиллерии — 70 проц. из всего числа орудий были годны. Кроме того, их количество, пусть и незначительно, но увеличилось в сравнении с довоенным периодом.

В целом подготовку к обороне северных форпостов в течение 1788—1789 гг. точно охарактеризовал историк Л.Г. Бескровный: «Стратегические планы русского командования были бесцветны и не давали серьёзных результатов»[37]. Действительно, ни одна крепость не была достойно вооружена и приведена в боевую готовность. Отмечались нехватка годных артиллерийских орудий, лафетов для пушек; проблемы во взаимодействии администрации наместничества; малочисленность воинских команд в гарнизонах. По всей видимости, российское командование в первую очередь решило укрепить северо-западную границу России со Швецией. Об успехах на этом направлении стало известно в конце 1788 года из рапортов командиров воинских пограничных команд.

Помимо учреждения застав на границе по указу Екатерины II из бобылей Выборгской губернии в Олонецком наместничестве был сформирован егерский батальон — для использования в качестве пограничной стражи, а также при горных заводах в регионе[38]. В дополнение к этому подразделению, согласно архивным документам, в Петрозаводском уезде были расквартированы башкирские полки, в Каргопольском — Белозерский пехотный полк[39], а в Олонце — драгунский легкоконный эскадрон[40].

Таким образом, внимание российского правительства в начале войны было приковано именно к общей со Швецией границе в Лапландии.

Однако был ли намерен шведский король напасть с этой территории и Архангельского наместничества на земли Олонецкого наместничества через Белое море? По мнению шведского историка Ларса Вольке, первоначальный план Густава III был связан с перемещением основных сил из Свеаборга в ингерманландский Ораниенбаум, расположенный на берегу Финского залива, прямо напротив Кронштадта — военного форпоста Петербурга. От российской столицы шведский десант отделяли не более 40 км. Параллельно с этим незначительные военные группы должны были пересечь границу в районе Абборфорса и направиться в сторону Фридрихсгама и Выборга, чтобы дезориентировать русских и заставить их рассредоточить свои силы. Короля привлекла возможность получить преимущество в бывших балтийских провинциях. Согласно этому плану южная армия должна была разделиться: одной её части следовало направиться в Ригу, а другой — в Ревель. Сконцентрированные к северу от Финского залива основные силы должны были выйти к Карельскому перешейку и завоевать Санкт-Петербург или хотя бы благодаря своему присутствию там вынудить Россию заключить мирное соглашение, по которому Швеции были бы возвращены потерянные ею земли в Финляндии, Эстляндии и Лифляндии[41].

Можно предположить, что неготовность шведского командования действовать на два фронта в военных кампаниях 1788—1789 гг. и отсутствие соответствующих стратегических планов спасли Колу, Соловецкий монастырь и Архангельск, которые в случае массированной атаки, вероятно, не смогли бы противостоять врагу.

Ситуация с уровнем обороноспособности северных крепостей несколько изменилась в 1790 году. Российскому правительству стало известно о намерении шведского короля направить в Белое море два катера с целью разрушения Архангельской верфи, и 9 января 1790 года вице-президент Адмиралтейств-коллегии граф И.Г. Чернышёв получил императорский указ о проведении мероприятий, направленных на защиту Архангельска, «тамошнего моря и его берегов»[42].

К числу этих мероприятий относились: возведение артиллерийских батарей в дельте Северной Двины и размещение на расположенных там островах караульных воинских команд, дополнительное вооружение Новодвинской крепости, обустройство системы маяков по устьям реки; усиление контроля на таможенных заставах, снаряжение охранной эскадры в Белом море.

Кроме того, на Соловецких островах за пределами крепости были возведены несколько долговременных укреплений под руководством инженера Васильева:

«1. при местечке Табарском в проходе между онаго и озера Святого из земляного парапета с фашинной одеждай состоящие из двух фасов с фланками с прорезанием четырех амбразур и с деланием при оных прочных платформ;

2. в проходе между онаго и озера Гагарья такое ж фигурою из земляного парапета с фашинной одеждою с прорезанием пяти амбразур и с деланием при оных прочных платформ;

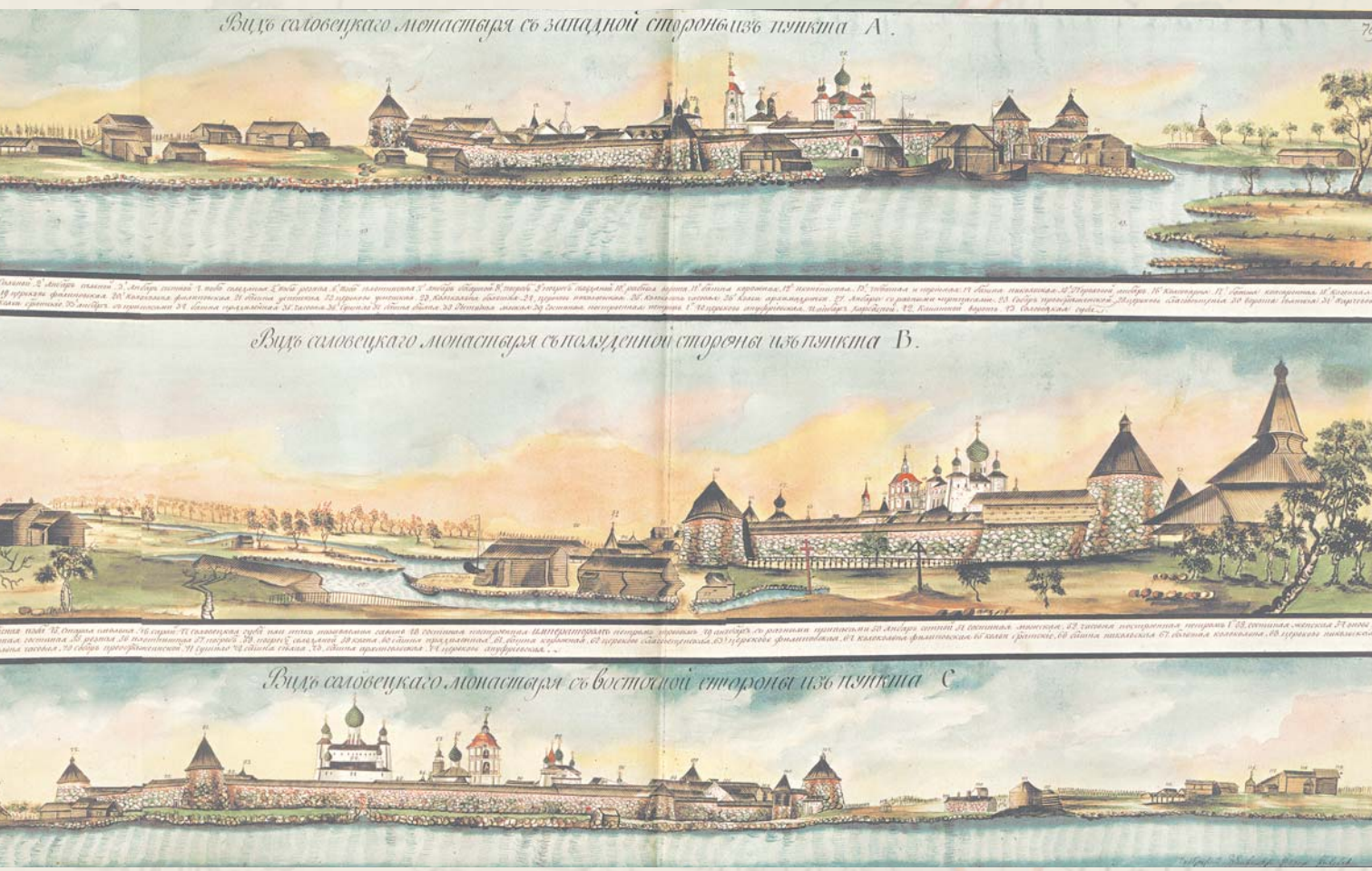
3. в проходе между морского берега и озера Гагарья [Гагарьего] из землянного парапета с фашинною одеждою с прорезанием трех амбразур и с деланием при оных прочных платформ состоящей из трех фасов»[43].

По составленной Васильевым ведомости в 1790 году при крепости числилось уже 81 орудие (пушки и дробовики), а гарнизон Соловецкой крепости состоял из 459 человек и включал местную команду, команды архангельских батальонов[44], а также военных от Олонецкого егерского батальона. Согласно рапорту секунд-майора Вашкова, отправленному 15 мая 1790 года генерал-майору при войсках в Олонецкой губернии Игнатию Увалову, на Соловки из Кеми вышло судно с продовольствием на четыре месяца. Сопровождал груз 4-й егерский дивизион[45].

В этих условиях в Коле тоже предприняли дополнительные меры по повышению обороноспособности: военнослужащие были снабжены необходимыми

Соловецкий монастырь

Атлас Архангельской губернии в 3 ч. Факсим. изд. 1797 г. СПб.: Альфарет, 2016. Л. 769.

припасами; артиллерия приведена в боеготовность; усилены городские караулы и караулы в окрестностях; все отправлявшиеся на промыслы обязывались немедленно возвратиться в город для его обороны на случай появления неприятеля; местному коренному населению (лопарям) выдавали копья и ружья с порохом. Планировалось обустроить четыре батареи и два редута на подходах к городу, но для этого нужны были две дополнительные роты. Хотя Колу так и не удалось полностью подготовить к защите, местный комендант Б.И. Ернер в течение зимы—весны 1790 года регулярно отправлял в Архангельск рапорты «о спокойствии на берегах Северного океана и Белого моря», отмечая, что неприятельских судов замечено не было, никаких происшествий не случалось[46].

3 июля командовавший редутами в Лапоминской гавани (входили в систему батарей дельты Северной Двины) лейтенант Ерофеев отчитывался, что на 99 стрелков в наличии было 68 ружей. Капитан Дандин писал, что на острове Кумбыш на 60 стрелков приходилось 41 ружьё, а на острове Нижние Ягры, рапортовал капитан Резницын, был недостаток патронов, патронных сум и ружей[47].

В условиях ожидавшегося нападения администрация генерал-губернатора стала реагировать на жалобы офицеров более оперативно, и после получения от них соответствующих рапортов для всех местных команд были приготовлены провиантские запасы[48]. Для Новодвинской крепости и батарей в устье Северной Двины из Александровского завода отправили 213 крупнокалиберных пушек[49].

В марте 1790 года архангельский обер-комендант И.М. Болотников писал И.Р. Ливену, что «Новодвинская крепость осмотрена, благодаря инженер-прапорщику А.Ф. Обручеву находится в хорошем состоянии и в полной боевой готовности, пушки, мортиры и дробовики

Портрет И.Р. Ливена
Неизвестный художник
Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера»

со всеми снарядами приготовлены, а гарнизон крепости вооружен»[50].

Таким образом, Архангельск был прикрыт системой артиллерийских батарей и сформированными воинскими командами в дельте Северной Двины. В акватории Белого моря на входах в рукава реки стояли фрегаты, построенные для Балтийского флота в Архангельском адмиралтействе, а катера, исполняя караульные функции, курсировали в горле моря. Новодвинская и Соловецкая крепости были перевооружены и усилены дополнительным воинским контингентом с привлечением гарнизонов Олонецкого наместничества. Огромная заслуга в быстром и качественном проведении оборонительных мероприятий в Кольской округе принадлежала коменданту Б.И. Ернеру. Однако, как он сам отмечал, в городе было недостаточно военнослужащих. На строившиеся батареи для защиты Колы с моря требовались как минимум две дополнительные роты. Это можно объяснить тем, что всё внимание властей было приковано к Архангельску — внешнеторговому порту и центру — административному и северного судостроения, и город, конечно, больше нуждался в защите.

Стратегический план Густава III в кампании 1790 года предполагал, что благодаря действиям флота появятся предпосылки для десантной экспедиции на Санкт-Петербург. Три дополнительные группировки войск, находившиеся в Санкт-Михеле, Рантасалми и Карелии, должны были отвлечь внимание русских. Сражения начались 15 апреля, и к ним русские не успели достаточно подготовиться. Взяв Кэрнэкоски, отряд Г.М. Армфельта отбил контрнаступление русских. Однако до конца план не был выполнен, поскольку не все три корпуса начали продвижение одновременно. Карельская бригада на северо-востоке вообще не провела ни одной операции. В основном это произошло из-за отсутствия продовольствия и ломовых лошадей[51].

Но если бы даже шведская армия не столкнулась с проблемами снабжения войск и её действия были чётко спланированы и реализованы, ей пришлось бы встретиться с уже хорошо укомплектованными и вооружёнными войсками как на общей границе в Карелии, так и на морских рубежах России.

Война со Швецией закончилась в августе 1790 года подписанием Верельского мирного договора. Он подтвердил все успехи российского оружия в Балтийском регионе в XVIII веке. 9 августа из Свят-Наволока Т.И. Тутолмин поздравил И.Р. Ливена с «окончанием войны и началом спокойного мира», отдал приказ о разоружении батарей и отпуске служителей по домам[52].

С крепостей было снято военное положение, и гарнизоны вернулись к повседневным задачам: городские караулы, охрана казённых строений, помощь в сборе податей и т.п.

Уже 31 августа 1790 года из Петрозаводска Т.И. Тутолмин отправил графу А.А. Безбородко письмо с просьбой о награждении гражданских чиновников и офицеров за их работу и службу:

«Внезапность Шведской войны, ныне благополучно оконченной, краткость времени на вызов на службу людей по доброй воле, формирование новых войск для закрытия границ империи здешнего края, снабжение и изучение их порядку внутренней и строевой службы тогда, когда неприятель был в действии, закрытие границ в более чем тысячу верст от Ладожского озера до города Колы и обережение поморских берегов при коих обитатели сей страны производят промыслы, приведение в оборонительное состояние устьев Северной Двины и Соловецкого монастыря, заботы о продовольствии войск провиантом и фуражом в удаленных и бесхлебных местах, соблюдение внутренней тишины и спокойствия в губерниях моего управления смежных с областями неприятельскими, коих местные жители связаны друг с другом родством и промыслами, поиск чиновников, проявивших в службе усердие, постройки на верфях Олонецкой губернии шести новой конструкции военных судов, за организацию работы Александровского завода, удовлетворявшего требования Адмиралтейства, приумножении сбора доходов»[53].

Золотыми медалями наградили А.И. Чирикова (правителя Олонецкого наместничества), И.Р. Ливена (Архангельского наместничества), И.М. Болотникова (архангельского обер-коменданта). Серебряную медаль вручили кольскому коменданту Б.И. Ернеру[54]. А.Ф. Обручев был представлен Т.И. Тутолминым к ордену Св. Владимира[55].

Существует вполне обоснованное мнение о неготовности Севера к угрозе нападения[56]. Несмотря на то что о намерениях шведского короля напасть на Россию было известно как минимум ещё за два года, к этой войне российское правительство оказалось неготовым. Конечно, начавшаяся в 1787 году война с Турцией и сосредоточение внимания на южном театре боевых действий внесли свои коррективы, тем не менее администрации Олонецкого и Архангельского наместничеств предприняли некоторые шаги по повышению обороноспособности Севера. Однако властям пришлось столкнуться с рядом проблем. Во-первых, планирование и подготовка российской диверсии на территории Шведской Карелии летом 1788 года затормозили проводившиеся генерал-губернатором Т.И. Тутолминым оборонительные мероприятия, в частности, ввиду осенних распутиц появилась проблема организации пограничных застав. Во-вторых, на начальном этапе войны сохранялась сумбурность во взаимодействии высших чиновников Олонецкого и Архангельского генерал-губернаторства. В-третьих, в качестве приоритетного направления для обеспечения необходимого уровня обороноспособности на начальном этапе войны была выбрана русско-шведская граница, которую усилили только к ноябрю—декабрю 1788 года.

В ещё более бедственном положении оказались северные гарнизоны: к концу 1789 — началу 1790 года в крепостях находилось недостаточное количество пригодных к стрельбе орудий, наблюдалась нехватка военнослужащих. Толчком к приведению в порядок форпостов послужило известие о готовившейся диверсии шведов в Архангельске в начале 1790 года. Тогда крепости перевооружили, перевели дополнительные воинские команды в Соловецкий монастырь, усилили гарнизон Новодвинской крепости, а созданными артиллерийскими батареями укрепили рукава Северной Двины.

На руку российскому правительству сыграли неудачи сухопутных частей Швеции. Слабость и недостаточная скоординированность её военного командования привели к отсутствию сплочённости между отдельными силами, из-за чего многие позиции были растрачены впустую. Более слаженное руководство помогло бы достичь Швеции лучших результатов. Здесь же действия одних военачальников исключали действия других, из-за чего планы приходилось пересматривать в самый разгар операций.

Так или иначе, в первой половине 1790 года российские мобилизационные мероприятия на Русском Севере завершились, соответствующую деятельность чиновников и офицеров высоко оценили в Петербурге, и к лету все местные российские гарнизоны подготовились к отражению потенциального шведского нападения. Последнего, как известно, не случилось, и в регионе не было боевых действий.

Примечания

[1] *Мильчик М.И.* Деревянные крепости Поморья в конце XVI—XVII в. // Архангельская область в контексте Российской истории: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (20 сентября 2012 г.) / [Под ред. С.И. Шубина]. Архангельск: КИРА, 2013. С. 5—23.

[2] *Овсянников О.В.* Средневековые города Архангельского Севера: Люди. События. Даты. Архангельск: Сев.-Зап. Кн. Изд-во, 1992. С. 265.

[3] *Буров В.А.* Крепость Соловецкого монастыря: История, зодчество, археология / Ин-т археологии РАН; Соловецкий гос. ист.-архит. и природ. музей-заповедник. Т. 1: Исследование и публикации. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 49.

[4] *Брикнер А.Г.* Война России со Швецией в 1788—1790 гг. СПб.: [б.и.], 1869; *Богданович М.И.* Русская армия в веке императрицы Екатерины I. СПб.: тип. Деп. уделов, 1873; *Головачев В.Ф.* Действия русского флота во время войны России

со Швецией в 1788—1790 годах. СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1870; *Керсновский А.А.* История русской армии в 4 т. Т. 1. М.: Голос, 1992; *Ордин К.Ф.* Покорение Финляндии. Т. 1. СПб.: [б.и.], 1889.

[5] *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в. М.: Воениздат, 1958.

[6] *Сексте Я.А.* Русско-шведская война 1788—1790 гг.: страницы истории внешней политики России. СПб.: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015.

[7] *Гребенщикова Г.А.* Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб.: Наука, 2007; *она же.* Некоторые аспекты российско-шведских отношений в 70—80-е гг. XVIII в. // Журнал «Клио». 2005. № 3(30). С. 112—117; *она же.* Военно-морские силы России и Швеции накануне Русско-шведской войны 1788—1790 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016. № 17(1). С. 143—150; *она же.* Военное противостояние России и Швеции под Выборгом в 1790 г. // Там же. 2018. № 19(1). С. 114—134; *она же.* «Странно и непостижимо, что адмирал Чичагов не идет ко мне на помощь» (к вопросу о действиях главнокомандующего флотом в войне России со Швецией в 1788—1790 годах) // Там же. 2019. № 21(1). С. 159—189; *она же.* К 230-летию Русско-шведской войны 1788—1790 годов: «Этого урока мы не должны забывать» (часть первая) // Журнал «Клио». 2019. № 2(146). С. 130—145; *она же.* Военно-политические и дипломатические аспекты отношений России со Швецией в 1788—1791 годах // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. СПб. 2020. № 20-2. С. 37—55.

[8] *Arteus G.* Gustav III: militära lederskap // Gustav III: s ryska krig / Red: Gunnar Arteus. Stockholm: Probus, 1992. S. 175—183; *Ericson L.* Kriget till lands 1788—1790 // Ibid. S. 69—109; *Glete J.* Kriget till sjöss 1788—1790 // Ibid. S. 110—174; *Rystad G.* 1788: Varför krig? // Ibid. S. 9—22; *Jacobsson A.* Gustaf III och sjökriget 1788—1790. Stockholm: Författares Bokmaskin, 2007; *Markelius M.* Gustav III: s arme. Stockholm: Medströms Bokförlag, 2020.

[9] *Вольке Л.Э.* Ретроспектива российско-шведских военных взаимоотношений с 1771 по 1809 гг. / Пер. Н.Н. Гуровой // Русский Сборник: исследования по истории России / [Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти]. Т. XVII: Финляндия и Россия. М.: Модест Колеров, 2015. С. 56—85.

[10] Материалы для истории русского флота в XVII ч. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1890.

[11] Государственный архив Архангельской области (ГА АО). Ф. 1538. Оп. 1. Д. 233. Л. 2—5.

[12] *Гостев И.М.* Русский Север в войнах XVI—XIX веков. Архангельск: Фонд развития Соловецкого архипелага, 2014. С. 82.

[13] ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 388. Л. 180.

[14] *Гостев И.М.* Указ. соч. С. 82.

[15] ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 269. Л. 3.

[16] *Сексте Я.А.* Указ. соч. С. 68.

[17] Письма императрицы Екатерины II к Т.И. Тутолмину // Русский архив. 1873. Т. 22. С. 2278.

[18] ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 332. Л. 1—2; Д. 329. Л. 1, 1 об.

[19] Письма императрицы Екатерины II к Т.И. Тутолмину. Т. 22. С. 2274.

[20] ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 352. Л. 1—2 об.

[21] Там же. Д. 337. Л. 3.

[22] Там же. Д. 333. Л. 24.

[23] Там же. Д. 405. Л. 1, 1 об.

[24] Там же. Л. 37.

[25] Там же. Д. 432. Л. 4 об., 9—10.

[26] Там же. Д. 474. Л. 7.

[27] Там же. Д. 432. Л. 31—37.

[28] Там же. Д. 406. Л. 75.

[29] *Буров В.А.* Указ. соч. С. 50.

[30] ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 474. Л. 37—38.

[31] Там же. Л. 2.

[32] *Буров В.А.* Указ. соч. С. 490.

[33] ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 474. Л. 3—4.

[34] Там же. Л. 5—6 об.

[35] Там же. Л. 288.

[36] Там же. Л. 16—22.

[37] *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 594.

[38] Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 54. Л. 237—239; ГА АО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 1671. Л. 84.

[39] НА РК. Ф. 396. Оп. 4. Д. 12. Л. 1.

[40] Там же. Ф. 2. Оп. 61. Д. 18/254. Л. 17—26.

[41] *Вольке Л.Э.* Указ. соч. С. 61.

[42] Материалы для истории русского флота... Ч. XIV. С. 6, 285.

[43] ГА АО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 1375. Л. 12.

[44] *Буров В.А.* Указ. соч. С. 50, 494.

[45] НА РК. Ф. 396. Оп. 4. Д. 12. Л. 26.

[46] ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 474. Л. 246, 246 об., 308—309.

[47] Там же. Л. 189—191.

[48] Там же. Л. 141.

[49] Там же. Л. 204.

[50] Там же. Л. 16.

[51] *Вольке Л.Э.* Указ. соч. С. 67.

[52] ГА АО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 474. Л. 338.

[53] Там же. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 1251. Л. 1—2, 6 об., 8 об., 10.

[54] Там же. Д. 1379. Л. 3—7.

[55] Там же. Д. 1378. Л. 1, 1 об. В «сношении о награждении» Т.И. Тутолмина в Канцелярию Главной артиллерии и фортификации не говорится о степени ордена. Однако известно, что 5 февраля 1806 г. А.Ф. Обручев, будучи майором, был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени. См.: *Степанов В.С.* В память столетнего юбилея Императорского военного ордена святого великомученика и победоносца Георгия (1769—1869 г.) / Сост. В.С. Степанов и Н.И. Григорович. СПб.: Тип. В.Д. Скарятина, 1869. С. 59.

[56] *Гостев И.М.* Указ. соч. С. 82.

N.A. Khrebtov

«DO NOT FAIL TO TAKE THE NECESSARY PRECAUTIONS SO THAT THE BORDERS... ARE NOT DISTURBED BY THE ENEMY...»

Garrisons of the northern fortresses on the eve of and during the Russian-Swedish War of 1788—1790

Information about author. *Nikita Khrebtov — head of the department of scientific and educational programs of the Arkhangelsk Museum of Local Lore, postgraduate student of the department of national history of the Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov (city of Arkhangel'sk. E-mail: ya.nax1999@yandex.ru).*

Summary. *The paper analyzes the data on the number of military commands and armament of the northern outposts (Kola, Kem' and Suma stockaded towns, Novodvinsk and Solovetsky fortresses) on the eve of and during the Russo-Swedish war of 1788—1790.*

The purpose of the study was to assess the level of combat readiness of the northern garrisons at the beginning and during the war, based on the results of archival research and study of scientific literature.

As a result, it was possible to study the number of military commands and the composition of artillery forces of garrisons in the 1780s and 1790s. Having characterized a number of problems in the organization of the defense of the North, the author came to the conclusion that the outposts were not brought to a state of full combat readiness either at the beginning of the war in 1788 or at the beginning of the campaign in 1789. It was only in the first half of 1790 that the readiness of the garrisons to repel potential threats met the requirements of war.

Keywords: *Russian-Swedish War of 1788—1790; Kola Ostrog; Novodvinsk Fortress; Solovetsky Fortress; garrisons; Russian North; T.I. Tutolmin; I.R. Lieven; B.I. Yerner; I.M. Bolotnikov; A.I. Chirikov; A.F. Obruchev; Gustav III.*

Д.А. Антропов

«СВОЕВРЕМЕННО УЛОВИТЬ, ОПИСАТЬ И ОСМЫСЛИТЬ ПРАКТИКУ СОВРЕМЕННОЙ ВООРУЖЁННОЙ БОРЬБЫ»

Деятельность ведущих отечественных военно-научных школ по разработке многоканальных комплексов радиосвязи систем управления войсками

Сведения об авторе. *Антропов Дмитрий Алексеевич — старший научный сотрудник научно-исследовательского центра Военной академии Генерального штаба ВС РФ, кандидат технических наук, доцент, соискатель учёной степени доктора исторических наук (Москва. E-mail: vnkantropov@mail.ru).*

Аннотация. *В статье обоснована актуальность изучения деятельности военно-научных (научно-технических) школ ведущих высших военно-учебных и научно-исследовательских организаций по исследованию и применению в системах управления войсками (силами) и оружием новых родов связи — радиорелейной связи прямой видимости и тропосферного отражения в современных условиях. Целью публикации является историческая реконструкция создания и развития указанных научных школ. Автором рассмотрены приоритетные направления деятельности ряда научных школ Военной академии Генерального штаба, Военной академии связи, ведущих научно-исследовательских институтов в области связи Министерства обороны, а также организаций оборонно-промышленного комплекса РФ (СССР). Сформулированы основные исторические уроки развития научных школ в области обоснования применения и разработки новых комплексов многоканальной радиосвязи в технической сфере управления. Сделан вывод о возрастании роли и значения деятельности военно-научных (научно-технических) школ в современных условиях стремительного развития средств, комплексов и технологий вооружённой борьбы, трансформации форм и способов ведения операций (боевых действий).*

Ключевые слова: *Военная академия Генерального штаба ВС РФ; Военная академия связи; военно-научная (научно-техническая) школа; научная группа; системы связи и автоматизации управления; средства и комплексы радиорелейной связи прямой видимости и тропосферного отражения; многоканальные системы радиосвязи; А.В. Ткаченко; В.Н. Сосунов; А.И. Белов; Ф.Ф. Железнов; Ф.П. Липсман.*

Вскоре после окончания Второй мировой войны начался длительный период «холодной войны» между двумя блоками государств с различными социально-экономическими системами, вызвавший серьёзные преобразования в вооружённых силах противоборствующих сторон.

С появлением и дальнейшим совершенствованием новых средств вооружённой борьбы значительно увеличились оперативно-технические требования к системам управления войсками (силами). Существовавшие в первые послевоенные годы системы радиосвязи практически всех звеньев управления Вооружёнными силами СССР не соответствовали требованиям по передаче возраставших объёмов информации между собой. При этом особое значение отводилось беспроводным системам радиосвязи, позволявшим обеспечивать управление войсками и оружием в условиях, когда могла быть серьёзно нарушена стационарная инфраструктура связи.

С учётом этого с середины 40-х годов прошлого столетия в нашей стране начались активные теоретические и практические разработки средств и технологий новых родов радиосвязи — радиорелейной связи прямой видимости и тропосферного отражения. Их многоканальность обеспечивалась применением новых верхних участков (метровых, дециметровых, миллиме-

тровых) диапазона радиоволн.

В ходе выполненных работ были созданы средства и комплексы многоканальных средств и комплексов радиосвязи, которые в настоящее время используются в частях и подразделениях войск связи Вооружённых сил Российской Федерации.

И.Т. Пересыпкин

Сегодня США и их союзники проводят враждебную политику по отношению к России, направленную на силовое противостояние, приобретающее характер гибридной войны, прокси-войн и операций в кибернетическом пространстве. Осуществляются экономические санкции, масштабные поставки вооружения и специальной техники противоборствующей ВС РФ украинской стороне[1].

Все эти обстоятельства требуют дальнейшего роста боевой готовности Вооружённых сил РФ. Ключевая роль здесь отводится развитию системы управления войсками (силами) и её технической основы — системам автоматизации управления и связи. Актуальной задачей становится и изучение исторического опыта разработки и производства многоканальных беспроводных средств связи, являющихся важнейшей частью технической основы системы управления войсками и оружием.

Российский военачальник генерал армии Ю.Н. Балуевский отмечает, что современная война, при всём мужестве и героизме солдат и офицеров, — это война технологий. При этом сейчас в ходе Специальной военной операции (СВО) со стороны Украины Вооружённым силам России противостоят широкие технологические возможности около 50 высокоразвитых в военной сфере государств[2].

В этих условиях важнейшее место должно быть отведено военной науке, изучению и использованию опыта применения эффективных форм научной деятельности. По мнению председателя Военно-научного комитета ВС РФ — заместителя начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковника В.В. Трушина, сегодня задача военной науки — «своевременно уловить, описать и осмыслить практику современной вооружённой борьбы»[3].

Важнейшее место в военной науке занимают военно-научные школы. Особенно значима деятельность этих школ в ходе решения актуальных проблем совершенствования и обеспечения устойчивого управления войсками (силами) и оружием в любой обстановке.

Отметим, что первые обоснованные теоретические работы о вооружённой борьбе, военном искусстве в Русском государстве стали возникать в начале его централизованного формирования. Военные историки в этой связи отмечают И.С. Пересветова, который в середине XVI века разработал программу военной реформы Московского государства, А.Л. Ордина-Нащёкина, выдвинувшего идею переустройства военной организации государства, а также военного новатора того времени В.В. Голицына[4].

Позже, уже в XVIII веке, преобразователем ратного дела, военным мыслителем наряду с другими отечественными деятелями стал Пётр I. Он являлся автором целого ряда уставов, военно-теоретических и исторических трудов. Так, например, лично Петром I в специальном журнале был проведён тщательный анализ причин неудач русских войск под Нарвой (1700 г.), подготовлены обоснованные выводы и исторические оценки тех событий[5].

Кроме того, выделим также других талантливых полководцев, флотоводцев, военных теоретиков — П.А. Румянцева, А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова, П.И. Шувалова, внёсших много нового в формирование теории военного искусства, в зарождение и становление отечественных военно-научных школ[6].

Заметим, что в ходе последующего развития отечественной военной науки строго регламентированного понятия «военно-научная школа» ещё не было.

В постсоветский период большое внимание было обращено на деятельность научных школ в целях развития системы военного образования. Военными учёными предлагались типовые структуры военно-научных школ, показатели и критерии

оценки их деятельности. Кроме того, отмечалась важная роль военно-научной школы в решении задач подготовки научно-педагогических кадров, повышении уровня научных результатов, научной значимости исследований для обеспечения военной безопасности государства[7].

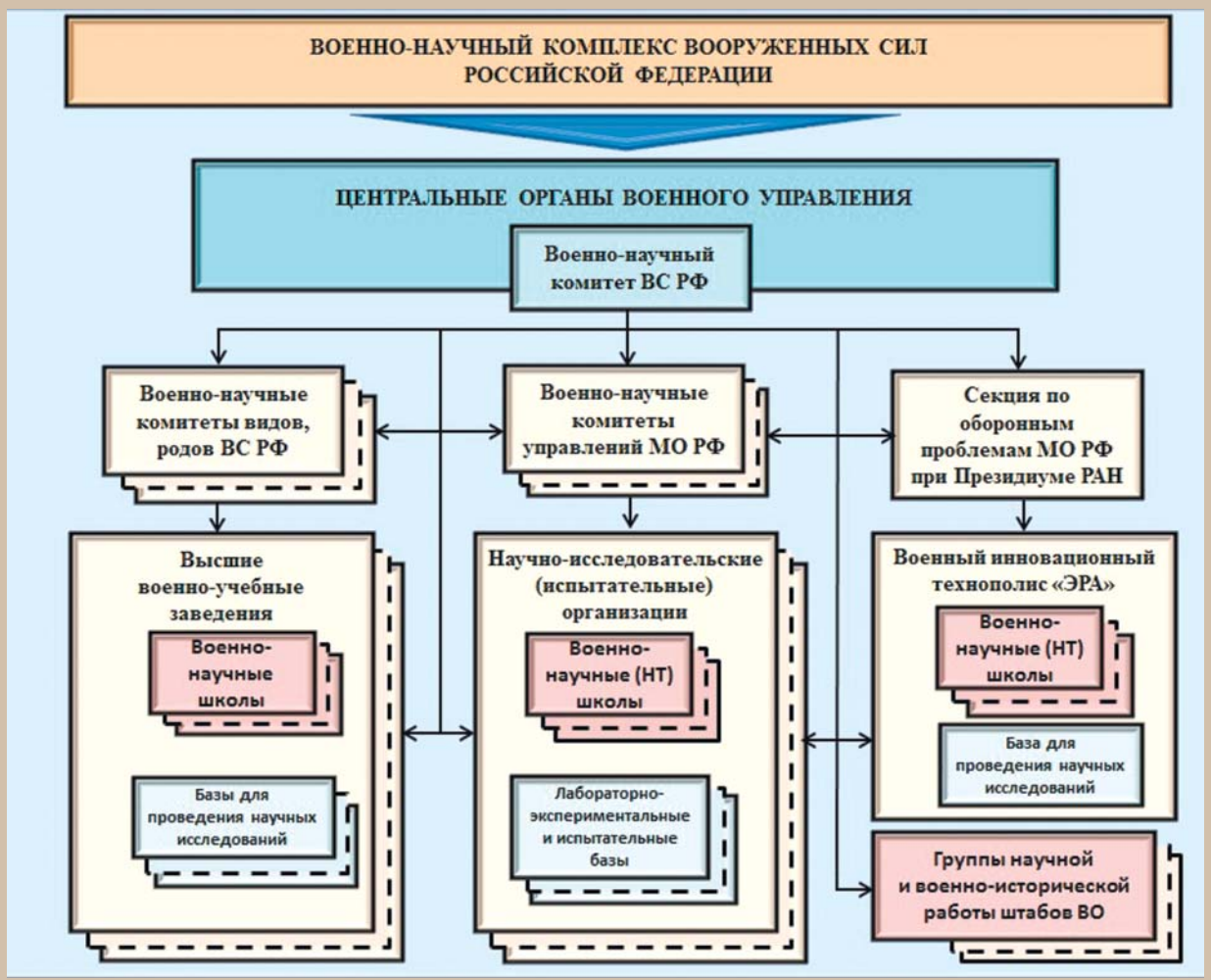
Впервые понятие «военно-научная школа» получило официальное признание в «Методических рекомендациях по организации деятельности военно-научных школ в Министерстве обороны Российской Федерации» в 2016 году

Впервые понятие «военно-научная школа» получило официальное признание в «Методических рекомендациях по организации деятельности военно-научных школ в Министерстве обороны Российской Федерации» в 2016 году. В рекомендациях отмечено, что военно-научные школы представляют собой сложившиеся коллективы учёных и специалистов, объединённых проведением актуальных научных исследований в области обороны и совместной деятельностью по подготовке научно-педагогических и научных кадров на основе единой методологии под руководством авторитетных учёных, а также имеющие признанные и реализованные на практике научные результаты[8].

Военно-научные школы органично входят в состав военно-научного комплекса Вооружённых сил (схема 1). Они, как правило, формируются на базе кафедр и научных подразделений ведущих высших военно-научных заведений, имеют базы для проведения научных исследований. Также создаются

Схема 1

Современная структура военно-научного комплекса Вооружённых сил Российской Федерации

военно-научные (научно-технические) школы в ряде военных научно-исследовательских, испытательных организаций (технополисов). Центральные органы военного управления, военно-научные (научно-технические) комитеты Вооружённых сил РФ обеспечивают научно-методическое руководство деятельностью военно-научных (научно-технических) школ вузов и научно-исследовательских организаций.

Опыт проведения СВО на Украине показал необходимость изменений в теории военного искусства. При этом особое внимание требуется уделить научному обоснованию новых форм и способов ведения операций (боевых действий) войсками (силами) в современных вооружённых конфликтах, поиску путей повышения их мобильности, разработке оптимальных организационно-штатных структур. Большое внимание должно уделяться повышению эффективности управления, всестороннему обеспечению современным вооружением, военной и специальной техникой, а также средствами связи и автоматизации управления[9].

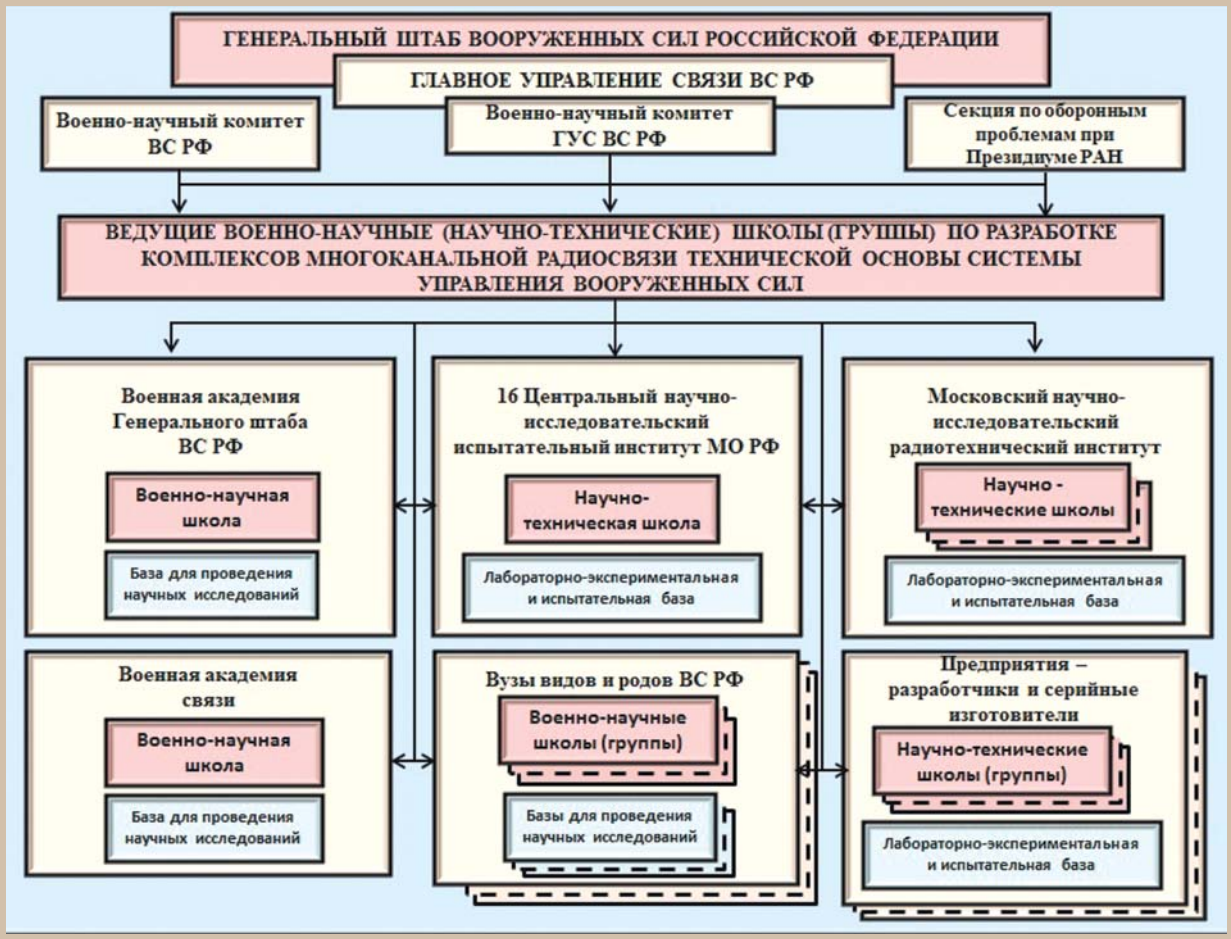
Основные усилия в развитии системы управления следует сосредоточить на гарантированном сокращении цикла управления и повышении эффективности управления межвидовыми, разноведомственными и коалиционными группировками войск (сил)[10].

Анализ литературы показал, что в настоящее время деятельность военно-научных школ в области исследования актуальных проблем управления и связи как в целом, так и в области многоканальной радиосвязи — радиорелейной связи прямой видимости и тропосферного отражения как важнейшей составной части технической основы управления войсками (силами) недостаточно полно изучена. Аналогичное утверждение можно отнести и к деятельности военно-научных (научно-технических) школ научно-исследовательских и испытательных организаций Министерства обороны и оборонно-промышленного комплекса России[11].

Рассмотрим современные ведущие военно-научные школы по обоснованию и разработке перспективных комплексов и технологий многоканальной связи технической основы системы управления войсками (схема 2). Среди них: военно-научные школы Военной ака-

Схема 2

Ведущие военно-научные и научно-технические школы по разработке комплексов многоканальной радиосвязи

демии Генерального штаба ВС РФ, Военной академии связи имени Маршала Советского Союза С.М. Будённого, ведущих вузов видов и родов Вооружённых сил. Также представлены научно-технические школы головной организации в области разработки военных средств и комплексов связи общего применения — 16-го Центрального научно-исследовательского испытательного ордена Красной Звезды института имени маршала войск связи А.И. Белова. Кроме того, выделены научно-технические школы Московского научно-исследовательского радиотехнического института, других научных организаций, а также научно-технические группы предприятий по серийному выпуску средств связи оборонно-промышленного комплекса страны.

Деятельность этих военно-научных и научно-технических школ (групп) ведётся под непрерывным и всесторонним руководством центральных органов военного управления. Среди них особую роль играют Главное управление связи ВС РФ, его военно-научный комитет. Здесь особо отметим заслуги начальника Главного управления связи Красной армии маршала войск связи И.Т. Пересыпкина в развёртывании первых научных исследований и практических работ по применению новых родов многоканальной радиосвязи в войсках (силах) (схема 3).

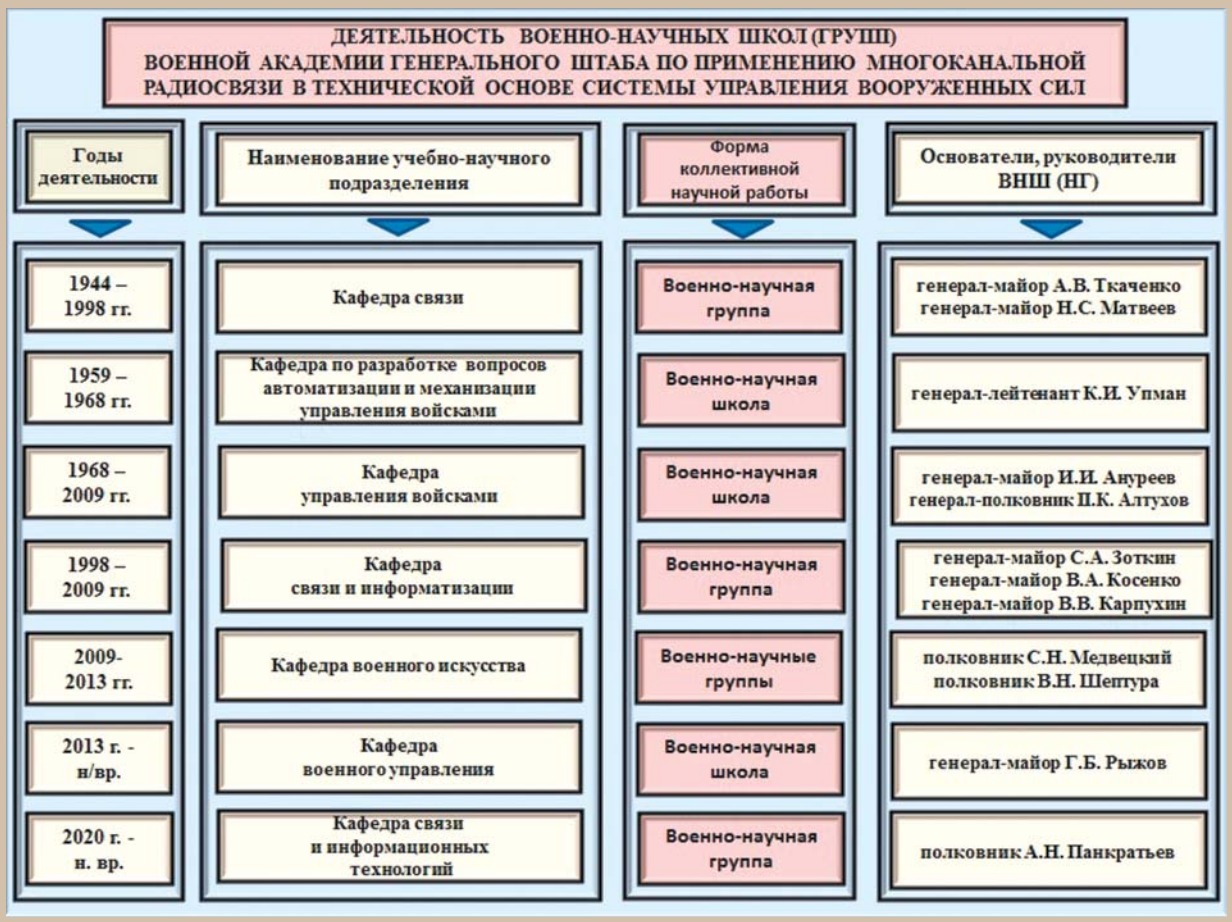
Далее рассмотрим основные этапы и результаты деятельности военно-научных (научно-технических) школ (групп) в части становления и развития новых родов военной связи — радиорелейной и тропосферной.

Военно-научные школы и группы Военной академии Генерального штаба ВС РФ

Первым шагом на пути создания в академии военно-научных групп, а затем и военно-научных школ, целенаправленно занимающихся вопросами организации связи и устойчивого управления войсками (силами), стало формирование в 1944 году кафедры связи. В разные годы её начальниками были выдающиеся организаторы, учёные в области теории и практической организации связи генерал-майоры А.В. Ткаченко, Н.С. Матвеев, С.А. Зоткин, генерал-лейтенанты М.К. Доленко, Н.С. Соннов, Г.Г. Савин, В.Н. Ефремов.

Схема 3

Ведущие военно-научные школы (группы) по разработке комплексов многоканальной радиосвязи Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил РФ

В ходе научных исследований на кафедре связи активно использовался огромный опыт Великой Отечественной войны. В том числе внимательно изучался опыт применения разработанных перед началом и в ходе Второй мировой войны средств радиорелейной связи в вооружённых силах Германии, США, Франции, Италии и других стран Европы.

Особо отметим роль руководства и преподавателей кафедры связи, которые приняли активное участие в проработке вопросов применения новых высокочастотных участков диапазона радиоволн в военных системах связи. Одним из основных итогов работ этой военно-научной группы стали практические рекомендации руководству войск связи по развёртыванию научных исследований и проведению опытно-конструкторских работ по разработке средств и комплексов радиорелейной связи прямой видимости в первые послевоенные годы[12].

Дальнейшее развитие средств вооружённой борьбы, новых форм и способов ведения операций (боевых действий), начало развёртывания работ по автоматизации управления войсками (силами) потребовали создания в 1959 году в академии кафедры по разработке вопросов автоматизации и механизации управления войсками. Первым её начальником стал генерал-лейтенант К.И. Упман, организовавший большой коллектив исследователей проблем автоматизации управления, фактически прообраз военно-научной школы. С этого времени началось тесное сотрудничество преподавательского состава двух кафедр академии в части оценки возможностей радиорелейной и тропосферной связи по передаче возрастающих объёмов информации между пунктами управления различного звена.

Начиная с середины 60-х годов прошлого столетия получают дальнейшее масштабное развитие как ядерное, так и обычные виды оружия. В этих условиях значительно возрастает роль военного управления как одного из основных факторов обеспечения обороноспособности страны. В целях расширения объёма научных исследований и изменения их направленности в 1968 году на базе кафедры по разработке вопросов автоматизации и механизации управления войсками создаётся кафедра управления войсками. Её начальником назначается генерал-майор И.И. Ануреев. Позже эту должность занимает генерал-полковник П.К. Алтухов.

А.В. Ткаченко

В тот период кафедрами связи и военного управления были исследованы и подготовлены предложения руководству войск связи по дальнейшему развитию многоканальных средств и систем радиосвязи.

Масштабное развитие средств автоматизации и информационных технологий, их тесная взаимосвязь с телекоммуникационными технологиями обусловили создание в 1998 году в академии на базе кафедры связи новой кафедры — связи и информатизации. Её первым начальником стал генерал-майор С.А. Зоткин, позже — генерал-майоры В.А. Косенко, В.В. Карпухин.

В тот период на кафедре внимательно изучались опыт боевых действий на Северном Кавказе и в других «горячих точках» постсоветского пространства, вопросы организации устойчивого управления и связи группировок войск (сил) с учётом сложного рельефа местности. В результате были подготовлены предложения для органов военного управления по дальнейшему развитию средств автоматизации систем связи различного назначения, обоснованию тактико-технических характеристик перспективных средств радиорелейной и тропосферной связи, а также других родов связи. В ходе исследования сотрудники кафедры связи и информатизации активно взаимодействовали с фактически уже существовавшей военно-научной школой кафедры военного управления. Такой подход позволил спрогнозировать актуальные направления дальнейших изысканий в области автоматизации управления сложными системами, а также повысить эффективность работ по теоретическому обоснованию предлагавшихся высшему военному руководству страны решений.

Одним из ярких представителей военно-научной школы Академии связи является маршал войск связи А.И. Белов

Начиная с 2009 года организационно-штатная структура Военной академии Генераль-

ного штаба ВС РФ подверглась изменениям. Так, были расформированы кафедры управления войсками и связи и информатизации. В состав образованной кафедры военного искусства были включены две учебно-методические группы: военного управления и связи и информатизации. Ограниченный состав указанных групп не позволил в дальнейшем в полном объёме проводить прорывные научные исследования, добиваться существенных результатов в сферах автоматизации управления и связи.

Практический опыт деятельности выпускников академии в органах военного управления, округах, на флотах показал, что для подготовки высококвалифицированных военных руководителей требуется системное изучение не только вопросов управления группировками войск (сил), но и военного управления в целом, где объектом исследования является уже вся военная организация государства.

Дальнейший ход событий доказал правильность этого вывода и способствовал формированию на базе двух указанных выше учебно-методических групп в 2013 году новой кафедры военного управления. Её начальником стал генерал-лейтенант А.Н. Беспалов.

Одновременно с формированием кафедры военного управления в том же году на её базе с учётом научных достижений кафедры управления войсками была создана военно-научная школа «Развитие теории и практики военного управления», основателем и руководителем которой является доктор военных наук, профессор генерал-майор Г.Б. Рыжов. С момента своего основания эта военно-научная школа в соответствии с действующими критериями занимает лидирующие позиции в академии, является по уровню развития школой высшего уровня, а по

А.И. Белов

динамике развития — прогрессирующей. В её состав наряду с учёными кафедры военного управления входят ведущие учёные, адъюнкты и докторанты институтов, кафедр и центров академии, а также других ведущих военно-учебных заведений МО РФ, силовых структур и организаций оборонно-промышленного комплекса.

Представители данной военно-научной школы эффективно взаимодействуют с видными учёными и специалистами Академии военных наук, Российской академии ракетных и артиллерийских наук, Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, а также рядом других ведущих вузов и научно-исследовательских организаций силовых структур и гражданского сектора страны.

За годы своего существования военно-научной школой кафедры военного управления были подготовлены фундаментальные военно-теоретические труды, концептуальные и программные документы, комплексные научно-исследовательские монографии в сфере управления и связи, имеющие важную теоретическую и практическую значимость, способствующие укреплению обороноспособности государства. Кроме того, подготовлены и успешно защищены 11 диссертационных работ, среди которых 2 докторские диссертации, посвящённые решению важнейших проблем развития и совершенствования технической основы системы управления Вооружёнными силами Российской Федерации.

Важное место в научных исследованиях данной школы занимают вопросы повышения устойчивости систем управления и связи группировок войск (сил) в условиях создания и появления на поле боя новых видов вооружения, робототехники и ведения массированного радиоэлектронного противодействия, применения технологий искусственного интеллекта.

Отметим большой вклад за этот период учёных военно-научной школы в развитие многоканальных систем радиосвязи. Так, вопросы совершенствования и развития радиорелейной и тропосферной связи нашли своё отражение в военно-теоретических и диссертационных исследованиях, подготовке практических рекомендаций руководству.

В целях совершенствования технической основы системы управления войсками (силами), обоснования направлений дальнейшего развития теории автоматизации управления и связи, а также качественной подготовки военных специалистов в академии в 2020 году была создана новая кафедра — связи и информационных технологий. В настоящее время её представители являются членами военно-научной школы кафедры военного управления, принимают активное участие в научных исследованиях

в сфере применения информационных и телекоммуникационных технологий.

Очевидно, что по мере дальнейшего развития, в ходе подготовки диссертационных работ, формирования научного коллектива, нацеленного на решение актуальных проблем управления и связи, на базе кафедры связи и информационных технологий может начаться создание новой военно-научной школы в сфере информационных телекоммуникационных технологий. Формирование такой военно-научной школы позволит добиться значимых результатов в области исследования прорывных технологий связи и информатизации, их практического применения в системах военного управления.

В.Н. Сосунов

Военно-научные школы Военной академии связи имени Маршала Советского Союза С.М. Будённого

В послевоенный период научно-педагогические работники академии приняли активное участие в обосновании роли новых родов многоканальной радиосвязи, а также в военно-научном сопровождении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, испытаниях опытных образцов.

Одним из ярких представителей военно-научной школы Академии связи является маршал войск связи А.И. Белов. Проходя службу в академии на должностях старшего преподавателя, начальника кафедры тактики связи и начальника факультета, он с учётом личного фронтового опыта принимал активное участие в вопросах теоретического обоснования и применения на практике в войсках средств и технологий многоканальной радиосвязи[13].

В наши дни в Военной академии связи представителями целого ряда военно-научных школ успешно проводятся важнейшие актуальные научные исследования в рамках исследовательских программ, своевременная подготовка научно-педагогических и научных кадров. Особое внимание при этом уделяется изучению боевого опыта применения комплексов и технологий многоканальной радиосвязи в современных вооружённых конфликтах, подготовке практических рекомендаций руководству и войскам связи.

Очевидна необходимость дальнейшего всестороннего изучения и использования опыта и достижений военно-научных школ Военной академии связи.

Военно-научные школы 16 ЦНИИИ МО РФ

Важную роль в ходе становления новых родов беспроводной связи сыграли научные сотрудники 16-го Центрального научно-исследовательского испытательного института МО РФ. Он был образован в 1923 году, имеет выдающиеся заслуги в области разработки средств и комплексов связи различного назначения.

Уже в мае 1946 года в институте был сформирован радиорелейный отдел. Вскоре по результатам успешно проведённых работ по обоснованию радиорелейной связи прямой видимости в системе связи Вооружённых сил начались опытно-конструкторские работы по разработке отечественных радиорелейных радиостанций. Одним из первых организаторов комплекса работ в этой области стал главный инженер института полковник В.Н. Сосунов.

В результате своевременной разработки опытных образцов радиорелейной станции, успешного проведения государственных испытаний она была принята на вооружение в 1950 году под шифром «Р-400». В дальнейшем эта станция неоднократно модернизировалась, нашла широкое применение в оперативном звене управления войсками (силами).

В ходе проводимых работ по радиорелейной связи в институте фактически была сформирована научно-техническая школа, руководителем которой стал полковник В.Н. Сосунов, а его ближайшими учениками — полковники В.Е. Клингер, Г.В. Длугач, Г.А. Малолепший и ряд других сотрудников[14].

Позже, начиная с середины 1950-х годов, в институте начались активные работы по обоснованию и разработке средств связи тропосферного отражения. Также фактически была сформирована научно-техническая школа, основателем которой стал Ф.Ф. Железнов. В её состав вошли В.С. Куланин, Г.А. Малолепший, Г.В. Дедюкин, А.П. Репин, И.Р. Сиваков и другие учёные института[15].

В наши дни сотрудники института продолжают вести, в т.ч. в рамках научно-технических школ (групп), теоретические исследования, активную деятельность по разработке и испытаниям перспективных средств многоканальной радиосвязи с учётом последних достижений науки и техники, боевого опыта применения средств связи.

Военно-научные школы МНИРТИ

Важнейшая роль в проведении научных исследований, опытно-конструкторских работ и серийном производстве средств и комплексов многоканальной радиосвязи принадлежит научно-исследовательским организациям и предприятиям оборонно-промышленного комплекса. Особое место здесь занимает деятельность Московского научно-исследовательского радиотехнического института (МНИРТИ). С середины 1940-х годов он стоял у истоков разработки средств и технологий многоканальной радиосвязи, на протяжении ряда лет координировал работу предприятий оборонного комплекса — разработчиков данных средств и технологий.

На научно-промышленной базе института совместно с представителями военных научно-исследовательских организаций связи были разработаны первые опытные образцы радиорелейной радиостанции Р-400. Главным конструктором первой отечественной радиорелейной станции военного назначения стал представитель МНИРТИ Ф.П. Липсман.

В последующем сотрудники МНИРТИ приняли активное участие в разработке многих средств многоканальной радиосвязи. В институте были образованы научно-технические школы. Среди руководителей — лидеров этих школ необходимо выделить Ф.П. Липсмана, М.М. Головнера, В.С. Куланина, М.И. Борисенко, Г.В. Безяева, С.А. Мусаэляна, И.Р. Сивакова и ряд других известных учёных и конструкторов.

В сложное постсоветское время генеральному директору МНИРТИ Т.М. Борисенко благодаря её высоким организаторским и деловым способностям удалось сохранить имевшиеся в институте научно-технические школы, сделать всё возможное для их развития и совершенствования. В целом созданная руководством МНИРТИ творческая атмосфера, забота о научно-технических школах, учёных и инженерах позволили добиться успешной разработки комплексов многоканальной радиосвязи, спрогнозировать и сформировать направления дальнейших исследований и работ.

В сложное постсоветское время генеральному директору МНИРТИ Т.М. Борисенко благодаря её высоким организаторским и деловым способностям удалось сохранить имевшиеся в институте научно-технические школы, сделать всё возможное для их развития и совершенствования

Отметим, что в ходе разработки средств многоканальной радиосвязи шло тесное сотрудничество между научно-исследовательскими организациями МО РФ, оборонно-промышленного комплекса, а также гражданского сектора. Поэтому представляется необходимым изучать деятельность научно-технических школ МНИРТИ и ряда других ведущих предприятий оборонно-промышленного комплекса, занимающихся разработкой и серийным производством средств многоканальной радиосвязи.

В целом работа военно-научных (научно-технических) школ (групп) ведущих высших военно-учебных заведений и научно-исследовательских организаций обеспечила получение важнейших теоретических и практических результатов, необходимых для подготовки военным руководством решений по обоснованию и применению в системах управления отечественными Вооружёнными силами средств и технологий новых родов многоканальной радиосвязи.

Выделим наиболее важные исторические уроки по итогам деятельности научных формирований в области многоканальной радиосвязи, имеющие теоретическое и практическое значение в наши дни.

Первый урок. Ведущие военно-научные (научно-технические) школы в области связи, включая многоканальную радиосвязь, должны иметь в своём составе руководителей — признанных лидеров, известных своими высокими личными достижениями как учёных, способных определить на обозримый период перспективные направления деятельности школ, сформировать наиболее важные, прорывные идеи в сферах управления, предоставления современных услуг связи и обеспечивших формирование оптимальных исследовательских программ[16].

Второй урок. Необходимо проведение постоянного мониторинга, всестороннего изучения и исследования научными школами (формированиями) передовых образцов зарубежной (трофейной) техники (аппаратуры) связи, а также информационных и телекоммуникационных технологий и элементной базы военного (двойного) назначения, применяемых при организации серийного производства[17].

Третий урок. В целях успешной и своевременной разработки перспективных средств и технологий многоканальной радиосвязи научными школа-

ми (формированиями) должен всесторонне учитываться накопленный отечественный и зарубежный боевой опыт применения этих средств.

Четвёртый урок. Представители военно-научных (научно-технических) школ должны принимать активное участие в военно-научном сопровождении разрабатываемых образцов многоканальной радиосвязи, начиная от участия в разработке тактико-технических заданий до сопровождения опытных и серийных образцов в войсках (силах). Это позволяет формировать обоснованные предложения в государственную программу вооружения в части проведения фундаментальных и прикладных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также серийного производства новых типов техники беспроводной многоинтервальной связи.

Пятый урок. В интересах своевременного обсуждения и поиска решений наиболее важных проблем, связанных с развитием средств и технологий многоканальной радиосвязи, ведущими школами должны проводиться на постоянной основе научные (научно-практические) конференции и научно-технические форумы, а также заседания межвидовых координационных научно-технических советов. Это позволяет оперативно формировать предложения в области научно-технической политики по решению актуальных вопросов военной теории и практики в сфере связи для органов военного управления и предприятий оборонно-промышленного комплекса.

Шестой урок. Необходимо дальнейшее широкое использование военно-научными (научно-техническими) школами технологий системного подхода, обеспечившего с высокой эффективностью получение требуемых научных результатов. Для этого в ходе проведения комплекса научных

Ф.П. Липсман

исследований по развитию систем связи различного назначения, применению новых родов беспроводной широкополосной связи следует активно практиковать всестороннее взаимодействие с другими военно-научными школами Министерства обороны, ведущими предприятиями оборонно-промышленного комплекса, Академией военных наук, Российской академией наук, передовыми высшими учебными и научными организациями гражданского сектора[18].

Седьмой урок. Научное обоснование выбора ключевых направлений программ исследований оказало решающее влияние на эффективность работы школ по созданию новых образцов и технологий новых родов многоканальной радиосвязи. Такой подход позволяет своевременно и рационально использовать достижения науки и техники в предлагаемых разработках. Среди них выделим новые виды полупроводниковых материалов и нанотехнологии, большие специализированные интегральные микросхемы, высокопроизводительные средства электронной вычислительной техники, методы моделирования сложных систем специального назначения и ряд других[19].

Восьмой урок. Очевидна необходимость непрерывной разработки и совершенствования представителями школ новых способов (технологий) организации управления и связи группировок войск (сил) в мирное время и военный (угрожаемый) период в условиях активного применения противником средств радиоэлектронной борьбы, высокоточного оружия большой дальности, беспилотных роботизированных комплексов различного базирования и назначения на основе тактико-технических характеристик и возможностей перспективных и разработанных образцов многоканальной радиосвязи.

Девятый урок. Необходимы преемственность и своевременная подготовка высокого научного потенциала школ. С этой целью на постоянной основе должны планироваться и проводиться актуальные диссертационные исследования.

Десятый урок. Требуется широкая апробация подготовленных предложений по разработке перспективных средств и систем многоканальной радиосвязи, а также новых способов организации связи в ходе проведения мероприятий оперативной и боевой подготовки войск (сил). Это позволяет своевременно планировать и оперативно корректировать направления исследовательских программ военно-научных (научно-технических) школ[20].

Таким образом, в целом деятельность военно-научных (научно-технических) школ (формирований, групп) во всех областях, в том числе — управления и связи, являясь одной из форм коллективной научной деятельности, обеспечивает высокий синергетический эффект, позволяет поднять на новый уровень научные результаты[21].

С учётом возрастающих требований к системам управ-

ления группировками войск (сил) и оружием и в целях обеспечения высокоскоростного помехозащищённого информационного обмена между пунктами управления в сложной электромагнитной обстановке очевидна необходимость продолжения деятельности рассмотренных научных формирований по развитию и совершенствованию многоканальных широкополосных средств, комплексов и технологий радиосвязи.

Примечания

[1] *Зарудницкий В.Б.* Тенденции изменения системы обеспечения военной безопасности государства в условиях новой геополитической карты мира // Военная мысль. 2024. № 2. С. 6—14; *Кикнадзе В.Г.* Специальная военная операция: невыученные уроки истории и роль России в новой картине мира // Международная жизнь. 2024. № 3. С. 42—49; *Сенявская Е.С.* Иностранные наёмники в зоне СВО: самопозиционирование и трактовка образа в западных и российских СМИ // Наука. Общество. Оборона. 2023. № 4. С. 37.

[2] *Балуевский Ю.Н.* Ощутимый дрон: что спецоперация дала военной науке и чего стоят разговоры об усталости Запада от Украины // Аргументы и факты. 2024. № 8. С. 5.

[3] *Трушин В.В.* Наука учит побеждать // Красная звезда. 2024. № 14. С. 3.

[4] *Жураковский А.П.* О роли военно-научных школ Министерства обороны Российской Федерации в развитии военного искусства // Военная мысль. 2023. № 12. С. 99.

[5] *Бескровный Л.Г.* Хрестоматия по русской военной истории. М.: Воениздат, 1947. С. 130, 131.

[6] История и философия военной науки: учебное и научно-методическое пособие / Под общ. ред. Б.И. Каверина, С.А. Тюшкевича. М.: Воениздат, 2007. С. 294, 295.

[7] *Малинин Р.С., Акентьев С.П.* Роль научных школ в развитии системы военного образования // Вестник Академии военных наук. 2010. № 1. С. 124.

[8] Методические рекомендации по организации деятельности военно-научных школ в Министерстве обороны Российской Федерации. М.: Воениздат, 2016. С. 1—3.

[9] *Иванов В.Г., Баширов С.Ю., Лукьянчик В.Н.* Обоснование понятия «тактика войск связи», её структуры, содержания и направления развития с учётом опыта специальной военной операции // Военная мысль. 2024. № 2. С. 32.

[10] *Иванов В.Г., Лукьянчик В.Н.* Об эволюции теории и практики построения существующих систем связи военного назначения на основе создания мультиконвергентной системы связи группировки войск (сил) на театре военных действий // Военная мысль. 2021. № 1. С. 67.

[11] *Мизеров В.В., Миронов А.Г., Шестак К.В.* Создание и развитие отечественных средств многоканальной радиосвязи специального назначения: научно-исторический труд. Орёл: Академия ФСО России, 2015. С. 218—230, 322—330.

[12] Исторический обзор подготовки офицеров-связистов в ВАГШ ВС РФ: военно-теоретический труд (к 70-летию со дня образования кафедры связи Академии Генерального штаба) / Под общ. ред. С.А. Макарова. М.: ВАГШ, 2014. С. 38—60.

[13] *Белов А.И.* Воспоминания маршала войск связи. М.: Издания Максимова, 2000. С. 55, 56.

[14] Базовые средства, комплексы и системы военной связи: энциклопедический справочник. Т. 1 / Под ред. Г.И. Азарова. Мытищи: 16 ЦНИИИ МО РФ, 2005. С. 85—98, 114—120.

[15] *Сиваков И.Р.* Из истории создания, развития и применения тропосферной связи // Институт военной связи 1923—2018: научно-исторический труд / Под общ. ред. В.М. Жужомы. Мытищи: 16 ЦНИИИ МО РФ, 2018. С. 118, 119.

[16] *Зарудницкий В.Б.* Военная наука: новые горизонты познания // Военная мысль. 2022. № 7. С. 6—15.

[17] *Антропов Д.А.* Радиорелейная связь в системах управления отечественных группировок войск (сил): становление и развитие // Военно-исторический журнал. 2023. № 1. С. 5, 6.

[18] *Тюшкевич С.А.* Отечественная военная наука: страницы истории, проблемы, тенденции. М.: Критерий, 2013. С. 183.

[19] *Даниленко И.С.* От прикладной военной науки к системной науке о войне // Материалы научно-методического семинара «Объект, предмет и структура военной науки». М.: ВАГШ, 2007. С. 4—36.

[20] Военно-энциклопедический словарь / Под общ. ред. Маршала Советского Союза Н.В. Огаркова. М.: Воениздат, 1984. С. 136.

[21] *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. С. 37 — 52.

D.A. Antropov

«TO CAPTURE, DESCRIBE AND UNDERSTAND THE PRACTICE OF MODERN ARMED STRUGGLE IN REAL TIME»

Activities of leading Russian military science schools in the development of multi-channel radio communication complexes of troop control systems

Information about author. *Dmitriy Antropov — senior researcher at the Research Center of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Cand. Sc. (Tech.), associate professor, doctoral candidate in history (Moscow. E-mail: vnkantropov@mail.ru).*

Summary. *The paper demonstrates the relevance of studying the activities of military-scientific (scientific and technical) schools of leading higher military educational and research organizations on the study and application of line-of-sight and tropospheric reflection radio relay communication in modern conditions in the control systems of troops (forces) and weapons of new generation of communication. The purpose of the publication is the historical reconstruction of creation and development of these scientific schools. The author considers the priority areas of activity of a number of scientific schools of the Military General Staff Academy, Military Communications Academy, leading research institutes in the field of communications of the Ministry of Defense, as well as organizations of the defense industrial complex of the Russian Federation (USSR). The paper formulates the main historical lessons of the development of scientific schools in the field of substantiation of application and development of new multichannel radio communication systems in the technical sphere of control. The conclusion is drawn on the growing role and importance of the activity of military-scientific (scientific and technical) schools in modern conditions of rapid development of means, systems and technologies of armed struggle, transformation of forms and methods of conducting operations (combat actions).*

Keywords: *Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation; Military Academy of Communications; military scientific (scientific and technical) school; scientific group; communication and control automation systems; means and complexes of direct and tropospheric reflection radio relay communication; multichannel radio communication systems; A.V. Tkachenko; V.N. Sosunov; A.I. Belov; F.F. Zheleznov; F.P. Lipsman.*

ПОДГОТОВКА И ВОИНСКИЙ БЫТ НИЖНИХ ЧИНОВ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Вышли в свет две монографии новосибирского историка В.И. Баяндина, посвящённые вопросам подготовки нижних чинов Российской армии, их обучения и прохождения ими воинской службы*.

В первой монографии рассмотрены вопросы сибирской военной истории, которые долгое время не привлекали к себе внимания исследователей и поэтому оказались малоизученными. В ней нет сведений о героических личностях Российской армии, знаменитых сражениях. Основное внимание сосредоточено на менее ярких страницах военной истории Отечества: подготовке молодёжи к военной службе, проведении призывов сибиряков в рекруты и новобранцы, организации доставки к местам воинской службы, сроках военной службы в Российской армии. Рассмотрены существовавшие в России во второй половине XIX — начале XX века способы уклонения молодых людей от военной службы и противодействия властей этому явлению. Показано, как относились центральные военные структуры и сибирские администраторы к проблеме привлечения на военную службу коренного населения Сибири и Дальнего Востока.

Во второй монографии анализируются проблемы размещения нижних чинов на территории региона, названы и сравнены условия казарменного, постойного, палаточного размещений. Рассмотрен вопрос о сроках службы нижних чинов в рамках изучаемого периода. Описано вооружение нижних чинов, показана эволюция российского стрелкового вооружения. Дан краткий обзор существовавших воинских присяг и рассмотрены особенности их принятия лицами разных конфессий. Определена роль людских ресурсов региона в комплектовании маньчжурских армий в период Русско-японской войны 1904—1905 гг. Показано участие военнослужащих в революционных событиях 1905—1907 гг., а также использование воинских частей как полицейской силы для подавления народных волнений в регионе.

Хронологические рамки исследований охватывают более полувека: со второй половины XIX века и до начала Первой мировой войны.

Книги предназначены тем, кто интересуется дореволюционным периодом военной истории Сибири и Дальнего Востока.

* *Баяндин В.И.* От Крымской войны до Первой мировой (нижние чины российской армии на востоке империи). Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного педагогического университета, 2021. 245 с.; *он же.* От Крымской войны до Первой мировой (нижние чины российской армии в азиатской части империи). Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного педагогического университета, 2024. 314 с.

Обложки книг

НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

Вышел в свет альманах*, посвящённый тридцатилетнему юбилею одного из самых молодых из тринадцати войсковых казачьих обществ России — Центральному казачьему войску. Особенностью проекта является то, что в альманахе публикуются не только «классическая» история создания войска, но и версии появления в средней полосе Древнерусского государства уникального по своей сути этноса — казачества. В богато иллюстрированном издании представлены развёрнутые материалы об окружных и отдельских казачьих обществах Центрального казачьего войска, освещены вопросы их становления и решения ими задач, диктуемых сегодняшним днём, — государственной службы, участия в Специальной военной операции, военно-патриотического воспитания молодежи, её обучения, приобщения к православным ценностям и т. д.

Центральное казачье войско сегодня — это сплочённая организация, объединяющая тысячи казаков. Деятельность войска охватывает множество сфер жизни общества — от социальной помощи до участия в важнейших государственных мероприятиях. Организация является живым воплощением преемственности поколений, связующим звеном между славным прошлым, настоящим и будущим нашей страны.

Альманах адресован широкому кругу читателей, интересующихся историей российского казачества.

* *Балаклеев С.А.* 30 лет беззаветного служения Отечеству. М.: Этника, 2024. 144 с.

Обложка книги

В.Ю. Кудейкин

ИМЕНА И ЗНАМЁНА ПРОСЛАВЛЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛКОВ: ВОПРОСЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Сведения об авторе. *Кудейкин Владимир Юриевич — член Совета ветеранов Военно-геральдической службы Вооружённых сил Российской Федерации, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: kudeykin1960@yandex.ru).*

Аннотация. *В статье на основе исторических исследований, анализа правовых актов и опыта служебной деятельности представлено авторское видение вопросов преемственности наименований и символики прославивших Россию воинских формирований прошлых эпох. Формулируются предложения по нормативному закреплению возможности использования копий исторических знамён для геральдического обозначения присвоения соответствующих почётных наименований, а также в целях сохранения славных боевых традиций и увековечения памяти отличившихся на полях сражений полков.*

Ключевые слова: *военная геральдика; почётные наименования воинских частей; история воинских формирований; Русская Императорская армия; Красная армия; вооружённые силы; российская гвардия; историческая преемственность; боевые знамёна (штандарты); официальный символ; геральдический знак; 81-й пехотный Апшеронский полк; Преображенский полк; Семёновский полк; 5-й гусарский Александрийский полк; Измайловский полк.*

В июле 2024 года совершенно незаметно для СМИ, гражданской и военно-исторической общественности прошёл 300-летний юбилей со дня образования 9 июля (ст. ст.) 1724 года одной из самых прославленных частей Русской Императорской армии — 81-го пехотного Апшеронского полка, квартировавшего последние годы своего существования в г. Владикавказе. Вместе с тем ещё в 2018 году министр обороны Российской Федерации согласился с инициативой Военно-геральдической службы ВС РФ об увековечении памяти этого полка посредством присвоения его наименования заслуженной воинской части из состава 58-й гвардейской общевойсковой ордена Суворова армии с вручением ей копии исторического полкового знамени. Указом Президента РФ от 30 сентября 2024 года № 833[1] почётное наименование «Апшеронская» было присвоено 136-й отдельной гвардейской мотострелковой Уманьско-Берлинской Краснознамённой орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого бригаде. Однако ещё задолго до подготовки проекта указа появились вопросы, касающиеся обоснованности установления исторической преемственности современной воинской части прославленному полку Русской Императорской армии и возможности использования для геральдического обозначения такой преемственности старой полковой символики. Подобного рода сомнения остаются у ряда историков и после подписания В.В. Путиным 10 октября 2024 года Указа № 869[2] о присвоении 2-му специальному моторизованному полку войск Национальной гвардии Российской Федерации почётного наименования «Измайловский».

Сложности в трактовке вопросов преемственности наименований и символики расформированных прославленных воинских частей, соединений и объединений возникали и раньше, но они находили разрешение. В Русской Императорской армии подход к данной проблеме был тесно связан с уникальной отечественной традицией организации вооружённых сил — установлением «старшинства»[3]. Порядок

установления старшинства закреплялся в Статье 158 Свода военных постановлений 1869 года: «При самом сформировании каждой отдельной воинской части… главное управление генерального штаба представляет особый всеподданейший доклад, в котором, показав старшинство каждой части, вошедшей в состав вновь сформированной части, испрашивает, какое именно старшинство угодно будет Его Величеству присвоить новой части. Высочайше утвержденное старшинство частей войск объявляется, тотчас по сформировании их, в приказе по военному ведомству»[4].

В 1884 году в связи с наличием больших пробелов в военно-исторических исследованиях, не всегда позволявших точно определить старшинство, из правил по его определению для полков, «сформированных из частей особого исторического значения», были сделаны исключения, упрощавшие установление преемственности. Так, например, высочайшим повелением было утверждено «Расписание 164 пехотных полков, с показанием старшинства и знаков отличия, которые должны быть им присвоены»[5], в котором устанавливалось: «Для сохранения наименований 2-х старейших полков в России (именно Выборгского и Луцкого) старшинство их, в виде исключения из общего правила, присвоить 85 пехотному Выборгскому полку [сформированному в 1863 г.], в котором и сохраняются и знаки отличия, им прежде пожалованные». Тогда же были начертаны на скобах знамени вензель Петра I и надпись: «1700 г., Ивана Кулома Выборгский и фон-Вердена Луцкие полки»[6]. В другом случае «для сохранения старшинства [ликвидированного в 1833 г.] Пермского полка, одного из первых, учрежденных Петром Великим, считать сформирование [131-го пехотного Тираспольского полка, образованного в 1863 г.] с 1700 года»[7].

Позднее образованному в 1896 году 51-му драгунскому Черниговскому полку было присвоено в виде исключения старшинство бывшего соимённого ему (расформированного в 1833 г.) Черниговского Конно-Егерского полка с 1668 года с передачей всех знаков отличия. В 1912 году лейб-гвардии Конному полку, отмечавшему своё рождение с 1721 года, было присвоено старшинство с 16 июня 1706 года, т.е. со времени учреждения лейб-шквадрона князя Меншикова. Тогда же «в изъятие закона» 18-му гусарскому Нежинскому полку (образованному в 1896 г.) было присвоено старшинство со времени учреждения Нежинского конного полка 28 июня 1783 года[8].

В отличие от Российской империи в Советском Союзе нормативно закреплялась недопустимость директивного установления преемственности от расформированных ранее воинских частей. В пункте 23 Приложения 2 Устава внутрен-

Рисунок Георгиевского знамени 81-го пехотного Апшеронского полка (образец 1883 г.)

Апшеронец (в центре) времён Семилетней войны

Лицевая сторона полотнища Георгиевского знамени 81-го пехотного Апшеронского полка
Фото предоставлено И.В. Домниным

Боевое знамя 1-го Отдельного стрелкового Семёновского полка
Фото О.В. Грозного

ней службы Вооружённых сил СССР устанавливалось: передача «...Боевого Знамени, орденов и почётных наименований производится только при наличии прямой преемственности между частями, а именно при переформировании одной или нескольких частей в новую часть (части)»[9].

Вместе с тем в тогда ещё многочисленных эмигрантских кругах бывших военных Русской Императорской армии и их потомков не угасала надежда на возрождение имён прославленных российских полков. Вот так, например, завершал свои воспоминания бывший офицер лейб-гвардии Семёновского полка Ю. Макаров: «Быть может, при монархии или при республике имя одного из древнейших и славнейших русских полков из нашей армии не исчезнет. Но если бы и исчезло? От врагов наше Отечество защищали войска самых разнообразных формаций, и на протяжении тысячи лет все эти воины были воодушевлены одними и теми же чувствами: храбростью, жертвенностью и любовью к Родине. Если имя Семёновского полка и исчезнет из армии, то из истории Русской оно не исчезнет»[10].

Сразу после распада СССР и в 90-е годы прошлого столетия проблема преемственности государственной и воинской символики активно использовалась в политическом противостоянии сторонников и противников советского прошлого, в т.ч. на самом высоком государственном уровне. Преемственность Вооружённых сил Российской Федерации[11] прежней Русской Императорской армии была геральдически обозначена указом Президента России Б.Н. Ельцина в 1997 году учреждением эмблемы Вооружённых сил РФ[12], почти полностью повторявшей изображение двуглавого орла, которое использовалось в качестве Государственного герба при Александре I[13].

Однако крайне политизированный вопрос легитимного установления федеральными конституционными законами государственных флага и герба, которые должны были стать основополагающими символами для учреждения, в частности, боевых знамён нового вида, не был решён до конца 2000 года[14]. Более полугода понадобилось вновь избранному Президенту России В.В. Путину, чтобы убедить[15] общество и Государственную Думу законодательно установить в декабре 2000 года государственные символы, отражающие обе предшествующие созданию Российской Федерации эпохи — российскую императорскую и советскую[16]. В 2003 году аналогичное символическое содержание получило и Знамя Вооружённых сил РФ, имевшее первоначально (с декабря 2000 г.) вид красного полотнища без какой-либо символики[17].

Особую роль для определения и обозначения преемственности конкретных воинских формирований сыграли история установления Дня российской гвардии и последующие за этим решения, принятые Президентом Российской Федерации и руководством Минобороны РФ. Вопрос установления даты образования гвардии, имеющей многовековую богатую знаковыми событиями историю, являлся на тот момент большей частью не историческим, а политическим. В 2000 году по указанию руководства Генерального штаба ВС РФ Военно-мемориальным центром ВС РФ (ВМЦ ВС) были рассмотрены три различные точки зрения на дату памятного дня: 2 сентября (22 августа ст. ст.) — дата, связанная с днём наименования Петром I в 1700 году полков Преображенского и Семёновского «гвардейскими» (инициатива ВМЦ ВС); 18 сентября — дата издания приказа наркома обороны СССР № 308 от 18 сентября 1941 года о переименовании в гвардейские четырёх стрелковых дивизий (предложение депутатов Смоленской областной Думы, поддержанное законодательными собраниями ряда субъектов Российский Федерации); 13 декабря (30 ноября ст. ст.) — день памяти Православной церкви св. Андрея Первозванного, считавшегося покровителем Императорской гвардии (предложение Геральдического совета при Президенте Российской Федерации).

Наиболее обоснованной с исторической точки зрения, а также с учётом логично предполагаемой, но не сформулированной российской государственно-патриотической идеологии, была признана дата 2 сентября (22 августа ст. ст.), знаменующая собой рождение российской гвардии в 1700 году, что после сложного этапа согласования было закреплено Указом Президента Российской Федерации от 22 декабря 2000 года № 2032 «Об установлении Дня российской гвардии». В ходе подготовки данного документа в журнале «Родина» была опубликована статья «Как воссоздать Петровскую гвардейскую бригаду»[18], в которой обоснованно предлагались несколько вариантов возрождения в составе Российской армии гвардейских Преображенского и Семёновского полков.

В 2001—2003 гг. в рамках реализации Плана мероприятий

Церемония вручения Боевого знамени 1-му Отдельному стрелковому Семёновскому полку
Фото О. Вахаевой, 2014 г.

Копия Георгиевского штандарта 5-го гусарского Александрийского полка

Вручение копии Георгиевского штандарта 5-го гусарского Александрийского полка 5-й отдельной гвардейской мотострелковой миротворческой Александрийской бригаде

по выполнению президентского Указа № 2032 Генеральный штаб ВС РФ организовал проведение КНИР «Историческая преемственность воинских частей Вооружённых Сил Российской Федерации полкам русской армии». В результате выполненного исследования был сделан вывод: «В настоящее время юридической и фактической обоснованной преемственности воинских частей Вооружённых Сил Российской Федерации гвардейским полкам Русской дореволюционной армии (в том числе Преображенскому и Семёновскому гвардейским полкам) не существует. Однако возможно назначение по формальным признакам наиболее достойных воинских формирований российских Вооружённых Сил наследниками частей досоветского исторического периода, в том числе гвардейских Семёновского и Преображенского полков».

В нормативных правовых актах Российской Федерации, определяющих порядок присвоения почётных наименований воинских частей, вручения и передачи боевых знамён, наград[19], прямого запрета на преемственность от ранее расформированных (ликвидированных) воинских формирований установлено не было. Более того, ещё в 1998 году приказом министра обороны РФ было определено, что для сохранения боевых традиций воинской части Боевое знамя может передаваться другой воинской части не обязательно при наличии прямой преемственности между ними. При этом «вопрос о передаче Боевого Знамени решается Генеральным штабом Вооружённых Сил Российской Федерации»[20].

До момента издания данного приказа в 1990-е годы в Вооружённых силах России имелась практика передачи наименований, знамён и наград ранее расформированных воинских частей Советской армии вновь сформированным. Так, исто-

рический формуляр и Боевое знамя выведенного из Западной группы войск и расформированного 204-го гвардейского мотострелкового полка передали новому, созданному в 1996 году в СКВО (Буйнакск) 204-му полку, который в 1997 году был переформирован с соответствующим почётным наименованием и наградами в 136-ю отдельную гвардейскую мотострелковую Уманьско-Берлинскую Краснознамённую орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого бригаду[21].

Вместе с тем часть 1 статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации[22] устанавливает, что «ликвидация юридического лица влечёт его прекращение без перехода в порядке универсального правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам». И хотя универсальное правопреемство определяет переход правопреемнику всего объёма прав и обязанностей, в отличие от сингулярного (частного) правопреемства, предполагающего переход от одного субъекта к другому отдельных прав, юридическая неопределённость возможности присвоения наименований ранее расформированных воинских частей, передачи прав и обязанностей в отношении символов и наград порождала различные, зачастую противоположные толкования действующих правовых норм.

Так, например, Указом Президента РФ от 19 ноября 2002 года № 1337 «в целях воспитания военнослужащих в духе преданности Отечеству, верности воинскому долгу и сохранения боевых традиций расформированной 2 гвардейской танковой Краснознамённой армии» её Боевое знамя и государственная награда были переданы во 2-ю общевойсковую армию. Указом Президента РФ от 26 марта 2005 года № 348 почётные наименования, Боевое знамя и государственная награда расформированного 54-го гвардейского истребительного авиационного Керченского Краснознамённого полка переданы 3958-й авиационной базе. Однако в январе 2008 года подготовленный Минобороны России проект указа Президента РФ о передаче почётных наименований, Боевого знамени и государственной награды расформированной 22-й ордена Красной Звезды автомобильной Одесской бригады в 22-ю автомобильную бригаду (сокращённого состава) поддержан не был, «так как передача символов, наград и отличий от ранее расформированных (ликвидированных) воинских формирований нормативными актами не предусматривалась».

С учётом вышеизложенных фактов 26 ноября 2008 года членом Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации М.М. Сорокиным в Государственную Думу был внесён проект Федерального закона № 131377-5 «О передаче почётных наименований, боевых знамён и государственных наград расформированных объединений, соединений,

154-й отдельный комендантский Преображенский полк

Заседание круглого стола «100 лет Великой российской революции: осмысление во имя консолидации»
Фото И. Джабира, 2015 г.

Тренировка знамённой группы к Параду Победы
Фото К. Семёнова

Прощание со Знаменем уволенных в запас военнослужащих 154-го отдельного комендантского Преображенского полка
Фото А. Кожохина

воинских частей (кораблей) и организаций Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов другим объединениям, соединениям, воинским частям (кораблям) и организациям Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов». После получения отрицательных заключения и отзыва на законопроект Государственной Думы от Комитета по обороне и Правительства Российской Федерации он был «снят с рассмотрения в связи с отзывом субъектом права законодательной инициативы». Отрицательная позиция Комитета по обороне была аргументирована достаточностью для решения поставленных вопросов юридической силы подзаконных правовых актов — указов Президента России. При этом Правительство Российской Федерации выразило мнение, что «передача Боевого знамени, а также почётных наименований... без соблюдения принципа преемственности не в полной мере соответствует воинским традициям». Таким образом, с юридической точки зрения вопрос преемственности наименований и символов от ранее расформированных воинских частей принципиально разрешён так и не был.

С мёртвой точки дело сдвинулось в конце 2012 года, когда 12 декабря в Послании Федеральному собранию Российской Федерации Президент РФ В.В. Путин отметил: «Для возрождения национального сознания нам нужно связать воедино исторические эпохи и вернуться к пониманию той простой истины, что Россия началась не с 1917 и даже не с 1991 года, что у нас единая, неразрывная, тысячелетняя история, опираясь на которую, мы обретаем внутреннюю силу и смысл национального развития... Полагаю, что в Российской армии нужно возродить имена наиболее прославлен-

ных полков, воинских частей, соединений прошлых эпох, и советской, и более поздних эпох, таких подразделений, как Преображенский, Семёновский полки. Министр обороны должен представить соответствующие предложения».

Во исполнение данного поручения в Минобороны РФ был проведён соответствующий комплекс мер, в т.ч. по созданию необходимых правовых оснований передачи почётных наименований. Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2013 года № 284 Положение о почётных наименованиях объединений, соединений, воинских частей (кораблей) и организаций Вооружённых сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов[23] было дополнено статьёй 4.1, в которой предусматривалась возможность присвоения почётных наименований соединений и воинских частей, прославивших Россию в военных сражениях прошлых эпох, вновь сформированным соединениям и воинским частям Вооружённых сил Российской Федерации. На этом правовом основании в апреле 2013 года состоялись указы Президента Российской Федерации о присвоении «в целях возрождения славных воинских исторических традиций» почётных наименований 154-му отдельному комендантскому полку — Преображенский[24] и 1-му отдельному стрелковому полку — Семёновский[25]. Однако в нормативные правовые акты, определяющие порядок передачи знамён и наград, аналогичных изменений внесено не было.

20 мая 2015 года в ходе круглого стола «100 лет Великой российской революции: осмысление во имя консолидации» В.Р. Мединским, бывшим тогда министром культуры РФ, был озвучен оценённый прессой как часть государственной позиции тезис о необходимости «признания преемственности исторического развития от Рос-

Торжественная церемония выноса знамён и штандартов Русской Императорской армии в Георгиевском зале Эрмитажа в честь Дня Героев Отечества и Дня св. Георгия Победоносца
2023 г.

Представление боевых исторических знамён императорских кадетских корпусов и полков Русской Императорской армии в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына
Фото В. Лаврухина, 2018 г.

Вручение министру обороны Болгарии копий Георгиевских знамён 2-го Сапёрного батальона и 2-го батальона 35-го пехотного Брянского генерал-адъютанта князя Горчакова полка
3 марта 2018 г.

Георгиевское знамя лейб-гвардии Преображенского полка (образец 1883 г.)

сийской империи через СССР к современной России»[26]. В июне 2015 года при подведении итогов рассмотрения на заседании Коллегии Министерства обороны Российской Федерации одного из вопросов геральдического обеспечения Вооружённых сил министром обороны была, в частности, отмечена необходимость разработки порядка «передачи боевых знамён и наград расформированных частей другим воинским формированиям с целью сохранения преемственности». Во исполнение данных указаний в сентябре 2015 года Генеральный штаб ВС РФ представил доклад с предложением передавать современным воинским частям от ранее расформированных воинских частей прошлых эпох в качестве исторических (памятных) знамён их копии, зарегистрированные в установленном порядке в геральдическом регистре Вооружённых сил. Данный подход был, в частности, обусловлен тем, что большинство оригинальных символов были либо утрачены, либо являлись музейными экспонатами (во многих случаях состояние знамён не позволяло их использовать в ином качестве). Министр обороны поддержал данную инициативу, наложив резолюцию: «Согласен. Важно. Проработайте все необходимые документы, включая порядок и ритуал вручения (возвращения) знамён, реликвий и наград».

В июне 2018 года был воссоздан целый ряд ранее расформированных прославленных соединений и воинских частей Красной армии, в т.ч. 150-я стрелковая Идрицко-Берлинская ордена Кутузова дивизия[27]. В октябре 2018 года к увековеченным в наименованиях лейб-гвардии Преображенскому и лейб-гвардии Семёновскому был добавлен 5-й гусарский Александрийский полк, имя которого было присвоено 15-й отдельной мотострелковой бригаде[28].

Основываясь на принятом министром обороны РФ в ноябре 2018 года решении о целях и порядке вручения копий исторических боевых знамён (подтверждённом Коллегией Минобороны РФ в марте 2019 г.), в ноябре 2019 года прошла получившая широкое освещение в СМИ церемония вручения командующим войсками ЦВО генерал-полковником Александром Лапиным копии штандарта 5-го гусарского Александрийского полка Русской Императорской армии 15-й отдельной мотострелковой Александрийской бригаде[29]. Изготовление копии штандарта, как, собственно, и сама идея по увековечению памяти прославленного полка, были результатом частной инициативы неравнодушных к отечественной истории гражданских лиц. Наряду с данным единичным подходом увековечения памяти воинских формирований большое развитие получила практика изготовления, вручения и использования в целях военно-патриотического воспитания копий боевых знамён прошлых эпох, прежде всего советского периода[30].

Однако официальное, часто торжественное, вручение (передача) копии исторического знамени для его хранения и использования не придаёт ему статуса официального символа (геральдического знака). Для приобретения такого статуса необходимы определённые юридические основания: учреждение нормативным правовым актом и/или регистрация в регистре (перечне, списке, базе данных), также нормативно установленном. Прецедентом присвоения юридического статуса копии имеющегося официального символа является статья 2 Федерального закона

Георгиевское знамя лейб-гвардии Семёновского полка (образец 1883 г.).

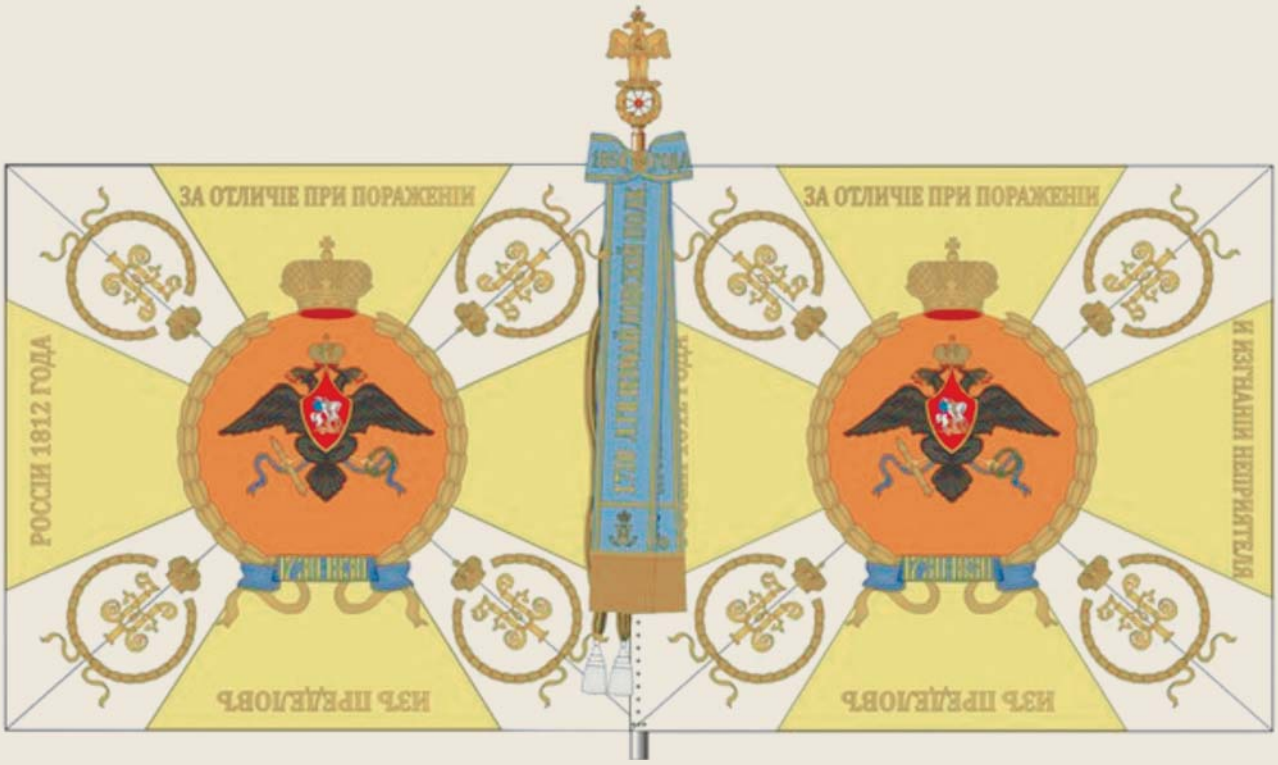
Российской Федерации от 7 мая 2007 года № 68-ФЗ «О Знамени Победы», в соответствии с которой наряду со Знаменем Победы официальное символическое содержание получила и его копия, которая теперь легитимно используется как гражданским населением, так и воинскими формированиями. Однако в отличие от копии Знамени Победы до настоящего времени не имеется правовых оснований для официального использования копий исторических знамён, в т.ч. воинскими частями Вооружённых сил, несмотря на принятые в 2018 и 2019 гг. решения руководства Минобороны России.

Вместе с тем с выходом Указа Президента Российской Федерации от 26 июля 2021 года № 439[31], согласно которому министру обороны впервые были предоставлены полномочия определять порядок учреждения и использования в Вооружённых силах знамён, отличных от учреждаемых Президентом Российской Федерации, появились все юридические основания закрепить правовым актом Минобороны России возможность официального установления и вручения воинскому формированию Вооружённых сил, которому присвоено почётное наименование в честь прославленного формирования прошлых эпох, воинского символа (геральдического знака) — почётного знамени в виде копии соответствующего исторического знамени.

До настоящего времени такая возможность не реализована. Основной причиной этого, несмотря на выше представленные исторический опыт, принятые ещё в 2012 году Президентом Российской Федерации принципиальные решения о возрождении в Российской армии имён «наиболее прославленных полков», наличие целого ряда юридических прецедентов, являлась отрицательная позиция по данному вопросу Геральдического совета при Президенте Российской Федерации, доведённая до Минобороны России в феврале 2019 года. В основе аргументации приводилось следующее суждение: «Присваивая название такого полка, мы, таким образом, незаслуженно присваиваем современной воинской части заслуги старого полка, к достижению которых она не имеет отношения, вынуждаем современную часть необоснованно претендовать на награды старого полка, которые современная часть не заслужила». На этих основаниях Геральдический совет считал «предложение о выдаче копий знамён старых полков современным воинским частям нерациональным и не поддерживает его».

Вот почему вопрос правового оформления возможности символического обозначения такого рода коллективной награды посредством официального вручения копии знамени остаётся открытым и требует своего решения. Тем более что в 2020 году в результате всенародного голосования тысячелетняя история Российской Федерации и многовековая преемственность в развитии Российского государства были закреплены в статье 67.1 части 2 Конституции Российской Федерации.

Последовательно проводимая почти четверть века Президентом РФ объединяющая идея многовековой преемственности в развитии Российского государства в очередной раз нашла своё воплощение в Указе от 8 мая 2024 года № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». Согласно документу одним из направлений

Георгиевское знамя (батальонное) лейб-гвардии Измайловского полка (образец 1850 г.)

государственной политики в области исторического просвещения является патриотическое воспитание, «сохранение памяти о защитниках Отечества и недопущение умаления значения подвига народа при защите Отечества», одним из её принципов — «преемственность всех этапов российской истории», а одной из задач — «популяризация военной истории России».

Учитывая, что до 80 проц. информации об окружающем мире даёт нам зрение, особое значение в решении задач воспитания и просвещения имеют средства визуализации, в т.ч. широкое использование вещного и изобразительного видов современных и исторических официальных символов и геральдических знаков. В этой связи, принимая во внимание, что почётные наименования соединений и воинских частей, прославивших Россию в военных сражениях прошлых эпох, присваиваются воинским формированиям не только Вооружённых сил, но и войск Национальной гвардии, представляется целесообразным установить возможность использования копий исторических символов (знамён, штандартов, наград) для символического обозначения присвоения такого рода почётных наименований распоряжением Президента Российской Федерации, проект которого могло бы подготовить и представить Российское военно-историческое общество. Это позволит легитимизировать использование таких копий не только в воинских формированиях, но и в гражданском обществе в рамках патриотического воспитания и историко-просветительской деятельности. А первым актом реализации подобного решения могли бы стать изготовление и торжественное вручение копии Георгиевского знамени 81-го пехотного Апшеронского полка образца 1883 года, которое было пожаловано ему 25 июня 1900 года. Это знамя некоторое время хранилось в США, а в 2018 году последними выпускниками императорских кадетских корпусов было передано Открытому содружеству суворовцев, нахимовцев и кадет России и в настоящее время находится в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына[32].

Примечания

[1] Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2024 г. № 833 «О присвоении 136 отдельной гвардейской мотострелковой Уманьско-Берлинской Краснознамённой, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого бригаде почётного наименования».

[2] Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2024 г. № 869 «О присвоении 2 специальному моторизованному полку войск национальной гвардии Российской Федерации почётного наименования».

[3] «Старшинство (anciennete) означает более или менее продолжительное время службы. Старшинство воинских частей зависит то от времени их основания, то от преимущества одного рода перед другим, то, наконец, от нумеров...» // Военный энциклопедический лексикон,

издаваемый Обществом военных литераторов и посвященный его императорскому высочеству наследнику цесаревичу великому князю Александру Николаевичу. 2-е изд. Т. XIII. СПб.: тип. Штаба воен. учеб. заведений, 1857. С. 382.

[4] Свод военных постановлений 1869 года. Кн. VIII. 3-е изд. Петроград: Гос. тип., 1915. С. 40.

[5] Расписание 164 пехотных полков, с показанием старшинства и знаков отличия, которые должны быть им присвоены. СПб.: Военная типография, 1984.

[6] Там же. С. 548—550.

[7] Там же. С. 588.

[8] См. Российская императорская армия: страницы полковых историй: хрестоматия / В.Ю. Кудейкин. Санкт-Петербург: Политех-пресс, 2023. С. 505.

[9] Общевоинские уставы Вооружённых Сил СССР. М.: Воениздат, 1979. С. 137.

[10] *Макаров Ю.* Моя Служба в Старой Гвардии, 1905—1917: мирное время и война. Буэнос Айрес, 1951. С. 381.

[11] О создании Вооружённых сил Российской Федерации было объявлено в 1992 г. Указом Президента РФ Б.Н. Ельцина № 466.

[12] Указ Президента Российской Федерации от 27 января 1997 г. № 46 «Об учреждении военного геральдического знака — эмблемы Вооружённых Сил Российской Федерации».

[13] *Дунин А.В., Кудейкин В.Ю.* Геральдическое обеспечение Вооружённых сил Российской Федерации // Военно-исторический журнал. 2018. № 3. С. 4—10.

[14] *Кубышкин И.В., Кудейкин В.Ю.* «На основе единства нашей тысячелетней истории...». Геральдическое обеспечение Вооружённых сил РФ // Там же. 2021. № 1. С. 22—27.

[15] Заявление Президента России В.В. Путина по проблеме государственной символики (4 декабря 2000 г.) // Сетевое издание «Геральдика.ру». URL: https://geraldika.ru/article/1606.

[16] 25 декабря 2000 г. конституционными законами были установлены Флаг, Герб и Гимн, а Федеральным законом от 29 декабря 2000 г. № 162-ФЗ — Знамя Вооружённых сил с красным полотнищем без какой-либо символики.

[17] Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 91-ФЗ.

[18] *Кудейкин В.* Имя на знамени: как воссоздать Петровскую гвардейскую бригаду // Родина. 2000. № 11. С. 136.

[19] Указ Президента Российской Федерации от 12 июля 2000 г. № 1292 «Об утверждении Положения о почётных наименованиях объединений, соединений, воинских частей (кораблей) и организаций Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов» (в редакции до 2013 г.); Указ Президента Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1422 «О Боевом знамени воинской части»; Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооружённых Сил Российской Федерации».

[20] Пункты 21, 22 Временной инструкции о порядке вручения, хранения, содержания, изготовления, ремонта, замены и сдачи, а также передачи Боевого знамени при реорганизации (ликвидации) воинской части (утверждено приказом Министра обороны РФ от 22 апреля 1998 г. № 185, в настоящее время утратила силу).

[21] *Феськов В.И., Голиков В.И., Калашников К.А., Слугин С.А.* Вооружённые силы СССР после Второй мировой войны: от Красной Армии к Советской. Ч. 1: Сухопутные войска / Под науч. ред. В.И. Голикова. Томск: Изд-во НТЛ, 2013. С. 561.

[22] Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

[23] Указ Президента РФ от 12 июля 2000 г. № 1292 «Об утверждении Положения о почётных наименованиях объединений, соединений, воинских частей (кораблей) и организаций Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов» в редакции от 8 августа 2024 г.

[24] Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2013 г. № 326.

[25] Указ Президента Российской Федерации от 12 апреля 2013 г. № 351.

[26] *Мухаматулин Т.* Мединский начал подготовку к революции // Газета.ру. 2015. 20 мая. URL: https://www.gazeta.ru/science/2015/05/20_a_6695345.shtml.

[27] Указы Президента Российской Федерации от 30 июня 2018 г. № 381-391.

[28] Указ Президента Российской Федерации от 24 октября 2018 года № 594.

[29] См.: *Александр Бондаренко.* Александрийцам вручён штандарт // Красная звезда. 2019. 6 ноября.

[30] В 2018 г. министру обороны Болгарии вручены копии Георгиевских знамён 2-го Сапёрного батальона и 2-го батальона 35-го пехотного Брянского генерал-адъютанта князя Горчакова полка. В 2019—2020 гг. в Минобороны России поступали официальные обращения об изготовлении копий исторических знамён ВС СССР: от губернатора Курской области — 283-й стрелковой Гомельской Краснознамённой ордена Суворова дивизии; от руководства Туркменистана — 748-го стрелкового полка; от руководства Узбекистана — без конкретных наименований воинских частей запрошены типовые копии полотнищ с надписью «Смерть немецким захватчикам!»; от начальника Тверского суворовского военного училища — об изготовлении точной копии Красного Знамени Калининского суворовского военного училища образца 1943 г. и т.п.

[31] Указ Президента Российской Федерации от 26 июля 2021 г. № 439 «О внесении изменений в Положение о Министерстве обороны Российской Федерации, утверждённое Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082».

[32] См.: Представление боевых исторических знамён Императорских кадетских корпусов России и полков Русской Императорской армии // Сайт «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына». URL: http://www.bfrz.ru/?mod=news&id=3230.

V.Yu. Kudeykin

NAMES AND BANNERS OF GLORIOUS RUSSIAN REGIMENTS: QUESTIONS OF CONTINUITY

Information about author. *Vladimir Kudeykin — member of the Council of Veterans of the Military Heraldic Service of the Armed Forces of the Russian Federation, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: kudeykin1960@yandex.ru).*

Summary. *The paper, which is based on historical research, an analysis of legal acts, and the author's experience of service activities, presents the author's vision of the issues of continuity of names and symbols of military formations from past eras that brought glory to Russia. Proposals are currently being formulated with the intention of formalizing the possibility of utilizing copies of historical banners for the purposes of heraldic designation, the assignment of corresponding honorary titles, and the preservation of glorious military traditions, as well as the perpetuation of the memory of regiments that distinguished themselves on the battlefield.*

Keywords: *military heraldry; honorary names of military units; history of military formations; Russian Imperial Army; Red Army; armed forces; Russian Guard; historical continuity; battle flags (standards); official symbol; heraldic sign; 81st Apsheron Infantry Regiment; Preobrazhensky Regiment; Semyonovsky Regiment; 5th Alexander Hussar Regiment; Izmailovsky Regiment.*

Н.М. Васильев

«ЭТО ОСНОВА НАШЕЙ ВОЕННОЙ ПОБЕДЫ»

Создание Вооружённых сил Республики Абхазия в 1992—1993 гг.

Сведения об авторе. *Васильев Николай Михайлович — ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник в отставке, кандидат исторических наук, доцент (Москва. E-mail: vasiliew.nikolaj@yandex.ru).*

Аннотация. *В статье приведены результаты исследования военного строительства в Республике Абхазия в 1992—1993 гг. в ходе её вооружённой борьбы за независимость и государственность. Создание своих вооружённых сил республика начала в сложнейших условиях с первых дней вооружённого противоборства с армией Грузии и в короткий срок сумела создать органы военного управления, боеспособные воинские формирования и организовать их деятельность. По мнению автора статьи, результаты военного строительства — создание и успешные действия Вооружённых сил Республики Абхазия — обеспечили условия для упрочения государственности и независимого развития республики.*

Ключевые слова: *Республика Абхазия; Грузия; вооружённое противоборство; Вооружённые силы РА; Государственный комитет обороны Республики Абхазия; штаб ГКО РА; Министерство обороны РА; Генеральный штаб ВС РА.*

Защиту Республики Абхазия (РА) от войск Госсовета Грузии в литературе и СМИ называют по-разному: Грузино-абхазский вооружённый конфликт, Грузино-абхазская война, Абхазская трагедия, война в Абхазии. А в республике именуют Отечественной войной народа Абхазии. По-разному определяют и её хронологические рамки. От ввода грузинской армии 14 августа 1992 года до изгнания войск Грузии из Абхазии 30 сентября 1993 года или до подписания 14 мая 1994 года в Москве соглашения о прекращении огня и разъединении сил[1].

Различные грани тех событий отразили в своих работах В.М. Пачулия[2], А.Ф. Авидзба[3], О.Х. Бгажба и С.З. Лакоба[4], В.А. Захаров[5], В.Ф. Прянхин[6], В.В. Дегоев[7], М.А. Жироховов[8], К.И. Казенин[9], Г.П. Лежава[10], Д.Б. Малышева[11], З.В. Папаскири[12], А.А. Жуков[13], М.И. Зухба[14], В.В. Мельситов и Э.Н. Тужба[15], О.Н. Дамениа[16], Б.Р. Джапуа[17] и др. В этих трудах освещены политические и военно-политические аспекты, ход боевых действий, а созданию абхазской армии уделено меньше внимания.

Корни причин вооружённого противоборства 1992—1993 гг. уходят глубоко в историю[18]. Тбилисская верхушка (президент Грузии — Э. Шеварнадзе), стремясь не допустить выхода Абхазии из состава Грузии[19], утром 14 августа 1992 года, когда Верховный совет Абхазии планировал предложить Грузии проект договора с ней, ввела на абхазскую землю войска[20] численностью, по разным источникам, от 2000 до 5000 человек с бронетехникой (около 60 танков, БМП, БТР), артиллерией, в т.ч. реактивными установками залпового огня, и авиационным прикрытием (4 боевых вертолёта Ми-24). Наряду с военнослужащими Грузия использовала выпущенных из тюрем уголовников. Действия руководства Грузии вызвали ожесточённое сопротивление абхазов и других этнических общин Абхазии[21] (кроме грузин).

Первыми оказали сопротивление вооружённым формированиям Госсовета Грузии бойцы и командиры единственной абхазской воинской части, созданной на базе расформированного в конце 1991 года батальона внутренних войск, — отдельного полка внутренних войск. Он состоял из двух батальонов (1-й и штаб полка в селе Ачадар, 2-й в посёлке Агудзера), разведроты и резервных рот — Пицундской, Новоафонской, Бедийской, Ткварчельской, а также Эшерской, входившей во 2-й батальон. При батальонах находились небольшие группы резервистов[22].

14 августа Президиум Верховного совета Республики Абхазия принял постановление о мобилизации взрослого населения от 18 до 40 лет включительно и передаче оружия в абхазский полк, предписал его командиру сформировать на базе полка

5 батальонов по 500 человек[23]. Это постановление положило начало созданию Вооружённых сил Абхазии, чему способствовали меры, реализованные по постановлению Совмина РА от 27 февраля 1992 года, создание Военно-мобилизационного управления РА, которое возглавил полковник (с 1993 г. генерал-майор ВС РА, затем генерал-лейтенант ВС РА) С.П. Дбар[24].

Наряду с населением республики в борьбе с грузинскими войсками активно участвовали добровольцы из разных районов Кавказа и других регионов. Первыми на второй день войны прорвались через грузинский кордон и прибыли в город Гудаута россияне — кабардинские добровольцы во главе с полковником запаса С.А. Сосналиевым (с 21 мая 1993 г. — генерал-майор, с 30 декабря того же года — генерал-лейтенант). Он внёс значительный вклад в создание армии Абхазии[25].

16 августа на аэродром Гудауты высадился 345-й гвардейский парашютно-десантный полк ВДВ России под командованием гвардии подполковника Е.Д. Дёмина. Он обеспечил эвакуацию граждан РФ, охранял и оборонял российские объекты в республике. С созданием в 1994 году Коллективных сил СНГ по поддержанию мира в Абхазии полк вошёл в их состав[26].

18 августа Президиум Верховного совета Республики Абхазия принял постановление «О создании Государственного Комитета обороны Республики Абхазия» (ГКО РА). Его возглавил председатель Верховного совета В.Г. Ардзинба. Первыми заместителями председателя ГКО стали командующий Вооружёнными силами Абхазии полковник В.Ш. Какалия и С.В. Багапш, заместителями председателя ГКО — Д.Ч. Пилия и К.К. Озган[27].

Тем же постановлением было предписано «для непосредственного руководства ведением боевых действий» создать штаб ГКО во главе с полковником С.А. Сосналиевым. Этот предшественник Генштаба ВС РА был создан 24 августа приказом командующего Вооружёнными силами РА № 1. Были назначены заместители начштаба по материально-техническому обеспечению, комплектованию подразделений, вооружению, технической части, работе с личным составом, начальники связи, разведки, отдела кадров и комендант штаба[28]. Были сформированы соответствующие службы.

Приказы штаба ГКО о ведении боевых действий и их материально-техническом обеспечении подлежали немедленному вы-

Схема

Территории Абхазии, находившиеся под контролем абхазских и грузинских войск к ноябрю 1992 г.

Составлена по: Джапуа Б.Р. Фронт восходящего солнца (Мрагыларатэи афронт): краткое описание боевых действий на Восточном фронте в ходе Отечественной войны 1992—1993 годов. Сухум: Арашь, 2008. С. 47.

полнению всеми должностными лицами Абхазии[29].

18 августа грузинские войска заняли Сухуми (с 4 декабря 1992 г. Сухум), спустя сутки — Гагру. 30 августа началась блокада абхазского города Ткуарчал (до 1992 г. Ткварчели). Правительство Абхазии во главе с председателем Верховного совета В.Г. Ардзинбой перебазировалось в Гудаутский район[30]. Там же находились созданные позже Минобороны и Генштаб ВС РА.

15 сентября 1992 года в штабе ГКО приказом командующего Вооружёнными силами РА № 14 были созданы оперативный и строевой отделы. Предписано «особое внимание обратить на постоянный сбор, обобщение данных об обстановке и выработке необходимых предложений для принятия решения, а также организацию устойчивого управления войсками и круглосуточного оперативного дежурства в штабе ГКО»[31].

По приказу командующего ВС РА от 19 сентября 1992 года № 19 были созданы учебное инженерно-сапёрное подразделение и учебный центр для подготовки его специалистов. Начальником учебного центра был назначен капитан Ю.И. Радионов[32].

Днём рождения абхазской армии считается 11 октября 1992 года, когда Президиум Верховного совета РА принял три постановления — о создании Минобороны республики, её Вооружённых сил и Генштаба ВС РА. И.о. министра обороны РА был назначен полковник (с 1998 г. генерал-лейтенант ВС РА) В.Г. Аршба. Ему было предписано в двухнедельный срок представить на утверждение в Президиум Верховного совета РА положение, структуру, штаты Минобороны республики и «незамедлительно приступить к формированию Вооружённых сил Республики Абхазия на регулярной основе». Военно-мобилизационному управлению «завершить к 18 октября 1992 года формирование личного состава Вооружённых сил Республики Абхазия из числа граждан, призванных на основе объявленной мобилизации». Назначенному начальником Генштаба ВС РА — первым заместителем министра обороны полковнику С.А. Сосналиеву было поручено совместно с Минобороны определить структуру и штаты Генштаба ВС РА. Они были разработаны, сформированы управления, отделы и службы Минобороны и Генштаба РА.

В.Г. Ардзинба

28 октября приказами министра обороны РА № 54—59 были назначены: заместителем министра обороны по вооружению и технике полковник П.Х. Ардзинба, начальником тыла — заместителем министра обороны полковник В.Х. Айба, главным военным прокурором полковник В.Э. Хагба, начальниками — войск связи полковник Г.Б. Горных, инженерно-сапёрных войск полковник З.Т. Авидзба, медицинской службы полковник Л.Н. Ачба. Им было приказано до 5 ноября 1992 года организовать соответствующую структуру управления[33]. По приказу министра обороны РА № 88 от 20 ноября 1992 года в Генштабе ВС РА образовали отделы — организационно-мобилизационный, кадров и строевой[34].

Военное строительство в Абхазии активно продолжалось в сложнейших условиях, после того как грузинские войска взяли под контроль значительную часть её территории (схема).

8 января 1993 года Президиум Верховного совета РА принял два постановления. № 30-п: «Назначить Ардзинба Владислава Григорьевича — Председателя Государственного комитета обороны главнокомандующим Вооружёнными силами Республики Абхазия». № 31-п: «Создать институт комиссаров Вооружённых Сил Республики Абхазия». Член Президиума Верховного совета Республики Абхазия С.М. Шамба был назначен комиссаром Вооружённых сил — первым заместителем министра обороны РА. Ему присвоили воинское звание полковника[35].

По приказам министра обороны РА были созданы: № 44 от 1 февраля 1993 года — финансовая служба Минобороны РА (начальник капитан В.К. Тужба), № 82 от 28 февраля того же года — топографическая служба Генштаба ВС РА (начальник старший лейтенант Л.М. Барцыц)[36].

Одновременно с созданием органов государственного и военного управления, занятых строительством ВС РА, формировались воинские части и подразделения[37].

В конце октября 1992 года было принято решение создать из слабо вооружённых партизанских формирований полки и отдельные батальоны на абхазском Восточном фронте[38], который образовался в тылу грузинских войск, в основном на территории Очамчырского (Очамчирского) района и стал очагом партизанского движения[39]. Большинство военнослужащих полков и отдельных батальонов входили в стрелковые подразделения. Численность личного состава подразделений других родов войск была невелика. Подразделения фронта преобразовали в два полка. Во второй половине ноября организовали 3-й полк и несколько отдельных батальонов. В зоне ответственности 1-го полка пятибатальонного состава действовали разведывательно-диверсионные группы и

подразделения постовой службы; 2-го полка однобатальонного состава — 3 отдельные роты и по соседству отдельный Меркульский батальон 3-го полка четырёхбатальонного состава — две отдельные роты и отдельный диверсионный взвод. Эта структура Восточного фронта в основном сохранялась до конца войны[40].

Важным шагом в создании регулярной армии стал приказ начальника Генштаба — первого заместителя министра обороны РА от 16 ноября 1992 года о переводе личного состава ВС РА на казарменное положение. Начальникам гарнизонов Гудаута и Гагра было приказано до 20 ноября свести отдельные группы, отряды в роты, батальоны, назначить командиров взводов, рот, батальонов[41]. Были назначены коменданты гарнизонов.

По приказу министра обороны РА № 131 от 30 декабря 1992 года на базе резервного полка была создана горно-стрелковая рота. По приказу № К-112 от 26 июня 1993 года — 4-я отдельная горно-стрелковая рота[42].

С марта по июнь 1993 года в ВС РА сформировали две мотострелковые бригады. 1-ю по приказу министра обороны РА № 130 от 29 марта 1993 года возглавил подполковник М.С. Килба[43]. 2-ю по приказу министра обороны РА № К-18 от 19 мая того же года — подполковник Г.А. Чанба[44]. В апреле 1 мсбр получила 9 БМП-1. В июне была создана и подчинена её комбригу бронетанковая группа, которую возглавил капитан Ф.Л. Авидзба. Рота БМП переподчинена командиру 2 мсбр[45].

В армии РА создавали резервные формирования. В августе 1992 года в Гудауте — резервный батальон, затем Гудаутский резервный полк. В октябре — Афонскую резервную бригаду. По приказам министра обороны РА: № К-104 от 22 июня 1993-го резервный полк расформировали, № К-138 от 16 июля того же года — сформировали отдельный резервный батальон, № К-227 от 15 сентября 1993 года — его преобразовали в резервный полк[46]. В ряд формирований ВС РА входили резервные подразделения.

С.П. Дбар

Абхазская артиллерия впервые вступила в бой 30 августа 1992 года. При отражении атаки противника на гагрском направлении применена противоградовая система «Алазань». До октября в абхазской армии были два 120-мм миномёта и две установки «Алазань». Число орудий выросло с разгромом в Гагрской наступательной операции (1—6 октября 1992 г.) грузинских войск, насчитывавших свыше 4000 человек, 40 единиц бронетехники, десятки артиллерийских орудий и миномётов, ставших трофеями абхазских формирований[47]. По мере увеличения числа орудий в ВС РА создавали артиллерийские формирования. В том числе по приказу министра обороны республики № 122 от 27 марта 1993 года — артполк из двух дивизионов — 85-мм противотанковых пушек Д-44 и миномётного[48].

В ноябре 1992 года в ВС РА сформировали инженерно-сапёрный и отдельный танковый батальоны. Командиром отб приказом министра обороны республики № 87 от 20 ноября 1992 года был назначен капитан В.Г. Ашба[49]. В июне 1993 года была создана и подчинена командиру 1-й мотострелковой бригады бронетанковая группа, которую возглавил капитан Ф.Л. Авидзба. Затем он был назначен командиром бронетанкового батальона, сформированного по приказу министра обороны РА № К-187 от 14 августа 1993-го. В батальоне сосредоточили всю бронетехнику с вооружением и личным составом, находившуюся в распоряжении гарнизонов и 2-й мотострелковой бригады[50].

В первом квартале 1993 года руководство Минобороны РА издало приказы о создании батальонов: в январе — связи, в феврале — автомобильного, в марте — десантно-штурмового[51].

В январе 1993 года начальник Генштаба ВС РА — первый зам министра обороны полковник С.А. Сосналиев сообщил: «От народного ополчения и сил самообороны абхазская армия переходит на регулярную основу — роты, батальоны». Отметил, что созданы «не только стрелковые подразделения, но и моторизованные, танковые, артиллерийские, авиационные и военно-морские»[52].

Днём образования абхазских ВВС считается 27 августа 1992 года, когда на самолёте Ан-2 был доставлен военный груз. Командующим ВВС Абхазии стал бывший лётчик российских ВВС подполковник О.Е. Чанба. После его гибели командующим стал командир транспортного авиаотряда полковник В.А. Эшба. Наряду с Ан-2 абхазские авиаторы выполняли боевые задачи (в основном транспортные и разведывательные, а также бомбометание и высадка десанта) на мотодельтапланах, вертолётах и переоборудованных спортивных самолётах Як-52. Были созданы инженерно-авиационная и аэродромная службы ВВС РА[53]. В начале 1993 года в состав ВВС Абхазии вошли четыре самолёта L-39[54] чехословацкого производства.

Создание Военно-морских сил (Военно-морского флота) Республики Абхазия началось с первых дней Грузино-абхазского

Ополченцы-миномётчики ведут огонь
Фото А. Соловьёва
ИТАР-ТАСС

Бой в районе села Тамыш Очамчырского района

Абхазская артиллерийская батарея в окрестностях Сухума

конфликта. 17 августа 1992 года группа, которую организовал гражданский штурман дальнего плавания Л.А. Катиба, вывела из Сухуми за реку Гумиста в Новый Афон ряд судов[55]. Катиба был уполномочен заниматься созданием флота РА.

В обоих приморских городах, оставшихся под контролем абхазских властей, — Гудауте и Пицунде — началось создание морских формирований.

В Пицунде группа активистов, которую возглавил Л.Л. Бганба, включила в морское формирование четыре катера и теплоход «Комета-50». В начале сентября к ним присоединилась группа водолазов.

В Гудауте создание морского формирования организовал К.В. Еник. 29 августа 1992 года он был назначен начальником береговой охраны РА. Ему по приказу начальника штаба Госкомитета обороны РА полковника С.А. Сосналиева было предоставлено право подбирать специалистов и морскую технику по всей территории Гудаутского района. Начальникам учреждений и командирам подразделений вменялось в обязанность оказывать помощь в этой работе.

Приказом командующего ВС РА № 18 от 20 сентября 1992 года командующим флотом Республики Абхазия был назначен Л.А. Катиба. Ему была поставлена задача до 22 сентября «создать необходимую штатную структуру и приступить к выполнению штатных обязанностей»[56]. В 1992—1993 гг. в документах ВС РА её военно-морские силы называли ВМФ и ВМС. Был создан штаб, укомплектован личный состав, собраны оружие и суда. В сентябре 1992 года с озера Рица в Пицунду перевели, по разным данным, 7—9 катеров на подводных крыльях проекта 343МЕ «Волга». 7 октября 1992 года абхазский экипаж перегнал из Новороссийска в Пицунду самоходную баржу «МСБ-12». Она участвовала в высадке десанта.

12 декабря 1992 года приказом министра обороны РА № 112

врио командующего ВМС был назначен Р.К. Нанба, ранее служивший механиком пограничного катера в звании старшего мичмана[57]. 11 февраля 1993-го он был переведён в плавсостав. Командующим ВМФ был назначен капитан 2 ранга Ю.Г. Ачба, который служил на атомных подлодках Северного флота до увольнения в запас в 1985-м в звании капитана 2 ранга, в ВС РА — до увольнения в звании капитана 1 ранга в 1996 году[58].

По приказу первого замминистра обороны № 99 от 28 ноября 1992 года была сформирована «группа специалистов по разработке и изготовлению морской боевой техники и выполнению других работ оборонного значения». Её руководителем стал А.Ш. Инал-Ипа[59].

На гражданские суда установили стрелковое, артиллерийское вооружение, пусковые установки неуправляемых реактивных снарядов. Морские силы РА были разделены на два дивизиона — Пицундский (командир И.К. Адлейба) и Гудаутский (командир А.А. Воинский). Авторы, освещавшие создание ВМС РА, насчитали в них в 1992—1993 гг. 25—35 плавсредств. Ремонтные мастерские флота базировались в Гудауте, в Мюссерской бухте. Были созданы Гудаутская и Пицундская базы береговой охраны, специальная водолазно-диверсионная группа[60].

В октябре 1992 года началось формирование батальона береговой охраны из трёх рот численностью 300 человек для обороны берега моря от устья реки Гумиста до Нового Афона[61]. По приказу министра обороны РА № 116 от 15 декабря 1992 года создали батальон береговой охраны Гудаутского гарнизона[62].

Счёт своих побед Войска противовоздушной обороны ВС РА ведут с 11 октября 1992 года, когда абхазский боец сбил грузинский самолёт Су-25, бомбивший древние христианские храмы Нового Афона[63]. Официально Войска ПВО ВС РА были созданы 9 апреля 1993 года. До этой даты в формированиях абхазской армии были подразделения ПВО. Защитниками неба Абхазии руководил капитан Э.А. Аншба[64].

С.А. Сосналиев

Пограничные войска РА были созданы по приказу министра обороны республики № 81 от 20 ноября 1992 года. Командующим был назначен полковник Г.Т. Авидзба[65].

По постановлению ГКО РА от 4 марта 1993 года для подготовки и переподготовки офицеров, младших командиров и специалистов в военном гарнизоне зоны города Гагра был открыт военный учебный центр. Его начальником назначили майора Р.А. Карчаа[66]. В марте—апреле того же года прошли сборы комсостава и специалистов родов войск ВС РА.

8 июня 1993 года министр обороны РА в приказе № К-80 отметил, что формирование регулярной армии успешно продолжается, она обеспечена всем необходимым для победы над врагом. «Сформированы и успешно действуют мотострелковые части, военно-морские силы, войска ПВО, бронетанковые и артиллерийские подразделения… В ходе оборонительных и наступательных боёв выросли замечательные командиры, формируется офицерский корпус, являющийся фундаментом боевой и мобилизационной готовности Вооружённых сил республики»[67].

15 июня ГКО РА принял два постановления: № по-16 о расформировании всех не входивших в структуры Минобороны РА вооружённых формирований республики, переводе их личного состава в абхазские ВС и № по-17 о создании разведывательного управления Минобороны республики[68].

27 июля 1993 года в Сочи при посредничестве России представители РА, Грузии и нашей страны подписали трёхстороннее соглашение. Оно предусматривало прекращение огня в Абхазии с 12.00 ч 28 июня, вывод из неё вооружённых формирований Грузии в течение 10—15 дней, учреждение Объединённой комиссии по урегулированию в Абхазии с участием представителей ООН и СБСЕ[69] при их согласии, приглашение и использование в зоне конфликта международных наблюдателей и миротворческих сил, а также консультации российского воинского контингента с ООН, другие меры, в т.ч. безотлагательное продолжение под эгидой ООН при содействии России переговоров о подготовке соглашения о полномасштабном урегулировании конфликта в Абхазии[70].

В связи с подписанием соглашения главнокомандующий ВС РА В.Г. Ардзинба издал приказ № 17 от 28 июля 1993 года о прекращении огня[71].

В то время Вооружённые силы Абхазии состояли из органов военного управления — центральных, фронтов, гарнизонов, а также ВВС, ВМС и Сухопутных войск, в которые входили части и подразделения — мотострелковые, танковые, десантно-штурмовые, горно-стрелковые, артиллерийские, разведывательно-диверсионные, инженерно-сапёрные, связи, автомобильные, ремонтные, тыловые и др.

Грузия не вывела свои войска из Абхазии в срок, установленный Сочинским соглашением, и Вооружённые силы РА доказали

способность выиграть войну. В ходе наступательной операции 15—30 сентября 1993 года они изгнали вооружённые формирования Грузии с абхазской земли[72] (кроме Кодорского ущелья, восточную часть которого Грузия контролировала до 2008 г.)[73].

Завершению военных действий в Абхазии способствовал ввод в зону конфликта в 1994 году Коллективных сил по поддержанию мира, их российского контингента[74].

Изучение событий 1992—1993 гг. в Абхазии привело к следующим выводам.

Результаты военного строительства — создание и успешные действия Вооружённых сил Республики Абхазия, изгнание грузинских войск с абхазской земли обеспечили условия для упрочения государственности и независимого развития республики.

Весомым слагаемым победы Абхазии стала способность её властных органов в сложных условиях боевых действий быстро перевести управление республикой на военные рельсы и развернуть военное строительство.

Стержневую роль сыграл характер руководства абхазской военной сферой. В нём заметны параллели с советским опытом военного строительства, государственного и военного управления в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и послевоенные десятилетия. В том числе в создании чрезвычайного органа управления — ГКО РА во главе с лидером, сочетавшим полномочия государственного и военного руководителя, в принятии и выполнении стратегических решений, определении структур, штатов управленческих звеньев и войсковых формирований, организации их боевой и иной деятельности, мобилизационной работы и др.

Одним из важнейших слагаемых победы Абхазии стала расстановка на ключевых постах в ВС РА квалифицированных кадров — военных профессионалов с большим опытом службы в Вооружённых силах СССР, таких офицеров, как С.А. Сосналиев, С.П. Дбар, В.Г. Аршба и др. Их деятельность охватывала весь спектр армейских проблем — от определения главных направлений военного строительства и организации выполнения стратегически важных решений до повседневного руководства боевой и иной деятельностью войск.

Абхазский военный историк В.М. Пачулия пришёл к выводу: создание боеспособной армии Абхазии — «это основа нашей военной победы». Он отметил, что «абхазская армия с лета 1993 г. на голову была выше грузинской по боеспособности, дисциплинированности и выучке». Это позволило победить противника, превосходившего её численно, «хорошо оснащённого боевой техникой и вооружением»[75]. По подсчётам историка, в войне с абхазской стороны участвовали 18 150 человек: 13 970 непосредственно в боевых действиях и 4180 в тыловых службах. Из них 12 520 на Гумистинском фронте, 5630 на Восточном. Кроме того, 1600 человек находились на Гагрском фронте, который действовал всего 1,5 месяца. 7000 военнослужащих получили ранения. Безвозвратные потери составили до 2000 человек[76].

В литературе и СМИ встречаются и другие показатели численности ВС РА в то время — до 30 тыс. человек и погибших в конфликте 1992—1993 гг. — 8000—20 000 человек и более[77]. Такие различия показывают: изучены не все аспекты создания и боевых действий армии Абхазии. Так что требуется продолжение исследования тех событий.

Фото с сайтов: emb-abhazia.ru; abaza.org; md.apsny.land; apsnypress.info; www.vedomosti.ru; sputnik-abkhazia.ru; yablor.ru.

Примечания

[1] См.: Грузино-абхазский вооружённый конфликт 1992—94 // Интернет-портал Минобороны РФ. URL: https://энциклопедия.минобороны.рф; *Пивоваров И.В.* Грузино-абхазский вооружённый конфликт 1992—1993 // Большая российская энциклопедия: электронная версия (БРЭ ЭВ). URL: https://bigenc.ru; Абхазская трагедия. Сочи: б.и., 1994. 139 с.; Отечественная война народа Абхазии 1992—1993 годов // ИА «Апсадгыл-инфо». URL: https://apsadgil.info.

[2] *Пачулия В.М.* Грузино-абхазская война (боевые действия). Сухум: б.и., 2010. 562 с.; *он же.* Сентябрьская наступательная операция и причины победы в Грузино-абхазской войне (1992—1993 гг.) // Война и мир в истории Кавказа: материалы Международной научной конференции, посвящённой 20-летию Победы народа Абхазии в Отечественной войне 1992—1993 гг. (24—26 сентября 2013 г.). Сухум: Дом печати, 2016. С. 20—29.

[3] *Авидзба А.Ф.* Отечественная война (1992—1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии. Сухум, 2008. 496 с. Абхазская интернет-библиотека. URL: http://apsnyteka.org.

[4] *Бгажба О.Х., Лакоба С.З.* История Абхазии: с древнейших времён до наших дней. Сухум: б.и., 2007. 392 с.

[5] *Захаров В.А.* 17 лет назад начался вооружённый конфликт между Грузией и Абхазией // Портал МГИМО. 2009. 14 августа. URL: https://mgimo.ru/people/1443.

[6] *Пряхин В.Ф.* Региональные конфликты на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Таджикистан). М.: ГНОМ и Д, 2002. 312 с.

[7] *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. Владикавказ: Русская панорама, 2003. 515 с.

[8] *Жирохов М.А.* Грузино-абхазский конфликт: история одной войны. М.: Вече, 2016. 285 с.

[9] *Казенин. К.И.* Грузино-абхазский конфликт 1917—1992. М.: Европа, 2007. 380 с.

[10] *Лежава Г.П.* Между Грузией и Россией: исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX—XX вв.). М.: РАН. Центр по изуч. межнац. отношений Ин-та этнологии и антропологии (ЦИМО), 1997. 380 с.

[11] *Малышева Д.Б.* Конфликты в развивающемся мире, России и СНГ: религиозный и этнический аспекты. М.: ИМЭМО РАН, 1997. 122 с.

[12] *Папаскири З.В.* Абхазия: история без фальсификации. 2-е изд. Тбилиси: Изд-во Сухумского гос. ун-та, 2010. 595 с.

[13] *Жуков А.А.* Россия и грузино-абхазский конфликт (1992—2008 гг.) // Былые годы. 2010. № 4(18). С. 62—68.

[14] *Зухба М.И.* К проблеме независимости Абхазии: от исторического прошлого к настоящему // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3(13). С. 27—30.

[15] *Мельситов В.В., Тужба Э.Н.* Грузино-абхазская война (1992—1993): этапы и последствия // Вестник Московского

ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 2. С. 135—145.

[16] *Дамениа О.Н.* Абхазия на рубеже веков: опыт понятийного анализа. СПб.: Юридический центр-пресс, 2011. 533 с.

[17] *Джапуа Б.Р.* Фронт восходящего солнца (Мрагыларатэи афронт): краткое описание боевых действий на Восточном фронте в ходе Отечественной войны 1992—1993 годов. Сухум: Арашь, 2008. 48 с.

[18] *Пивоваров И.В.* Указ. соч.

[19] См.: Грузия // БРЭ ЭВ.

[20] Отечественная война в Абхазии 1992—1993 годов // Сайт Посольства Республики Абхазия в РФ. URL: http://emb-abkhazia.ru/respublika_abhaziya/histori/chrono8.

[21] *Мельситов В.В., Тужба Э.Н.* Указ. соч. С. 137; *Пивоваров И.В.* Указ. соч.

[22] *Пачулия В.М.* Грузино-абхазская война… С. 32.

[23] *Бутба Д.И.* Краткий обзор историографии абхазских войн. Сухум: б.и., 2010. С. 95.

[24] *Пачулия В.М.* Грузино-абхазская война… С. 31. Дбар Сергей Платонович // Абхазский биографический словарь (АБС). Сухум: б.и., 2015. С. 275.

[25] Сосналиев Султан Асламбекович // АБС. С. 624; Молча на войну: боевой путь Султана Сосналиева // Sputnik Абхазия. URL: https://sputnik-abkhazia.ru.

[26] Подробнее см.: *Денисов В.* Где мы — там мир! // Красная звезда. 2006. 5 июля; *он же.* Берет и каска цвета неба // Там же. 2008. 9 июля; Поздравляем с днём образования 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка // Сайт Союза десантников России. http://sdrvdv.ru.

[27] Боевые действия в Грузино-абхазской войне (1992—1993 гг.): документы и материалы / Сост. В.М. Пачулия. Сухум: б.и., 2019. С. 20, 21.

[28] Там же. С. 22, 23.

[29] Там же. С. 21; *Авидзба А.Ф.* Указ. соч. С. 116.

[30] *Пивоваров И.В.* Указ. соч.

[31] Архив Минобороны РА (АМО РА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 21.

[32] Там же. Л. 24.

[33] Там же. Л. 88—92, 94.

[34] Боевые действия в Грузино-абхазской войне… С. 134.

[35] АМО РА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Д. 4. Л. 3; Оп. 2. Д. 4. Л. 3.

[36] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 44, 92.

[37] Там же. Д. 9. Л. 21; Ф. 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 71, 73; Боевые действия в Грузино-абхазской войне… С. 7, 92.

[38] Боевые действия в Грузино-абхазской войне… С. 8.

[39] *Пивоваров И.В.* Указ. соч.

[40] *Джапуа Б.Р.* Указ. соч. С. 11, 12.

[41] Боевые действия в Грузино-абхазской войне… С. 128.

[42] АМО РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 157; Д. 21. Л. 21.

[43] Там же. Д. 11. Л. 45.

[44] Там же. Л. 45; Д. 18. Л. 25.

[45] Там же. Д. 11, Л. 57; Д. 18. Л. 98; *Пачулия В.М.* Грузино-абхазская война… С. 187.

[46] АМО РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 11, 77; Д. 12. Л. 6, 52, 170; *Ходжава Р.В.* Хроники Отечественной войны народа Абхазии 1992—1993 гг. в воспоминаниях в 2 ч. Ч. 2. Сухум: б.и., 2013. URL: http://apsnyteka.org.

[47] Боевые действия в Грузино-абхазской войне… С. 6, 7.

[48] АМО РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.

[49] Там же. Д. 9, Л. 101.

[50] Там же. Д. 12. Л. 108.

[51] Там же. Д. 10. Л. 3; Д. 14. Л. 21; Д. 11. Л. 5.

[52] Добровольцы в Отечественной войне Абхазии (1992—1993 гг.): документы и материалы. Сухум: б.и., 2014. С. 174, 175.

[53] *Пачулия В.М.* Грузино-абхазская война… С. 263—265, 269, 477; Чанба, Олег Евгеньевич // Смоленский некрополь. URL: https://smolnecropol.ru.

[54] Вооружённые силы Абхазии. Абхазская армия — мифы и реальность. URL: https://cyxymu, livejournal.com/196220.html.

[55] *Розин А.* Боевые действия на море в ходе грузино-абхазской войны в 1992—1993 гг. URL: https://alerozin.narod.ru/navalAbkhaziaGeorgia.htm.

[56] Там же. Л. 24А.

[57] АМО РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 130; *Розин А.* Указ. соч.

[58] АМО РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 62; Ачба Юрий Григорьевич // АБС. С. 122.

[59] АМО РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 113.

[60] *Розин А.* Указ. соч.; ВМС стран Причерноморского бассейна: Абхазия, ДНР // Информагентство Anna-news.info. 2020. 10 февраля. URL: https://anna-news.info; Военно-морские силы Республики Абхазия // Большой справочник Newstest.ru. URL: https://newstest.ru; ВМС стран Причерноморского бассейна: Абхазия, ДНР // Проект Infouse.ru. URL: https://infouse.ru/days; *Пачулия В.М.* Грузино-абхазская война… С. 270.

[61] *Пачулия В.М.* Грузино-абхазская война… С. 127, 128.

[62] АМО РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 134.

[63] Боевые действия в Грузино-абхазской войне… С. 8; День Войск противовоздушной обороны отмечается в Абхазии // Sputnik Абхазия. 2018. 9 апреля.

[64] *Пачулия В.М.* Грузино-абхазская война… С. 278; Аншба Эрик Алексеевич // АБС. С. 89.

[65] АМО РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 97.

[66] Боевые действия в Грузино-абхазской войне… С. 232, 233.

[67] АМО РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 99—103.

[68] Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1. Л. 42, 43, 48.

[69] СБСЕ — Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе — название до 1 января 1995 г. Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). См.: Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе // БРЭ ЭВ.

[70] Распоряжение Президента Российской Федерации от 29 июля 1993 г. № 539-рп «О реализации Соглашения о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением». Соглашение о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/4109.

[71] АМО РА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.

[72] Боевые действия в Грузино-абхазской войне… С. 10—12.

[73] *Пивоваров И.В.* Указ. соч.

[74] Грузино-абхазский вооружённый конфликт 1992—94 // Интернет-портал Минобороны РФ; *Захаров В.А.* Указ. соч.; *Денисов В.* Где мы — там мир! // Красная звезда. 2006. 5 июля.

[75] *Пачулия В.М.* Сентябрьская наступательная операция… С. 28, 29.

[76] Боевые действия в Грузино-абхазской войне… С. 13.

[77] Грузино-абхазский вооружённый конфликт 1992—94 // Интернет-портал Минобороны РФ; *Захаров В.А.* Указ. соч.; Абхазский разлом // Коммерсантъ. 2022. 14 августа. https://www.kommersant.ru/doc/5504279; *Пивоваров И.В.* Указ. соч.

N.M. Vasilyev

«THIS IS THE BASIS OF OUR MILITARY VICTORY»

Creation of the Armed Forces of the Republic of Abkhazia in 1992—1993

Information about author. *Nikolay Vasilyev — leading researcher at the Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, colonel (ret.), Cand. Sc. (Hist.), associate professor (Moscow. E-mail: vasiliew.nikolaj@yandex.ru).*

Summary. *The paper presents the findings of a study of military construction in the Republic of Abkhazia during the period of armed struggle for independence and statehood between 1992 and 1993. The republic initiated the formation of its armed forces amidst the most challenging circumstances from the outset of armed confrontation with the Georgian army. In a relatively short span of time, it was able to establish military command structures, combat-ready military formations, and organize their activities. As posited by the author of the paper, the outcomes of military construction — namely, the establishment and effective functioning of the Armed Forces of the Republic of Abkhazia — have created an environment conducive to the reinforcement of statehood and the autonomous advancement of the republic.*

Keywords: *Republic of Abkhazia; Georgia; armed conflict; Armed Forces of the Republic of Abkhazia; State Defense Committee of the Republic of Abkhazia; Headquarters of the State Defense Committee of the Republic of Abkhazia; Ministry of Defense of the Republic of Abkhazia; General Staff of the Armed Forces of the Republic of Abkhazia.*

В.А. Лысенко

«ИЗБИРАЮТСЯ С СТРОГОЮ РАЗБОРЧИВОСТЬЮ ИЗ ЧЕЛОВЕКОЛЮБИВЫХ, ИЗВЕСТНЫХ СВОИМ ПОВЕДЕНИЕМ И ДОБРОСОВЕСТНОСТЬЮ ЖЕНЩИН»

Движение сестёр милосердия в Крымской войне 1853—1856 гг.

Сведения об авторе. *Лысенко Виктория Александровна — младший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, соискатель учёной степени кандидата исторических наук (Москва. E-mail: victoria.l@bk.ru).*

Аннотация. *В статье рассматривается опыт привлечения первых сестёр милосердия Российской империи для оказания помощи на фронте в период Крымской войны 1853—1856 гг. На основе первоисточников воссоздаётся модель взаимодействия частной благотворительной структуры (Крестовоздвиженской общины) с представителями военного ведомства, раскрываются вопросы армейской субординации в отношении участниц нового общественного движения. Отдельное внимание уделяется наставникам сестёр милосердия, сыгравшим значительную роль в их профессиональном становлении. Определяется возможность возрождения движения сестёр милосердия и масштабного использования сестринского исторического опыта в условиях современной России.*

Ключевые слова: *сёстры милосердия; сестринское дело; Крымская война; оборона Севастополя; великая княгиня Елена Павловна; Е.М. Бакунина; Н.И. Пирогов; помощь раненым и увечным; военный госпиталь; военное ведомство; Крестовоздвиженская община; Российское общество Красного Креста.*

Движение военных сестёр милосердия стало новым явлением в жизни Российской империи, вплести которое в канву российской действительности удалось далеко не сразу. Первые попытки привлечения женщин к уходу за больными и ранеными воинами предпринимались ещё в эпоху реформ Петра I, который допускал дам к исполнению этого благородного дела только в тыловых госпиталях[1]. Согласно царскому указу 1722 года дамы были допущены к исполнению этого благородного дела и в морских госпиталях, но непременно тыловых. Их обязанности в медицинских учреждениях были более бытовыми и имели мало отношения к профессиональному медицинскому уходу за военнослужащими: «…функция этих первых сестёр ограничивалась главным образом хозяйством госпиталей (надзор за бельём и госпитальными работницами)»[2]. Потребовалось почти два с половиной столетия, чтобы женщина получила официальное право присутствовать на поле боя наряду с медиками-мужчинами. Это право не стало единичным исключением и приобрело массовый характер, что свидетельствовало не только о коренных изменениях, касавшихся самих участниц исторического процесса, обретавших дополнительные возможности, но и о реформировании общественного самосознания и обновлении восприятия женской роли представителями государственной власти.

Сестринское движение зародилось в разгар Крымской войны 1853—1856 гг., которая стала первым и важным этапом в его становлении и развитии. От исхода этой военной кампании зависела дальнейшая судьба нового явления: в случае неудачного участия сестёр милосердия в военных действиях оно, возможно, не

получило бы дальнейшего продвижения. Во многом положение женщин в обществе и военной среде определялось и зависело от их высоких покровителей — членов императорской семьи. У истоков сестринского движения стояла великая княгиня Елена Павловна, урождённая принцесса Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская. Она основала Крестовоздвиженскую общину сестёр милосердия, ставшую одной из первых в этом роде на территории страны. Своей деятельностью по организации и применению женского труда она обозначила новый этап в жизни и профессиональной карьере представительниц слабого пола.

Несмотря на всю грандиозность планов по внедрению женского труда на фронте, великая княгиня, по мнению генерал-лейтенанта Н.А. Аркаса, не верила в возможность войны, «пока английский флот не вошел в Черное море»[3]. Так, в своих воспоминаниях он писал о восприятии и оценке Еленой Павловной (как и придворными кругами в целом) сложившейся внешнеполитической ситуации: «Великая княгиня говорила мне, что войны не будет; я доказывал противное, но она возразила на это, что великая княгиня Мария Николаевна, только что приехавшая из Англии, виделась там с королевой Великобритании, которая сказала ей, что ни в каком случае не подпишет окончательного решения о войне, что зависит исключительно от нее»[4]. Тем не менее весть о начале войны не застала Елену Павловну врасплох, и, по воспоминаниям графини А.Д. Блудовой, энергичная, высокообразованная великая княгиня осознала необходимость помощи на фронте и с энтузиазмом, свойственным её натуре, принялась за устройство Крестовоздвиженской общины:

Великая княгиня Елена Павловна

«Пока большинство хороших людей волновалось, негодовало, плакало о злоупотреблениях, о недостатках, о гибели людей, и бранило бесполезно мошенников, она прямо и безотлагательно принялась за дело: отворила настежь двери своего дворца, открыла сокровищницу своей казны и сокровищницу еще богатейшую своего деятельного, практического ума, своего светлого, положительного разума, своей благородной пылкой души, — пригласила всех знатоков дела, всех опытных врачей и послала воззвание ко всем Русским женщинам, не связанным обязанностями семейными: вдовам и девушкам, желающим принести свою долю жертвы и добра в великом жертвоприношении России»[5].

В приведённом отрывке воспоминаний вполне заметна активная гражданская позиция великой княгини, которую она демонстрировала на протяжении всей жизни в самых разных сферах общественной деятельности. Являясь членом императорской семьи, Елена Павловна не отсиживалась в покоях Михайловского дворца. В любом деле, за которое принималась, она отстаивала собственные взгляды, часто прогрессивные и опережавшие своё время: в области искусства поддерживала связи с Италией; в политике твёрдо выступала за отмену крепостного права; в медицине создавала благотворительные организации для оказания помощи неимущим, способствовала развитию медицинской науки, создав Клинический институт и приглашая иностранных специалистов для обучения российских врачей[6]. Однако главным делом жизни великой княгини, как отмечают многие учёные и биографы, стало создание Крестовоздвиженской общины, которая первой отправила сестёр на поле боя. Безусловно, Елену Павловну направляли чувство долга перед родной страной, патриотический настрой, желание проявить деятельную любовь в отношении раненых и больных защитников Отечества. Всё это заслужило высокую оценку в глазах современников, а по окончании военных действий ей поступил запрос со стороны военного ведомства о принятии сестёр на должности в военные госпитали.

Деятельность Крестовоздвиженской общины получила впоследствии и международное признание. Как писал основатель Международного комитета Красного Креста Анри Дюнан в своём письме от 17 июня 1896 года, адресованном Российскому обществу Красного Креста, «существованием Красного Креста мы сегодня обязаны благородному примеру оказания помощи раненым воинам во время Крымской войны, вдохновительницей которого была Елена Павловна»[7].

Расширение Крестовоздвиженской общины влекло за собой многие проблемы, ключевой среди которых стал выбор направления её

Здание Крестовоздвиженской общины сестёр милосердия в Санкт-Петербурге
1903—1904 гг.

Сёстры Крестовоздвиженской общины
г. Севастополь, 1855 г.

Сёстры милосердия Феодоровской общины, участницы Русско-японской войны

развития. Великой княгине предстояло определить, пойдёт ли община по духовно-орденскому пути, подражая западным католическим организациям, или же изберёт свой собственный образец для развития, довольствуясь лишь нравственно-филантропическим направлением. К сожалению, историками пока не найдены документы, подтверждающие её личное видение этих вопросов[8], но остались непосредственные свидетельства современников, использованные в работах нынешних исследователей[9]. Так, князь Дмитрий Алексеевич Оболенский писал: «Если я верно понял намерения Ее Императорского Высочества, она хочет придать Общине характер чисто духовного учреждения и подчинить ее Св. Синоду»[10]. Однако затея Елены Павловны по устройству общины по образу западноевропейского духовного ордена не удалась. В военной среде стало возможно только нравственно-филантропическое направление, которое изначально поддерживали непосредственные участники боевых действий — Н.И. Пирогов и его сподвижники (например, старшая сестра общины Е. Бакунина). Некоторые современные исследователи даже отмечают светский характер будущих краснокрестных общин[11]. Однако, по нашим данным, в военных действиях участвовали сёстры милосердия разного духовного состояния, поэтому не следует в полной мере придавать движению исключительно светский характер. Ведь помощь сестры милосердия является исконно русской практикой врачевания души и тела, так как подразумевает не только излечение телесных недугов, но и духовное преображение болящего путём проведения назидательных бесед, призывания священнослужителя к одру страждущего и приобщения по-

следнего к таинствам Святой православной церкви.

В «Правилах Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях» говорилось, что она «с Высочайшего Государя Императора соизволения» создана на время военных действий, состоит на иждивении и под покровительством «Ея Императорского Высочества Государыни Великой Княгини Елены Павловны»; «сестры попечения избираются с строгою разборчивостью из человеколюбивых, известных своим поведением и добросовестностью женщин, Русских подданных, всех свободных состояний и преимущественно имевших уже случай ходить за больными». Согласно правилам сёстры поступали в общину сроком не менее чем на один год, должны были иметь основным побуждением «теплую любовь к ближнему, с твердым намерением переносить с христианским смирением все трудности принимаемых обязанностей». Как было сказано в документе, изъявившие желание поступить в сёстры попечения «отправляются, на первый раз, в Крым и распределяются в тамошние военные госпитали». Затем по усмотрению начальства они могли быть назначены и в другие места согласно военным потребностям. Транспортные расходы от Санкт-Петербурга до Крыма и обратно относились «на счет сумм Ея Императорского Высочества», а самим сёстрам назначались: «1) при отправлении единовременное пособие по мере надобности; 2) постоянные вспомоществования для нуждающихся в оном, до 15 р. с. в месяц; 3) суточные для продовольствия во время пути до одного рубля сер. в день и 4) платье, по утвержденной Ея Императорским Высочеством форме». Кроме того, говорилось, что «сестры, отличившиеся примерным старанием о порученных им раненых и больных, по засвидетельствованию о том Медицинского Начальства и Главной Начальницы, получат особые отличия и награды по усмотрению Ея Императорского Высочества»[12].

На примере Крымской кампании, ставшей основополагающей в развитии не только Крестовоздвиженской общины, но и всего движения военных сестёр милосердия, можно проследить, как происходило вживание этого нового явления в военную среду Николаевской эпохи, отличавшуюся крайней строгостью и субординацией. Однако строгость армейской обстановки отнюдь не помешала зарождению и становлению движения сестёр милосердия.

Несмотря на консервативный настрой общественных масс и большинства военачальников, Елена Павловна достаточно оперативно получила официальное разрешение императора Николая I, и 6 ноября 1854 года первое отделение сестёр милосердия в составе 34 человек под руководством назначенной великой княгиней первой начальницы А.П. Стахович отправилось на Крымский театр военных действий[13]. В Севастополе их уже ожидал Н.И. Пирогов, приехавший туда немного раньше. Сёстры находились в непосредственном подчинении начальницы общины, а та, в свою очередь, в подчинении Николая Ивановича, что было определено самой великой княгиней и нашло отражение в одном из документов периода Крымской войны: «Во время пребывания в Крыму, все действия ее (начальницы. — **Прим. авт.**) подчиняются профессору Медико-Хирургической Академии Пирогову, который от Ея Императорского Высочества уполномочен руководствовать всеми ее распоряжениями и в случае замеченной неисполнительности передать должность ее другой, с немед-

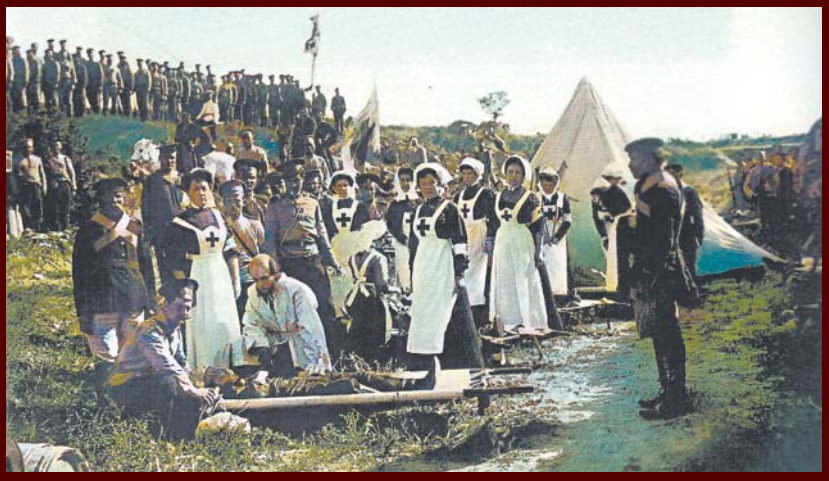
Жетон Крестовоздвиженской общины сестёр милосердия

Портрет Екатерины Михайловны Бакуниной
Художник К. Гиллер, 1853 г.

Старшая сестра Крестовоздвиженской общины Е.П. Карцева

Сёстры милосердия и раненые на перевязочном пункте
г. Севастополь

Хирург Н.И. Пирогов разговаривает с фельдшером у перевязочного пункта Малахова кургана
Фрагмент панорамы «Оборона Севастополя 1854—1855 гг.»
Художник Ф. Рубо, 1905 г.

Сестра милосердия Прасковья Ивановна Графова оказывает помощь офицеру, раненному осколком разорвавшейся рядом бомбы
Фрагмент панорамы «Оборона Севастополя 1854—1855 гг.»
Художник Ф. Рубо, 1905 г.

ленным о том Ее Императорскому Высочеству донесением»[14]. Интересен тот факт, что при убытии Н.И. Пирогова с фронта руководство общиной переходило к представителям военного ведомства: «Переутомленный тяжкими трудами и нравственно измученный, Н.И. Пирогов 1 июня 1855 г. с разрешения своего начальства выехал в Петербург. Сестры Крестовоздвиженской общины, работавшие в Севастопольском гарнизоне, были подчинены начальнику гарнизона генералу Остен-Сакену, который проявлял постоянную заботу об устройстве сестер общины»[15]. Из приведённого отрывка видно лояльное и доброжелательное отношение генерала, но это скорее являлось свойством его характера, адаптировавшегося под условия жизни, а не пытавшегося их изменить, а также настроением в воинской части в целом: «Собственно в гарнизоне это положение не изменилось и тогда, когда на место г. Моллера поступил генерал-адъютант барон Сакен, известный во всей армии за начальника строгого и взыскательного. И он подчинился необходимости, вместо ожидаемой строгости сделался даже слабым»[16].

Однако такое поведение начальства было далеко не повсеместным и не постоянным. Непонимание между представителями разных ведомств в спорных и сложных ситуациях засвидетельствовано, прежде всего, самими сёстрами милосердия в их дневниковых записях. Так, одна из них оставила в воспоминаниях свидетельство об общем недоверчивом отношении к вновь прибывшим сёстрам: «Женщине не место на войне, от нее нет и не может быть прока, только стеснение другого персонала и даже нравственное покушение... Едва ли пригодятся эти барыни и барышни, стремящиеся только к сильным

ощущениям. С ними только помеха и еще за ними придется там ухаживать и с их нервами возиться»[17].

В дневнике сестры милосердия Екатерины Михайловны Бакуниной, сопровождавшей транспорты с больными и ранеными воинскими чинами, эвакуировавшимися в тыловые госпитали, говорилось об отстаивании прав заболевших военнослужащих: «Но что меня ужасно взволновало и чего я никак не могла уладить, как ни старалась: офицер, который распоряжался размещением больных на койки и на полу, никак не хотел положить слабого больного, говоря, что на них велено класть только раненых. Напрасно я ему говорила, что у нас есть раненые совсем здоровые, а больные гораздо слабее, а один и очень слабый»[18]. Дело в том, что во избежание случаев саботажа больным военнослужащим (часть которых под предлогом незначительных хворей стремилась бежать с поля боя) в то время предоставлялись меньшие по сравнению с ранеными бойцами привилегии, с чем не могли смириться сердобольные представительницы общины. Сестра была вынуждена подчиниться командам офицера, несмотря на внешнюю абсурдность его поступка, однако впоследствии, по приезде в Петербург, подняла этот вопрос при личной встрече с императором и императрицей, настоятельно прося их высочайшей помощи в разрешении «грустного и тяжелого положения наших транспортов»[19]. По всей видимости, миссия Е.М. Бакуниной имела некоторый успех. Флигель-адъютант императора генерал-лейтенант В.И. Ден писал в своих дневниковых записках: «Но моим надеждам не было суждено осуществиться, на станции, куда я прибыл весь измокший, ночевал целый транспорт сестер милосердия, отправленных в Крым для ухода за больными,

Первая сестра милосердия на поле боя Дарья Лаврентьевна Михайлова (Даша Севастопольская)

Н.И. Пирогов на главном перевязочном пункте в зале Дворянского собрания. Севастополь. 1855 г.
Художник М.П. Труфанов

Памятник «Сестра милосердия» в г. Киров

Открытие памятника сестре милосердия на территории детской городской больницы № 2
Санкт-Петербург, 2019 г.
Фото «Петербургский дневник»

Сёстры милосердия — выпускницы медицинского колледжа имени А.Л. Поленова Ульяновского государственного университета

по распоряжению великой княгини Елены Павловны. Этих сестер было с лишком 30, они расположились во всех комнатах, не исключая смотрительской, и мне поневоле не оставалось ничего, кроме продолжения путешествия, уже превратившегося в мучение»[20].

Одним из направлений сестринской деятельности на фронте являлся контроль за количеством и качеством поступавших продуктов питания, сменного белья для больных и раненых военнослужащих, перевязочных материалов, медикаментов и пр. В процессе своей работы сёстры отслеживали все злоупотребления пытавшихся присвоить выделенные средства чиновников, водворяя таким образом «порядок в госпиталях»[21]. В этом деле их особенно поддерживал Н.И. Пирогов, констатировавший, что «помимо лечебной работы сестры осуществляли контроль за деятельностью интендантов». По меткому выражению знаменитого хирурга, государственные деньги, отпущенные для госпиталей, разворовывались «даже днем», поэтому сёстрам вменялось в обязанность осуществлять «нравственный контроль за действиями госпитальной администрации»[22].

Несмотря на тот факт, что отправленные на фронт сёстры милосердия находились под протекцией членов императорской семьи и самого императора, они подчинялись воинским чинам и действовали, как и все штатные военные, в жёсткой фронтовой обстановке, предполагавшей строжайшую воинскую дисциплину и беспрекословное подчинение. Зарождавшаяся отрасль военно-медицинских знаний была относительно новым явлением и ещё не пользовалась авторитетом у армейского командования; военврачи, а тем более непрофессиональные сёстры,

порой встречали непонимание со стороны военного руководства и были вынуждены выполнять его не всегда обоснованные требования. Зачастую это приводило к серьёзным трениям. К тому же появление женщины в армейской среде нарушало вековые устои и радикально ломало стереотипы общественного мышления, что отмечают в своих работах некоторые современные исследователи движения сестёр милосердия: «Пребывание на войне женщин казалось обществу не только бесполезным, но и опасным в стратегическом плане — они будто бы будут стеснять армию при переходах и отступлениях и вообще с прибытием на театр военных действий ослабнет воинская дисциплина. Много говорилось и о «слабости женского пола» и об «утрате женственности». Само служение женщины у постели больного не имело ещё такого значения, каким оно стало заслуженно пользоваться позже»[23]. Кроме того, Н.Л. Лопатина в своих работах отметила, что некоторые из военнослужащих так остро воспринимали ситуацию, что были склонны даже обвинять себя в необходимости женщин присутствовать на поле боя в качестве сестёр милосердия: «Участие женщин в военных действиях считалось немыслимым и позорным для мужчин делом. Российские военные долго не желали видеть женщин на войне, полагая, что они будут причиной падения дисциплины в армии. Но есть и другая причина. Ментально женщина воспринималась, в первую очередь, как мать и жена, объект для защиты»[24].

Возглавив Крестовоздвиженскую общину, Е.М. Бакунина по долгу службы многократно общалась с военным руководством, что нашло отражение в её дневниковых записях. Не всегда это обще-

Врач проводит занятия по анатомии с группой сестёр милосердия

Памятник Даше Севастопольской
г. Севастополь

Транспортировка раненых на двухколёсных тележках

Сестра милосердия
Художник Н.А. Ярошенко, 1886 г.

За что?
Художник М.Г. Малышев, 1912 г.

ние было конфликтным и не все высшие воинские чины демонстрировали исключительно отрицательное отношение к сестринскому делу. «Очень просила генерала покровительствовать сестрам, и он, и его очень милое семейство были всегда очень внимательны к сестрам»[25], — писала Екатерина Михайловна. Хотя подобные просьбы были личными прошениями и не отражали действовавшей субординации, но всё же свидетельствовали об общем благожелательном отношении к общественному движению. Отмечал его положительную роль и начальник штаба Севастопольского гарнизона генерал-адъютант В.И. Васильчиков: «Выпущенные из острога арестанты составили отличную и замечательную своим самоотвержением прислугу; женщины и девицы явились добровольно для исполнения должности сиделок; кухня приведена в порядок, и продовольствие исправилось. Когда же к нам прибыл Н.И. Пирогов, а с ним помощники его и сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (создание великой княгини Елены Павловны), все приняло вид благоустройства и порядка»[26].

Таким образом, Крымская кампания стала первым и наиболее тяжёлым периодом становления военного сестринского движения в России. Сложные взаимоотношения с армейским руководством, неустроенность быта, отсутствие стратегии развития общины, непонимание со стороны некоторых военачальников и государственных управленцев, скепсис широких слоёв общественности — это далеко не полный перечень трудностей, с которыми столкнулись первые сёстры милосердия. Однако они достойно выдержали этот сложный экзамен, чем обеспечили будущее для своей общины и

для всего движения, которое впоследствии действовало в рамках Российского общества Красного Креста (РОКК) и обрело полную самостоятельность[27].

Сегодня всё более актуальным становится обращение к прошлому своего народа и его многовековым традициям, а не бездумное дублирование западных устоев, неуместных в российском обществе. Движение сестёр милосердия, возрождённое в современной России[28], может играть немалую роль в оказании разносторонней помощи раненым военнослужащим. В условиях проведения Специальной военной операции и напряжённой международной обстановки их деятельность по оказанию медицинской помощи больным и раненым воинам приобретает совершенно иной оттенок, является попыткой противопоставить жутким постулатам нацизма такие вечные ценности, как любовь, доброта, мир и милосердие.

Примечания

[1] *Кондрашкина Л.Г.* Участие женщин в деятельности медицинских общественных организаций и учреждений России XVIII—XIX вв.: дисс. .... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2002. С. 27, 28.

[2] *Фаллер О.В., Мальцева О.Л.* «Женщина была душой госпиталя...». Первые женские медицинские формирования на театре военных действий // Военно-исторический журнал. 2021 № 3. С. 45.

[3] *Аркас Н.А.* Из воспоминаний ген.-лейтенанта // Исторический вестник. 1901. № 4. С. 116.

[4] Там же. С. 117.

[5] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 647. Оп. 1. Д. 624. Газетные вырезки и брошюры о Н.И. Пирогове. Л. 64, 64 об. Воспоминания графини Блудовой.

[6] *Баженова О.К. и др.* Великая княгиня Елена Павловна. СПб.: Лики России, 2011. С. 92—121, 142—265.

[7] *Бирюкова Е.В., Забродная А.В., Притыко Д.А.* Страницы истории развития сестринского дела в России // Медицинский журнал «QUANTUM SATIS». 2017. Т. I. № 2. С. 63.

[8] *Ефимушкина Е.В.* Община сестёр милосердия в России в представлениях окружения великой княгини Елены Павловны // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 86. С. 106.

[9] Там же. С. 105.

[10] *Оболенский Д.А.* Мои воспоминания о великой княгине Елене Павловне. СПб.: Надежда, 1909. С. 48.

[11] Жизнь как служение: сборник научных статей / Под ред. Е.Н. Козловцевой. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2023. С. 22.

[12] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ). Ф. 316 к. 14 № 19. С. 2—5.

[13] Сёстры милосердия в Крымской войне 1853—1856 гг. / Сост. Н.Н. Колесникова. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. С. 114.

[14] ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 329. Наставления Главной Начальнице Крестовоздвиженской Общины Сестер Попечения о раненых и больных в военных госпиталях.

[15] *Шибков А.А.* Женщины России в медицинской школе и на войне (до XX в.). Л.: Воен.-мед. ордена Ленина акад. им. С.М. Кирова, 1957. С. 40.

[16] *Васильчиков В.И.* Севастополь. Записки начальника штаба севастопольского гарнизона В.И. Васильчикова. (Писаны в Москве в 1875—1877 гг.) // Русский архив. 1891. № 6. С. 213.

[17] Сёстры милосердия России. СПб.: Лики России, 2005. С. 197, 198.

[18] Быть сестрой милосердия. Женский лик войны / Авт.-сост. Е. Первушина. М.: Алгоритм, 2017. С. 93.

[19] Там же. С. 154, 155.

[20] *Ден В.И.* Записки (1853—1855 гг.). СПб.: тип. В.С. Балашева, 1890. С. 98.

[21] Общины сестёр милосердия Российской империи (1844—1917): энциклопедический справочник / Под общ. ред. свящ. А.В. Постернака. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. С. 156.

[22] *Романюк В.П., Лапотников В.А., Накатис Я.А.* История сестринского дела в России. СПб.: Санкт-Петербургская гос. медицинская академия имени И.И. Мечникова, 1998. С. 53.

[23] Женщина. Война. Победа / Ольга Фаллер, Ольга Мальцева. М.: Вече, 2022. С. 108, 109.

[24] *Лопатина Н.Л.* Российские сёстры милосердия в Первую мировую войну // История в подробностях. 2014. № 6(48). С. 57.

[25] Быть сестрой милосердия... С. 189.

[26] *Васильчиков В.И.* Указ. соч. С. 211.

[27] *Оксенюк Е.В.* Деятельность Российского общества Красного Креста в начале XX века (1903—1914 гг.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 57.

[28] В помощь сестре милосердия / Ред.-сост. Н. Макаревский. М.: Благовест, 2023. С. 11.

V.A. Lysenko

«THEY ARE CHOSEN WITH STRICT DISCRETION FROM AMONG WOMEN WHO LOVE HUMANITY AND ARE KNOWN FOR THEIR CONDUCT AND CONSCIENTIOUSNESS»

The Movement of the Sisters of Mercy in the Crimean War, 1853—1856

Information about author. *Viktoriya Lysenko — junior researcher at the Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, applicant for the degree of Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: victoria.l@bk.ru).*

Summary. *The paper examines the process of recruiting the inaugural cohort of sisters of mercy from the Russian Empire to provide medical assistance at the front during the Crimean War of 1853—1856. A reconstruction of the interaction between a private charitable structure (The Holy Cross Exaltation Community) and representatives of the military department is based on primary sources. This reconstruction reveals issues of army subordination in relation to participants in the new social movement. Particular emphasis is placed on the mentors of the Sisters of Mercy, who played a pivotal role in their professional advancement. The potential for reviving the Sisters of Mercy movement and leveraging the historical nursing experience on a large scale in the context of modern Russia is explored.*

Keywords: *Sisters of Mercy; nursing; Crimean War; defense of Sevastopol; Grand Duchess Elena Pavlovna; Ye.M. Bakunina; N.I. Pirogov; aid to the wounded and crippled; military hospital; military department; elevation of the Holy Cross Exaltation Community; Russian Red Cross Society.*

А.И. Букреев,
Е.Д. Жабко

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЦИФРОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ПО ИСТОРИИ МИРОВЫХ ВОЙН

Сведения об авторах. *Букреев Александр Иванович — руководитель Информационного историко-научного центра — Военной исторической библиотеки Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: vibgsh_nach@mil.ru);*

Жабко Елена Дмитриевна — старший научный сотрудник Информационного историко-научного центра — Военной исторической библиотеки Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации, доктор педагогических наук (Санкт-Петербург. E-mail: edzhabko@gmail.com).

Аннотация. *В статье рассматриваются общие проблемы трансформации исторических исследований на основе внедрения информационных технологий. Приведены результаты анализа современного состояния цифровых информационных архивных ресурсов по Первой и Второй мировым войнам, представленных в открытом доступе в российском сетевом пространстве. Даётся характеристика информационных сервисов Министерства обороны РФ, тематических баз данных и цифровых коллекций военно-исторической направленности государственных региональных архивов, а также комплексных интегрированных массивов исторических документов. Обозначена возможность самостоятельной работы исследователей с необходимыми им информационными ресурсами.*

Ключевые слова: *военная история; «цифровой поворот» в истории; информационные ресурсы; Первая мировая война; Вторая мировая война; архивы; тематические базы данных; цифровые коллекции; информационные сервисы; Министерство обороны РФ.*

В настоящее время массовая оцифровка исторических документов обеспечивает существенно более высокий уровень их доступности в сетевом режиме для различных групп пользователей, чем физическое посещение исследователями читальных залов организаций-фондодержателей. Этому способствует перевод в электронный формат архивных фондов федерального и регионального значения, книжных памятников и редких изданий в библиотеках, объектов музейного хранения в исторических, военно-исторических, краеведческих, художественных музеях. Появление больших по объёму массивов оцифрованных документов связывается с явлением, характеризуемым специалистами как «цифровой поворот». Новое понятие «цифровой поворот» в истории понимается как последовательность сменяющих друг друга этапов: «математизации» — «компьютеризации» — «информатизации» истории[1]. По мнению И.М. Гарсковой, «цифровой поворот» способствует совершенствованию инфраструктуры исторических исследований, улучшает их информационное обеспечение, расширяет круг источников и литературы, доступных в режиме онлайн[2]. По сути, это возможность извлечения из оцифрованных документов данных, фактов, изображений на основе автоматического анализа распознанных текстов, позволяющих визуализировать и отображать данные в различных форматах, предоставлять развёрнутые метаданные, моделировать исторические процессы и многое другое[3].

В обобщённом виде «цифровой поворот» может быть рассмотрен через три направления: источники информации, непосредственно исследова-

ния и их программное обеспечение[4]. Важно, что информационное обеспечение исторической науки включает не только информирование учёных о наличии и появлении новой информации по тематике исследований, но и максимальное предоставление возможности самостоятельной работы с необходимыми им информационными ресурсами[5].

Всё это способствует постепенной трансформации деятельности профессиональных историков, изменению методики проведения исторических исследований. По мнению специалистов, использование не только общенаучных и специально-исторических методов, но и междисциплинарных подходов позволяет более эффективно проводить поиск информации, её обработку, интерпретацию и введение в научный оборот ранее неизвестных данных и фактов[6]. Дискуссия относительно перемен в исторических исследованиях активно велась и до сих пор ведётся на страницах журнала «Историческая информатика», имея своих сторонников и противников. Но при всём разнообразии оценок специалисты сходятся во мнении, что цифровые ресурсы являются на настоящий момент одним из важнейших элементов единой информационной инфраструктуры гуманитарных исследований.

В 2023 году в Информационном историко-научном центре — Военной исторической библиотеке Генерального штаба ВС РФ был проведён первый этап НИР «Представление военной истории в современной информационной среде». Были выявлены, изучены и охарактеризованы информационные ресурсы библиотечного сегмента информационного пространства страны, а также определены закономерности их создания и использования[7]. В 2024 году в ходе проведения второго этапа НИР исследованы масштабные информационные сервисы Министерства обороны, тематические базы данных (БД) федеральных и региональных архивов, цифровые проекты интеграционного характера. В контексте данной статьи рассматриваются цифровые информационные ресурсы открытого доступа по истории мировых войн преимущественно в архивной сфере.

Архивные фонды как главный элемент системы информационного обеспечения исторических исследований

Как известно, архивы — базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки[8], в т.ч. военно-исторической. В 2017 году к 100-летию Архивной службы России был проведён специальный круглый стол и по его итогам опубликован сборник докладов, посвящённых роли архивов в информационном обеспечении исторической науки и созданию электронных архивных ресурсов для обеспечения доступа пользователей к крупным комплексам архивных документов[9]. Доступность архивных фондов в значительной мере объясняется автоматизацией государственного учёта и научно-справочного аппарата, созданием информационно-поисковых архивных справочников, представлением в Сети объединённых архивных информационных ресурсов. К методологическим особенностям изучения архивов военных лет (содержат документы периодов, когда страна была вовлечена в военные действия) отнесены выявление соответствующих материалов и получение доступа к ним[10], который в современном понимании связывается с цифровыми информационными ресурсами — виртуальными выставками копий документов, средствами поиска по научно-справочному аппарату, базами данных и цифровыми коллекциями.

За последние несколько лет был сделан значительный рывок в информатизации архивов, чему способствовала реализация Федеральной целевой программы «Культура России (2011—2018 годы)» в части архивной деятельности, Программы информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему учреждений на 2011—2020 гг.[11], разработанной в соответствии со Стратегией развития информационного

общества в Российской Федерации, а также Ведомственной программы цифровой трансформации Федерального архивного агентства на 2022—2024 годы[12]. В настоящее время в ведении Росархива находятся несколько государственных информационных систем (ГИС), прежде всего Центральный фондовый каталог для предоставления информации об архивных фондах федеральных, государственных и муниципальных архивов субъектов РФ. По состоянию на январь 2024 года это 14 федеральных архивов и 2495 государственных и муниципальных архивов 74 субъектов РФ. С сентября 2023 года функционирует ГИС удалённого использования архивных документов (ГИС УИАД) — поиск по объединённому научно-справочному аппарату 13 федеральных архивов (аналог сводных каталогов библиотек). Система поддерживает два варианта поиска, в частности простой запрос по слову и словосочетанию, а также расширенный поиск по названию архива, заголовку фонда, описи и дела, видам документов. Согласно ежегодному отчёту Росархива в БД ГИС УИАД внесены 21 млн заголовков дел 13 федеральных архивов, хранящих документы на бумажных носителях, что составляет 52 проц. от общего объёма дел федеральных архивов[13]. В системе заложена возможность регистрации через личные кабинеты посредством Единого портала госуслуг, отбора и заказа архивных дел для просмотра и оплаты, сохранения истории посещений. В ГИС УИАД обеспечивается доступ к научно-справочному аппарату трёх профильных архивов. Это Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) (представлено 49 проц. описей в электронном виде), Российский государственный военный архив (РГВА) (представлено 8 проц.), Российский государственный архив ВМФ (РГА ВМФ) (представлено 96 проц.).

Одновременно все крупные федеральные архивы, включая профильные, обеспечивают доступ к оцифрованным описям на своих сайтах и порталах. В качестве примера приведём страницу портала РГВИА и доступ к комплексу военных служебных и исторических документов. В настоящее время на сайте представлена БД «Электронные описи РГВИА». Это описи основного комплекса фондов архива по Первой мировой войне. В комплекс входят описи документов Штаба верховного главнокомандующего, штабов фронтов и управлений при них, штабов армий, корпусов, дивизий, а также некоторых гвардейских и пехотных полков. Возможны следующие опции: просмотр перечня электронных описей, поиск по ключевым словам, поиск по всем уровням — фонд, опись, дело (полных текстов документов нет), расширенный поиск (лаконичный) по крайним датам.

Аналогичный доступ к электронным описям осуществляется на сайтах РГВА и РГА ВМФ. На сайте последнего возможен поиск по номеру фонда, историческому периоду (дореволюционный и советский), а также по названию фонда (ключевое слово).

Существенный вклад в создание информационных ресурсов по военной истории, в частности истории Великой Отечественной войны, вносит Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Это относится как к организации на сайте виртуальных выставок, так и к оцифровке архивных фондов. Например, на сайте ЦАМО РФ представлены две масштабные виртуальные выставки — «Накануне войны» и «Первый день войны» — с цифровыми копиями трофейных документов, воспоминаниями участников войны и т. д. В разделе «Электронные ресурсы» представлены несколько цифровых тематических коллекций, посвящённых отдельным сражениями Великой Отечественной войны, в т.ч. «Битва за Днепр», «Курская операция», «Новороссийско-Таманская операция» и др. Помимо этого цифровые ресурсы ЦАМО РФ используются во внешних проектах, например, в проекте Российского исторического общества (РИО) «Электронная библиотека исторических документов». Это пополняемое публично открытое собрание оцифрованных документов по истории России, в формировании которого приняли участие 1700 российских и зарубежных архивов. ЦАМО РФ передал в проект более 15 тыс. документов. При использовании данного информационного ресурса исследователи могут не только знакомиться с полными текстами документов военно-исторической тематики, но и загружать полные комплекты метаданных. В проекте участвовал также РГВА, предоставивший 5838 цифровых копий документов из своих хранилищ, преимущественно связанных с событиями Гражданской войны и представляющих собой военную документацию Красной армии (с 1918 по 1940 г.). В ряде случаев в проект передавались документы научно-справочных библиотек архивных учреждений, например, оцифрованные копии книжных изданий РГА ВМФ.

На сайте РИО представлен проект «Открытый архив: электронные публикации архивных документов», в рамках которого доступны документы ЦАМО РФ по теме «Освобождение Европы от фашистских захватчиков 1944—1945 гг.». Это преимущественно документы по освобождению частями Красной армии оккупированной территории Европы, в т.ч. о многочисленных потерях личного состава войск и взаимодействии советских военнослужащих с местным населением. В част-

ности, также представлены ранее не публиковавшиеся документы по освобождению Белорусской ССР: донесения штаба 3-го Белорусского фронта (проведение Витебско-Оршской операции, пленение немецкой группировки войск под Витебском, освобождение городов Гродно и Минск, наградные листы отличившихся солдат и офицеров) и многое другое. Помимо документов по БССР представлены документы по освобождению целого ряда европейских стран и тех стран, которые ранее входили в состав СССР. Перечислим их в алфавитном порядке: Австрия, Болгария, Венгрия, Германия, Латвия, Литва, Молдавия, Норвегия, Польша, Румыния, Украина, Чехия, Эстония, Югославия.

В ряде случаев оцифрованные архивные материалы могут интегрироваться в информационное пространство и вводиться в общественное пользование на сайтах других силовых структур. Например, на сайте Федеральной службы безопасности (ФСБ) РФ опубликованы архивные материалы о последних днях Гитлера в рейхсканцелярии, преступлениях боевиков польской «Армии Крайовой» против мирного населения на Волыни в 1944—1945 гг., материалы об организации Парада Победы в 1945 году в Москве и др. Практически все документы Центрального архива ФСБ РФ рассекречены и введены в общественный оборот впервые.

К 100-летию начала Первой мировой войны и её завершению многие учреждения Федерального архивного агентства в различные годы организовывали историко-документальные выставки, публиковали историко-документальные сборники, проводили научные конференции и круглые столы. В этой связи особое значение приобрели виртуальные выставки. Так, РГВИА организовал на своём сайте выставку «Герои войны 1914—1918. К 100-летию первого массированного применения химического оружия». На сайте этого архива также были размещены виртуальные выставки «Брусиловский прорыв» о наступательной операции силами армий Юго-Западного фронта под командованием генерала А.А. Брусилова и «Пламя в окопах», посвящённая истории создания огнемёта и крупнейшей огнемётной атаке за период Первой мировой войны, проведённой германскими войсками под Барановичами. На портале «Архивы Санкт-Петербурга» Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) и Центральный государственный архив кинофотофонодокументов (ЦГАКФФД) Санкт-Петербурга представили выставку «В эти дни великих шумов ратных... (Петроград в годы Первой мировой войны)». Государственный архив страхового фонда и аудиовизуальных документов Псковской области представил виртуальную выставку «Вспоминая Первую мировую войну», а Государственный архив Ростовской области разместил в Сети выставку «Первая мировая война. 1914—1918» и др.

Но наиболее значимыми стали тематические цифровые проекты, объединившие полные тексты архивных документов. Например, в 2014 году РГВИА представил комплекс документов «Офицеры Первой мировой — генералы Великой Отечественной» по прохождению службы и участию в боевых действиях в качестве офицеров Русской императорской армии в период Первой мировой войны (1914—1918 гг.) будущих советских маршалов, генералов и адмиралов — участников Великой Отечественной войны. Этот проект стал одним из самых востребованных пользователями[14].

В 2014 году в связи со 100-летним юбилеем начала Первой мировой войны Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) осуществил проект по созданию виртуального архива документов о Первой мировой войне, включавший художественные произведения о войне, материалы о широкой благотворительной деятельности, развернувшейся в Российской империи в 1914—1918 гг. Разработанная структура БД «Первая мировая война в документах деятелей отечественной культуры» позволила представить всё многообразие источников: исторические документы (манифесты, документы общественных организаций, листовки); личные документы участников; рукописи стихотворений, поэм, рассказов и повестей, фронтовых очерков и корреспонденций; письма, дневники и воспоминания; рисунки, плакаты и карикатуры, проекты памятников; фотографии; фольклорные материалы; многочисленные документы о благотворительности, выставках, концертах, театральных постановках. Данная историкоориентированная информационная система была создана в рамках финансирования Федеральной целевой программы «Культура России (2011—2018 годы)».

Интеграция информационных ресурсов архивов и библиотек для проектов по военной истории

В последние годы по инициативе Федерального архивного агентства началась масштабная деятельность по реализации совместных межархивных проектов по истории мировых войн. В уже упоминавшейся Программе информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему учреждений на 2011—2020 гг. была обозначена необходимость создания интегрированных архивных информационных ресурсов

в целях обеспечения доступа граждан и организаций к поисковым средствам и электронным копиям документов архивного фонда Российской Федерации, в т.ч. на основе удалённого доступа.

Это касалось проведения совместных виртуальных / онлайновых выставок, организация которых регламентирована[15], так же как и создание цифровых информационных комплексов, объединяющих документы различных архивных организаций. Например таких, как сайт «Победа 1941—1945 гг.», прототипная версия которого была создана в 2004 году под эгидой Росархива. Содержательную основу сайта составили фотографические документы Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД), ЦГАКФФД Санкт-Петербурга, Центрального архива аудиовизуальной документации Москвы (ЦААДМ), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Помимо этого документальные фотографии предоставили государственные архивы 33 субъектов РФ. В большинстве случаев фотодокументы сопровождаются информацией о месте, дате, авторах съёмок и участниках военных событий, запечатлённых на фотодокументах, а также сведениями о месте их хранения и архивных шифрах. В некоторых фотодокументах неизвестны даты съёмки, сведения об авторах съёмок и др. Кроме фотографий, на портале размещаются кино- и фонодокументы. Поиск может осуществляться по набору поисковых признаков фото-, кино- и фонодокументов (объединены в самостоятельные разделы), а также по тематическому каталогу. Один из разделов посвящён освобождению европейских стран от фашистской оккупации и называется «Освобождение Европы». Сайт «Победа 1941—1945 гг.» является актуализированным и постоянно дополняется новыми фотографиями. Так, в 2023 году на сайте создан новый раздел «Архивы и архивисты в годы Великой Отечественной войны». В 2024 году к 80-летию освобождения Севастополя от немецко-фашистских захватчиков были размещены малоизвестные фотографии и фрагменты документальной хроники, посвящённые освобождению Крыма, в частности документы из коллекции специального фотокорреспондента Главного политического управления Военно-морского флота СССР А.М. Межуева.

Следует отметить, что подробный анализ фотографического военно-исторического наследия, посвящённого мировым войнам, не был запланирован при подготовке этой публикации и будет отражён в отдельной статье.

Среди крупных интеграционных проектов к 100-летию начала Первой мировой войны — создание БД федеральных архивов «Георгиевские кавалеры», объединившей данные обо всех награждённых орденами Св. Георгия, Георгиевскими крестами, а также Георгиевским оружием в период Первой мировой войны. При создании БД использовались фонды РГИА («Капитул российских орденов» — алфавитные списки лиц, награждённых Георгиевскими крестами 1-й, 2-й, 3-й и 4-й степеней за 1914—1917 гг.), РГА ВМФ (приказы по морскому ведомству 1914—1917 гг., по Балтийскому и Черноморскому флотам за 1917 г., наградные листы и переписка о награждениях Главного морского штаба и Морского Генерального штаба), а также комплекс архивных документов РГВИА. Источниками получения данных стали и периодические издания (объекты библиотечного хранения), в которых публиковались сведения о награждённых героях и описания их подвигов. Прежде всего это официальный орган военного ведомства Российской империи — журнал «Военный сборник» и газета «Русский инвалид» за 1914—1917 гг. Как известно, «Военный сборник» используется исследователями для получения официальной информации по Высочайшим приказам, приказам военного министра и другим документам.

Не осталась без внимания Росархива и тематика Второй мировой войны, для чего был привлечён широкий круг документов, находящихся на хранении в федеральных (РГВА, ГА РФ, РГАСПИ, Российский государственный архив новейшей истории и др.) и ведомственных архивах Министерства обороны РФ, Министерства иностранных дел (МИД) РФ, Службы внешней разведки (СВР) РФ. Первоначально основой проекта стала организация традиционных историко-документальных выставок с последующим представлением их интернет-версий в сетевом пространстве. Так, в 2018 году для экспонирования были подготовлены 2 виртуальные выставки: «Накануне и после Мюнхена. Архивные документы рассказывают. К 80-летию “Мюнхенского сговора”» (400 документов) и «1939 год. От “умиротворения” к войне». В 2021 году представлена выставка «Накануне Великой Отечественной. 1 сентября 1939 — 22 июня 1941» и «Великая Отечественная война. 21 июня 1941 — 19 ноября 1942», а в 2022 году — «Великая Отечественная война. 19 ноября 1942 — 7 ноября 1944». Одновременно в 2020 году на сайте Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина был открыт цифровой комплекс «Вторая мировая война в архивных документах». В данном конкретном случае эта библиотека являет-

ся оператором проекта. Среди профильных архивов — участников проекта: ЦАМО РФ, РГА ВМФ, РГВА, Архив СВР России, Архив ФСБ России. Типология представленных на портале библиотеки документов разнообразна. В состав ресурса включены цифровые копии архивных документов, фотографий, фрагментов кинохроники[16]. Особо отмечается, что при формировании ресурса переводятся в электронную форму отечественные, трофейные и зарубежные архивные фонды. Кроме оцифрованных архивных материалов, в комплексе размещён интернет-путеводитель по истории Второй мировой войны, включающий аналогичные отечественные проекты и базы данных. В 2020—2021 гг. в комплекс были включены 5546 архивных документов, в т.ч. карт, схем, периодических печатных изданий, фотографий, кинохроники периода с 1933 года до 22 июня 1941 года. Объём ресурса каждый год увеличивался и на конец 2023 года составлял 11,5 тыс. документов. По данным, представленным на портале Президентской библиотеки, в формировании ресурса принимают участие 12 отечественных и 4 зарубежных архива, что позволяет рассматривать его как международный.

Большую роль в информационном обеспечении научных исторических исследований, сохранении военно-исторического наследия и его популяризации играет воссозданное в 2012 году Российское историческое общество. На историко-документальном просветительском портале РИО представлены не только уже упоминавшиеся «Электронная библиотека исторических документов» и «Открытый архив: электронные публикации архивных документов», но и полные тексты учебно-методических пособий, монографий, сборников. Помимо этого на сайте РИО также представлен виртуальный тур (на самом деле виртуальная выставка) «В штабах Победы. 1941—1945». Этот проект, приуроченный к 75-летию Великой Победы, отражает документы, экспонировавшиеся на историко-документальных выставках, организованных в период с 2015 по 2019 год в Москве и посвящённых теме государственного управления в годы Великой Отечественной войны. Все цифровые копии 714 документов систематизированы и размещены по тематико-хронологическому принципу: «Государственное управление и тыл», «Красная армия и освобождение», «На оккупированной территории», «Антигитлеровская коалиция». Свои информационные ресурсы для виртуальной выставки предоставили ЦАМО РФ, РГВА, Архив Президента РФ, Центральный архив Федеральной службы охраны РФ, Архив Российской академии наук, Историко-документальный департамент МИД РФ, РГАСПИ. Проект также размещён на сайте РГАСПИ, который позднее выпустил 5-том-

«Будь героем Отечественной войны!»
О награждении орденом Отечественной войны 1-й и 2-й степеней
Художники Семён и Степан Аладжаловы
Из фонда Президентской библиотеки. Место хранения оригинала: ГУНБ Красноярского края

«Отомстим! Уничтожим фашистских людоедов!»
Художник И. Рабичев
Из фонда Президентской библиотеки. Место хранения оригинала: ГУНБ Красноярского края

Конвой, движущийся через Атлантику
Из фонда Президентской библиотеки. Место хранения оригинала: Library of Congress Prints and Photographs Division

ный сборник с одноимённым названием «В штабах Победы. 1941—1945»[17].

Ещё одним тематическим ресурсом РИО стал комплекс документов «Сталинград. 1942—1943». Для удалённых пользователей предоставлен доступ к советским и немецким документам, воспоминаниям, фотографиям и справочникам. Всего более 2500 единиц, включая документы из ЦАМО РФ, ГА РФ, РГАКФД и других архивов. Свои информационные ресурсы в проект передал музей-заповедник «Сталинградская битва». Особенностью данного ресурса является наличие переведённых на русский язык документов, полученных из архивных учреждений Германии и США. Также в раздел «Воспоминания» включены стенографические записи воспоминаний участников сражения из научного архива Института российской истории РАН, рукописные воспоминания ветеранов, переданные в районные и школьные музеи Волгограда.

Отдельно отметим, что источником информации по военной истории стал сервис Яндекса «Поиск по архивам», позволяющий находить персональные данные, названия населённых пунктов и любые другие слова в рукописных документах XVIII — начала XX века. Всего в архиве более 12 млн оцифрованных страниц из архивов 15 регионов Российской Федерации.

Более целенаправленно при поиске информации военно-исторического характера могут использоваться отсканированные и распознанные периодические издания «Русский инвалид» (1813—1917), «Армия и флот свободной России», «Вестник военного духовенства» (1890—1917) и газета «Красная звезда». В данном сервисе также реализован принцип интеграции информационных ресурсов архивного и библиотечного хранения.

Информационные сервисы Министерства обороны Российской Федерации

Самым значимым вкладом ЦАМО РФ в информационное обеспечение военно-исторических исследований (наряду с другими архивами) стало участие в создании архивных информационных сервисов Министерства обороны РФ, основанных сразу на нескольких современных технологиях: потокового распознавания, полуавтоматического режима массового сканирования и создания корпоративных порталов. Первым этапом создания системы сервисов стало введение в эксплуатацию компьютерного банка данных «Мемориал» (2007 г.). Вторым — создание БД «Подвиг народа в Великой Отечественной войне» (2010 г.), относящейся к разряду информационных ресурсов открытого доступа, включившего документы о ходе и итогах основных боевых операций, подвигах и наградах всех воевавших в годы Великой Отечественной войны. Возможны следующие опции: «Люди и награждения» (поиск людей по фамилии, имени, отчеству, по цифровым копиям наградных листов, приказам о награждениях и другим документам), «Наградные документы» и «География войны» (поиск по местоположению и месту военных действий)[18].

Дальнейшее развитие проект получил с появлением объединённого портала «Память народа» (2015 г.), собравшего воедино ресурсы «Мемориала» и «Подвига народа...» на обновлённом программно-технологическом комплексе. Интерактивный портал «Память народа» имеет статус ГИС, обеспечивающей интеллектуальный поиск по совокупному массиву документов. Принадлежность к этому статусу позволяет бесплатно предоставлять удалённым пользователям все имеющиеся поисковые сервисы и информационный контент в качестве государственной информационной услуги. «Память народа» включает разделы: «Участники войны», «Боевые операции», «Воинские захоронения», «Воинские части», «Документы частей». Поиск участников войны ведётся по множественным источникам, среди которых наградные документы, учётные и юбилейные картотеки, списки призыва и демобилизации, списки военно-пересыльных пунктов и запасных полков, именные списки частей, картотеки ранений, картотеки офицерского состава, моряков и партизан. Для поиска сведений о гибели участников войны используются документы госпиталей и медсанбатов, поимённые списки захоронений, поиск осуществляется также в сведениях военкоматов по месту призыва. В 2021 году на портале появился новый функционал, обеспечивающий доступ ко всем данным о конкретном участнике войны, так называемая сводная карточка, к которой прикреплены все документы с упоминанием человека, расположенные в хронологическом порядке боевого пути. Для реализации этого функционала были применены интеллектуальные алгоритмы анализа и обработки данных, а также привлечены тысячи операторов для ручного связывания документов портала «Память».

В основе использования раздела «Боевые операции» — интерактивная карта, на которой отмечены места 227 сражений и операций на территории СССР и за его пределами. Географические точки на карте связаны с информацией о каждой боевой части и с расширенным описанием операций, их схемами с линиями фронтов, описаниями подвигов некоторых героев, подборками цитат из документов воинских частей. Военно-исторические карты также использованы для оформления функционала раздела «Воинские части». Для более удобного доступа пользователей к информации массив оцифрованных военных карт был сопоставлен с современными геоинформационными сервисами. При подготовке данных с военных карт были оцифрованы координаты позиций воинских частей в связке с конкретной датой, когда они находились на той или иной территории. Это позволяет отслеживать путь армий, корпусов, дивизий, бригад, полков, а значит, и отдельных людей. Инновационным стало внедрение «временно́й шкалы», передвигаясь по которой, можно проследить изменения по составам воинских подразделений, их местоположению и участию в сражениях. Подобные технологические решения открывают возможности поиска не только мест боевых действий, но и мест захоронений в разделе «Воинские захоронения»[19]. Каждый год на портале становятся доступными новые оцифрованные документы, в частности учётные карточки захоронений со списками захороненных, а также фотографиями и планами мест захоронений, позволяющие установить место погребения; похоронные извещения и сведения о судьбе военнослужащих, хранящиеся в районных военкоматах.

В 2015 году начал формироваться, а в 2017 году продемонстрирован уникальный информационный ресурс для детального изучения событий Первой мировой войны и получения данных о её участниках «Памяти героев Великой войны 1914—1918». Проект реализовывался по инициативе Министерства обороны при поддержке Федерального архивного агентства и Российского исторического общества (размещён на его портале), а также при содействии государственных и ведомственных архивов, крупных научных библиотек страны. Свои фонды

для сканирования открыли военные архивы — РГВИА, РГВА, РГА ВМФ, а также ГА РФ, РГАКФД и Архив МИД РФ, Российская государственная библиотека и Государственная публичная историческая библиотека России.

При разработке проекта получил дальнейшее развитие геоинформационный сервис, связавший современные карты и данные справочников административно-территориального деления губерний Российской империи. Более технологически совершенной стала и «временна́я шкала», охватывающая период с июня 1914 года (Сараевское убийство) по декабрь 1918 года, представляющая собой подробную хронику событий по месяцам каждого года. На портале возможны несколько вариантов поиска: поиск героев войны; событий (общественно-политическое событие, военно-политическое событие, военное событие, эпизод); архивных документов (по архивным реквизитам); по выбранной области на карте захоронений (места погребения и мемориалы); поиск по структуре армии (номер, наименование воинской части, соединения, объединения, командующий) и др. Одновременно на портале возможна и навигация по одноимённым разделам (герои, события, захоронения и др.). Для обеспечения более удобного доступа пользователей ресурсы группируются в самостоятельные тематические поисковые коллекции, например, «Кавалеры ордена Святого Владимира» (2313 награждённых), «Приказы по армиям» (приказы генералов А.М. Каледина, А.А. Брусилова и др.) и т.д.

Как уже отмечалось выше, одной из характерных особенностей современного информационного пространства является стремление к интеграции цифровых ресурсов библиотек, архивов и музеев. В данном случае помимо архивных материалов на портале представлены оцифрованные копии печатных изданий — объектов библиотечного хранения, посвящённых Первой мировой войне, которые могут распределяться по следующим категориям: периодические издания, официальные издания, справочники, историческая и художественная литература, воспоминания, мемуары, письма, карты, иллюстрации, листовки. Несмотря на многообразие типов документов, все цифровые библиотечные ресурсы объединены в раздел «Исторические книги».

Как и вышеупомянутые информационные ресурсы Министерства обороны, ресурс «Памяти героев Великой войны 1914—1918» является постоянно пополняемым ресурсом.

Тематические архивные базы данных по военной истории государственных архивов регионов Российской Федерации

Одним из направлений формирования ресурсной базы для информационного обеспечения исторических исследований являются тематические архивные базы данных, в основе которых лежат научно-справочный аппарат и электронные копии архивных документов. Именно базы данных, сформированные на основе содержания архивных документов, наряду с электронными каталогами и описями, виртуальными выставками и путеводителями по фондам являются средством доступа к значительным по объёмам архивным фондам. Подробная характеристика подобных ресурсов по состоянию на 2016 год дана в работе Ю.Ю. Юмашевой, подчеркнувшей, что формирование востребованных пользователями тематических архивных информационных ресурсов является стратегической задачей информатизации архивов[20]. В других публикациях автора отмечается потенциал их использования при изучении истории народонаселения, генеалогии, исторической демографии, просопографии[21]. Чуть позднее, в 2023 году, было проведено ещё одно исследование тематических баз данных архивов, но ограниченных архивами 10 субъектов Сибирского федерального округа и Государственного архива Республики Бурятия[22]. Выявлены 111 баз данных, среди которых наиболее распространёнными являются БД по документам Великой Отечественной войны. Всего их 16 (в республиках: Алтай — три, Тыва — одна; в Красноярском крае — одна; в областях: Иркутской — три, Кемеровской — одна, Новосибирской — три, Омской — одна, Томской — три). В целом исследователи отмечают широкие тематические границы создаваемых БД. В контексте же данной статьи особый интерес представляют БД, в той или иной мере отражающие аспекты национальной и региональной военной истории.

Анализ сайтов региональных архивов на предмет выявления тематических БД, связанных с отдельными аспектами региональной военной истории, показал, что далеко не все архивы осуществляют подобную деятельность. Качество же имеющихся ресурсов различно. Оно определяется несколькими факторами, из которых основными признаются статус уполномоченного органа исполнительной власти субъекта РФ в области архивного дела и объём финансирования субъекта[23]. Преимущественно на сайтах региональных архивов представляются полные тексты сборников опубликованных документов, виртуальные фотодокументальные выставки и описания историко-документальных выставок, а также мультимедийные про-

екты. Вместе с тем нельзя не отметить и положительно оценить целый ряд тематических информационных ресурсов, представленных на порталах региональных архивов.

Так, на портале архивных учреждений Пермского края «Архивы Прикамья» представлены более 70 тематических баз данных и коллекций, среди которых своды документов по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Помимо этого также присутствуют базы данных о потерях в локальных войнах и конфликтах:

— «Книга Памяти: Афганистан. 1979—1989. База данных военнослужащих, призванных из Пермской области (края), погибших в ходе военных действий в Афганистане»;

— «Книга Памяти: Чечня. 1994—1996. База данных военнослужащих, призванных из Пермской области (края), погибших в ходе военных действий в Чечне» и др.

Базы данных обеспечивают поиск сведений о жителях Пермского края, погибших на полях сражений, эвакуированных и размещённых на временное проживание в населённых пунктах края. На сайте «Архивы Прикамья» также представлена БД «Военнопленные» с биографическими сведениями о более чем 5000 бывших военнослужащих Красной армии (уроженцев Пермского края или призванных на военную службу с территории Прикамья), которые во время Великой Отечественной войны попали в окружение и (или) в плен к противнику, а после возвращения на Родину (побега, освобождения, выхода из окружения) проходили специальную государственную проверку (фильтрацию). Помимо этого на портале представлены оцифрованные Книги Памяти отдельных районов и поселений края. Также в БД представлен ресурс «Мосты памяти», посвящённый семьям советских военнопленных — жителей Пермского края, погибших в лагерях Нижней Саксонии.

На объединённом портале «Донские архивы» (виртуальный архив Ростовской области) представлен электронный ресурс «Документы по Второй мировой войне». На нём, в частности, размещены оцифрованные описи фонда «Золотой фонд Победы. Ростовская наступательная операция 1941 года». Это газетные заметки, оперативные сводки за периоды военных действий, наградные листы отличившихся бойцов и командиров, письма и донесения в вышестоящие инстанции. На сайте также представлена подборка документов донских архивов о преступлениях нацистов против мирного населения в период оккупации Ростовской области. Это фотографии, плакаты, документированные показания свидетелей, акты расправ над красноармейцами и массового уничтожения мирных жителей. Кроме того, на портале размещены тематические подборки архивных документов «Никто не забыт, ничто не забыто»: «Они освобождали донской край», «Книга Памяти воинов и тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны», «...А впереди была целая война». Большое значение имеет то, что практически все архивы Ростовской области представили свои коллекции по военной тематике на объединённом портале. Это — Государственный архив Ростовской области, Архив документов по личному составу Ростовской области, Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области и др.

В Государственном архиве Псковской области реализуются следующие проекты по военной истории: «Великая Отечественная война глазами очевидцев», «Псков разрушенный и восстановленный», «70 лет освобождению Пскова от немецких захватчиков», «Псковская губерния в годы Первой мировой войны». Последний ресурс является самостоятельным разделом сайта, на котором представлен перечень архивных дел, содержащих сведения об участии жителей Пскова в Первой мировой войне. Во втором разделе публикуются цифровые копии сведений о погибших и пропавших без вести.

С 2020 года в Государственном архиве Тюменской области формируется «Коллекция документов по истории Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)», в которой содержатся материалы о призыве граждан, извещения воинских частей о гибели участников войны, награждениях, а также специальная коллекция «Письма с фронтов Великой Отечественной войны». В Саратовском государственном историческом архиве сформирована БД со сведениями о военнослужащих, умерших и похороненных в 1941—1948 гг. на Воскресенском кладбище г. Саратова. Государственный архив Орловской области представляет для удалённых пользователей БД «Партизаны и подпольщики Орловщины», включающую документы Орловского облисполкома за 1965—1968 гг. о награждениях партизан, подпольщиков и мирных граждан, оказывавших им помощь в годы Великой Отечественной войны, а также завершённую БД «Военнопленные Орловского концлагеря (1941—1943)», в которую включены данные о более 14 тыс. военнопленных. Для её создания были использованы книги записей больных, раненых и умерших военнопленных, алфавитные книги, тетради регистрации военнопленных. Среди проектов архива — интернет-проект об участниках Орловско-Курской битвы. Представляемая база данных интернет-проек-

та включает личные данные участников Орловско-Курской битвы — фамилию, имя и отчество, год рождения, место рождения/жительства, награды, фотографии (если имеются).

Государственный архив Липецкой области развивает проект «Липецкий край в годы Первой мировой войны 1914—1918 гг.», включающий справку о событиях Первой мировой войны, списки призванных на службу, убитых, пропавших без вести, инвалидов империалистической войны. На тематическом информационном ресурсе «Русско-японская война 1904—1905 гг.» размещены списки русских военнопленных, вернувшихся после окончания войны. Центральный государственный архив Московской области реализовал интернет-проект к 80-летию Московской битвы в Великой Отечественной войне, который включает несколько разделов со скан-копиями документов по истории битвы. На портале государственного архива Волгоградской области опубликованы две базы данных: «В документах не значился: награждённые медалью “За оборону Сталинграда”» (2023 г.) и электронный ресурс «Судьбы, опалённые войной» (2020 г.). Последний ресурс содержит информацию о призванных райвоенкоматами г. Сталинграда и Сталинградской области в годы Великой Отечественной войны; списки гражданского населения, погибшего во время бомбардировок Сталинграда; списки жителей Сталинграда, угнанных в Германию в 1942 году.

Также нельзя не отметить и следующие региональные информационные тематические архивные ресурсы: «Герои Советского Союза Новосибирской области» мультимедийного архива Новосибирской области; цифровая коллекция «Вклад Кузбасса в Победу» Архивного управления Кузбасса; «Камчатская область в годы Второй мировой войны (1939—1945 гг.) Государственного архива Камчатского края. На объединённом портале Архивной службы Удмуртии представлены несколько тематических БД, включая базу данных «Книга Памяти Удмуртской Республики». В цифровой формат были переведены и распознаны 9 томов Книги Памяти, последовательно публиковавшиеся в 1993—2000 гг., включавшие сведения об уроженцах и жителях Удмуртии, погибших, пропавших без вести и умерших от ран в годы Великой Отечественной войны, а также в военных конфликтах конца XX века.

Многие региональные архивы республик, краёв и областей, куда в годы Великой Отечественной войны осуществлялась эвакуация гражданского населения, представляют тематические ресурсы, которые могут использоваться при изучении статистических и демографических аспектов эвакуации в военный период[24]. Выборочный перечень представлен в таблице. Одновременно архивные учреждения тех городов и областей, из которых осуществлялась эвакуация населения, также создают цифровые ресурсы. Например, создана единая информационная БД жителей Ленинграда, эвакуированных из города в 1941—1943 гг., на основе документов, хранящихся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и части ведомственных архивов города. Проект называется «Блокада Ленинграда. Эвакуация». В 2023 году был запущен межрегиональный виртуальный проект «Сплочённые войной. Эвакуация из Ленинграда и возвращение домой», архивные документы для которого предоставили федеральные архивы, архивы Санкт-Петербурга, муниципальные архивы, архивы предприятий, учреждений и организаций, государственные и муниципальные музеи. Особая роль в данном проекте отведена архивам Урала и Сибири. Всего в проекте участвовали 144 архива из 44 регионов страны. Отдельные региональные архивы предоставляют данные в виде тематических баз данных или подборок документов о военнопленных различных войн, а также пациентах госпиталей.

Например, Центральный архив Нижегородской области подготовил и представил информационный ресурс «Военнопленные Горьковской области», а в Челябинске создана БД «Пациенты госпиталей в годы Русско-японской войны (1904—1905 гг.)». База данных составлена кандидатом исторических наук Н.А. Антипиным на основе архивных документов, посвящённых деятельности эвакуационной комиссии и госпиталей в годы Русско-японской войны (фонды И-146, И-148, И-156, И-157, И-158).

Рамки статьи не позволяют привести все примеры деятельности государственных региональных архивных учреждений по созданию информационных цифровых тематических военно-исторических ресурсов, поэтому мы охарактеризовали наиболее значимые.

В условиях цифровой трансформации научных исследований и повышения интереса к военной истории не только научного сообщества, но и широкой аудитории пользователей, цифровые информационные ресурсы приобретают особое значение. Их представление в свободном доступе на порталах и сайтах архивных учреждений развивается весьма активно. Особо перспективными видятся тенденции развития ГИС в сфере архивной деятельности, обеспечивающих поиск полноценных сведений о требуемых архивных фондах и составля-

ющих их документах в части объединённого электронного научно-справочного аппарата. Выявляется тенденция создания интегрированных цифровых массивов документов по военной истории с привлечением архивов различной ведомственной принадлежности. Огромные массивы архивных документов не позволяют обеспечить их оцифровку в полном объёме, поэтому перевод в электронный формат осуществляется на основе выбранных приоритетов. Это прежде всего исторические события, вызывающие стойкий интерес различных категорий пользователей, а также персоны, связанные с историей российской армии и флота. Положительно может оцениваться формирование тематических цифровых баз данных и подборок, которые могут иметь большое значение не только в качестве источниковой базы научных исследований, но и использоваться в образова-

Таблица

Тематические ресурсы, которые могут использоваться при изучении статистических и демографических аспектов эвакуации в военный период

№ п/п	Архив	Тематический ресурс
1	Государственный архив Ярославской области (межархивная БД)	«Жители блокадного Ленинграда, эвакуированные в Ярославскую область в 1941—1943 гг.»
2	Государственный архив Ярославской области	«Страницы мужества: помощь Ярославской области блокадному Ленинграду. 1941—1944 гг.»
3	Челябинский государственный архив	«Эвакуированные на территорию Челябинской области в годы Великой Отечественной войны»
4	Государственный архив Тюменской области	«Коллекция документов, имеющих сведения о гражданах, эвакуированных в военные годы из г. Ленинграда на территорию Тюменской области, документы, созданные в 1941—1945 гг.»
5	Государственный архив Саратовский области	«Сведения об эвакуированных гражданах во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. с прифронтовой полосы в Саратовскую область (временные периоды — 1941—1943 гг., 1944—1946 гг., 1947—1948 гг.)»
6	Центральный государственный архив Самарской области	«Эвакуированные в Куйбышевскую область в годы ВОВ» (именной каталог)
7	Объединённый государственный архив Оренбургской области	«Эвакуация граждан в Чкаловскую область (1941—1945 гг.)»
8	Государственный архив Новосибирской области	«Эвакуированные в Новосибирскую область»
9	Государственный архив Кузбасса	«Эвакуированные в Кемеровскую область в годы Великой Отечественной войны»
10	Центральный государственный архив Кировской области	«Списки граждан, эвакуированных в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в г. Киров»
11	Центральный государственный архив Кировской области	«Участники Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., умершие в госпиталях Кировской области в 1941—1946 гг.»
12	Центральный государственный архив Республики Дагестан	«Список лиц, эвакуированных из Ленинграда и Ленинградской области и размещённых на территории Дагестанской АССР»
13	Государственный архив Липецкой области	«Списки граждан, эвакуированных из г. Ленинграда в Орловскую (современную Липецкую) область в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»
14	Коми-Пермяцкий окружной архив	База данных «Эвакуированные»
15	Архивы Прикамья	База данных «Эвакуированные дети» (включает в себя основные биографические сведения о детях—воспитанниках ряда школ-интернатов города Москвы и Московской области, эвакуированных в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в Коми-Пермяцкий национальный округ)
16	Мультимедийный архив Новосибирской области	«Эвакуированные в Новосибирскую область»
17	Управление государственной архивной службы Самарской области	«Эвакуированные в Куйбышевскую область в годы Великой Отечественной войны» (именной каталог)

тельных процессах в средней и высшей школе. Дальнейшего изучения требует музейный сегмент информационного пространства на предмет сохранения и актуализации военно-мемориального, историко-документального и военно-исторического наследия.

Примечания

[1] *Мазур Л.Н.* Историческая наука в условиях «цифрового поворота»: этапы и проблемы (на примере изучения бюджетных обследований крестьянских хозяйств в XX в.) // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 76—89.

[2] *Гарскова И.М.* «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: долговременные тренды // Там же. С. 57—75.

[3] *Жабко Е.Д.* Цифровые коллекции как данные: новое направление в работе библиотек. Библиотековедение. 2024. № 73(2). С. 129—142. https://doi.org/10.25281/0869-608X-2024-73-2-129-142.

[4] *Лонская С.В.* «Цифровой поворот» в гуманитаристике и как он возможен в историко-правовой науке // История права: персональный сайт историка права С.В. Лонской. 2020. 23 мая. https://svlonskaya.ru/digitalturn.

[5] *Каленов Н.Е.* Информационное обеспечение науки: современные подходы // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова. М., 2015. С. 17—25.

[6] *Крапоткина И.Е.* Деятельность профессиональных историков в условиях цифровой трансформации // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2021. Т. 41. № 1. С. 26—29.

[7] *Букреев А.И., Жабко Е.Д.* Формирование цифровых ресурсов по военной истории // Библиография и книговедение. 2023. № 4. С. 5—19.

[8] *Воронцова Е.А.* Музей как элемент системы информационного обеспечения исторической науки: теоретико-методологические аспекты проблемы // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «История». 2014(б). № 3. С. 82—85.

[9] Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю.А. Петров. М.: Этерна, 2017. 1008 с.

[10] *Булышкин И.Б., Матвеева Е.С.* К вопросу о методологических особенностях изучения архивов военных лет // Современная научная мысль. 2023. № 2. С. 253—258.

[11] Программа информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему учреждений на 2011—2020 гг.: приказ Росархива от 2 декабря 2011 г. № 104. URL: http://archives.ru/programs/informatization.shtml.

[12] Ведомственная программа цифровой трансформации Федерального архивного агентства на 2022—2024 годы. URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosarkhiva-ot-06052022-n-57-ob-utverzhdenii-vedomstvennoi/#100009.

[13] Доклад «Об итогах работы Федерального архивного агентства в 2023 году, задачах на 2024 год и среднесрочную перспективу» // Федеральное архивное агентство, выступления Федерального архивного агентства. 2023-rosarchive-report.pdf (archives.gov.ru).

[14] *Чистяков О.В.* Российский государственный военно-исторический архив: юбилеи, праздники и будни. К 100-летию Государственной архивной службы России // Военно-исторический журнал. 2018. № 6. С. 65—69.

[15] *Глищинская Н.В., Караваев И.В.* Рекомендации по созданию Интернет-выставок архивных документов. М.: Росархив, 2012. 36 с.

[16] *Афиани В.Ю.* Документальные публикации по истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны на сайте Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина // Библиотековедение. 2020. Т. 69. № 5. С. 4.

[17] В штабах Победы. 1941—1945. Документы в 5 книгах / Отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2020. Кн. 1. 1941. «Вставай, страна огромная». 576 с.; Кн. 2. 1942. «Ни шагу назад!». 576 с.; Кн. 3. 1943. «Ломая упорное сопротивление врага...». 576 с.; Кн. 4. 1944. «Освободить народы Европы». 576 с.; Кн. 5. 1945. «Добить фашистского зверя». 576 с.

[18] *Чернин Э.А.* Автоматизированный банк данных «Книга Памяти» // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 100, 101; *Ларин М.В.* Автоматизированный банк данных о безвозвратных потерях Красной армии в годы войны и перспективы его использования [О создании Книги Памяти] // Вестник архивиста. 1995. № 3(27). С. 87—89.

[19] *Лазарева О.С., Шалаева М.В., Щекотилова С.Н., Щекотилов В.Г.* Базы данных, ГИС и Интернет-технологии при установлении без вести пропавших бойцов Великой Отечественной войны // Геодезия и картография. 2017. № 8. С. 49—58.

[20] *Юмашева Ю.Ю.* Тематические архивные базы данных и информационные ресурсы // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2016. № 4. С.107—119.

[21] *Она же.* Историко-биографические исследования и архивы // Обсерватория культуры. 2015. № 3. С. 103—108.

[22] *Жабинский С.М.* Тематические базы данных государственных архивов Сибирского федерального округа на современном этапе // Отечественные архивы. 2023. № 5. С. 47—52.

[23] *Боброва Е.В.* Сайты российских архивов: взгляд пользователя // Отечественные архивы. 2018. № 6. С. 28—38.

[24] *Потемкина М.Н.* Демографический аспект эвакуации населения в советский тыл в годы Великой Отечественной войны // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе (X Уральский демографический форум): сборник статей. Екатеринбург, 2019. Т. 2. С. 139—143.

A.I. Bukreyev. Ye.D. Zhabko

INFORMATION SUPPORT FOR MILITARY HISTORY RESEARCH: DIGITAL INFORMATION RESOURCES ON THE HISTORY OF WORLD WARS

Information about authors. *Aleksandr Bukreyev — head of the Information History and Science Center, Military Historical Library of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Cand. Sc. (Hist.) (St Petersburg. E-mail: vibgsh_nach@mil.ru);*

Yelena Zhabko — senior researcher at the Information History and Science Center, Military Historical Library of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, D. Sc. (Educ.) (St Petersburg. E-mail: edzhabko@gmail.com).

Summary. *This paper examines the general problems of historical research transforming based on the introduction of information technologies. It presents the results of an analysis of the current state of digital information archival resources on the First and Second World Wars, which are available in open access on the Russian network. The paper provides a detailed account of the information services offered by the Russian Ministry of Defense, including an overview of the thematic databases and digital collections of military-historical interest housed within state regional archives. Additionally, it presents a comprehensive analysis of complex integrated arrays of historical documents. The potential for researchers to work independently with the information resources they require is outlined.*

Keywords: *military history; «digital turn in history»; information resources; World War I; World War II; archives; thematic databases; digital collections; information services; Russian Ministry of Defense.*

А.С. Лизогуб

«200-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ... ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ БЫЛ ОТПРАЗДНОВАН С ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ТОРЖЕСТВЕННОСТЬЮ...»

Сравнительный анализ коммеморативных мероприятий, посвящённых событиям Северной войны, в 1900—1914 гг.

Сведения об авторе. *Лизогуб Анна Сергеевна — доцент кафедры отечественной истории и политологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, кандидат исторических наук (г. Омск. E-mail: chestopalova94@mail.ru).*

Аннотация. *В статье на основе архивных документов и материалов периодической печати осуществлён сравнительный анализ коммеморативных практик, использовавшихся в начале XX столетия в Российской империи для сохранения памяти о Северной войне (1700—1721). Основное внимание автора сосредоточено на выявлении общих и уникальных форм коммеморации отдельных сражений данного военного конфликта. Исследование показало, что все праздничные сценарии включали проведение церковных церемоний, военных парадов и смотров войск, развлечения для нижних чинов. Значимость событий военного прошлого, финансовое обеспечение, масштаб торжеств — всё это главные факторы, предопределившие различия в наборе коммеморативных практик. Сделан вывод о том, что со стороны государственной власти предпринимались попытки привлечь широкие слои населения к участию в мероприятиях по случаю 200-летия побед русской армии в Северной войне. Изменения в области политики памяти привели к адаптации существовавших форм коммеморации и поиску новых инструментов сохранения памяти о героическом прошлом.*

Ключевые слова: *историческая память; Северная война; юбилей; памятные годовщины; Нарва; Гангут.*

Сражение под Нарвой 19 ноября 1700 года
Художник А.Е. Коцебу
Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

Юбилейные кампании, приуроченные к крупнейшим военным победам русской армии, стали одним из важных явлений общественной жизни Российской империи начала XX века. Празднование памятных годовщин создавало условия не только для прославления героических подвигов, но и для подтверждения взаимосвязи прошлого и настоящего. В ходе подготовки и организации юбилейных торжеств совершенствовались уже получившие развитие формы коммеморации, а также создавались новые способы чествования памяти героев и событий военной истории с учётом потребностей эпохи.

В рассматриваемый период особое внимание уделялось вековому юбилею Отечественной войны 1812 года (1912) и 300-летию Дома Романовых (1913), в рамках программы подготовки и празднования которого проводились многие мероприятия, в т.ч. связанные с событиями Северной войны 1700—1721 гг.

Исключительное положение этой войны в военной летописи русской армии обусловлено как количеством выдающихся побед, получением выхода к морю и статуса империи, так и множеством примеров героизма и самоотверженности русских воинов. Длительность военного конфликта способствовала тому, что на протяжении почти всей первой четверти XX столетия в Российской империи обращались к тематике Северной войны. В преддверии её 200-летия со стороны государства и общества велась активная работа по сохранению в памяти потомков славных подвигов русской армии. Обращение к сравнительному анализу форм коммеморации победоносных сражений этой войны позволяет проследить эволюцию методов и способов сохранения памяти о значимых событиях военной истории.

Анализ коммеморативных практик, приуроченных к празднованию 200-летних юбилеев отдельных баталий Северной войны, отражён в серии научных публикаций. Однако внимание научного сообщества было сосредоточено преимущественно на изучении коммеморации Полтавской победы (27 июня* 1709 г.).

В работе В.В. Павленко уделено внимание анализу процесса подготовки Полтавских торжеств 1909 года, а также воссозданию официальных церемоний, проведённых в честь этой годовщины[1]. С.А. Лиманова, рассмотрев участие Николая II в праздновании двухвекового юбилея Полтавской победы, констатировала: проведение торжеств способствовало возрождению имперской идеи и интеграции всего населения[2].

Также на примере юбилейных мероприятий данного события О.В. Гефнер[3] и Н.А. Богданова[4] рассмотрели роль армии в формировании праздничной культуры провинциальных городов Российской империи в конце XIX — начале XX века.

А.В. Мельнов по материалам периодической печати воссоздал трудности и особенности процесса установки памятника Петру I в г. Выборге в 1910 году[5].

П.В. Чернов и С.Ю. Окунев проследили процесс зарождения и эволюции полковых традиций, уходящих истоками к Петровской эпохе[6].

Конструирование мифов, связанных с событиями Северной войны, и их использование в исторической политике Швеции XIX — начала XX века проанализировала Я.И. Ларина[7].

Цель настоящей статьи заключается в выявлении типичных и уникальных коммеморативных практик, использованных в начале XX века для чествования памяти военных событий российской истории на примере анализа 200-летнего юбилея отдельных сражений Северной войны.

В 1900—1914 гг. в праздничной культуре российского общества наряду с «царскими днями», религиозными праздниками, годовщинами организаций и выдающихся деятелей важное место занимали юбилеи значимых событий военной истории. По мнению В.В. Лапина, это было обусловлено «не только особым положением военных во всех сферах, но и связью монархии и военного дела»[8]. Исключительная роль армии и военной истории в жизни Российского государства предопределила особые формы коммеморации героического прошлого.

О.В. Гефнер выделила в структуре празднования военных

* Здесь и далее даты даны по старому стилю.

торжеств три элемента: религиозный, военный и развлекательный[9]. Эти компоненты, являясь неотъемлемой частью большинства торжеств, включались в программу с учётом специфики события, целевой аудитории и места, в котором непосредственно осуществлялось празднование.

Северная война в силу своей длительности и значимости итогов занимала важное место в летописи русской армии. Именно со времён данного конфликта вели свою родословную многие армейские полки. К празднованию в 1900—1914 гг. 200-летних юбилеев отдельных событий войны совершенствовались способы увековечения их памяти, шла активная разработка праздничных сценариев.

Одним из обязательных компонентов празднования являлся религиозный церемониал. Эта часть сценария была в меньшей степени подвержена каким-либо изменениям и, как правило, включала в себя проведение всенощных бдений, панихид, благодарственных молебствий, крестных ходов. Анализ торжественных программ по случаю 200-летия Полтавской битвы и Гангутского боя (27 июля 1714 г.) показал, что началом торжеств выступало совершение всенощного бдения накануне дня празднования.

26 июня 1909 года в честь празднования Полтавской виктории прошло всенощное бдение во всех российских церквях[10]. Непосредственно день празднования начался с Божественной литургии, произнесения заупокойной ектении[11] и поминовения императора Петра I и павших в бою воинов[12]. После этого были совершены благодарственные молебствия с провозглашением вечной памяти Петру Великому и всем погибшим воинам.

По аналогии разрабатывались праздничные сценарии и для меньших по своему масштабу торжеств. Так, в д. Лесной 27 сентября 1908 года (накануне празднования 200-летия битвы 28 сентября 1708 г.) состоялись панихида (у одной из братских могил) и всенощная (в древнем Петровском храме), на следующий день — литургия и молебен[13].

Неотъемлемыми элементами программы стали парады и смотры войск. Парад, как правило, устраивали на открытом пространстве, чаще всего вблизи памятника, связанного с празднуемым событием.

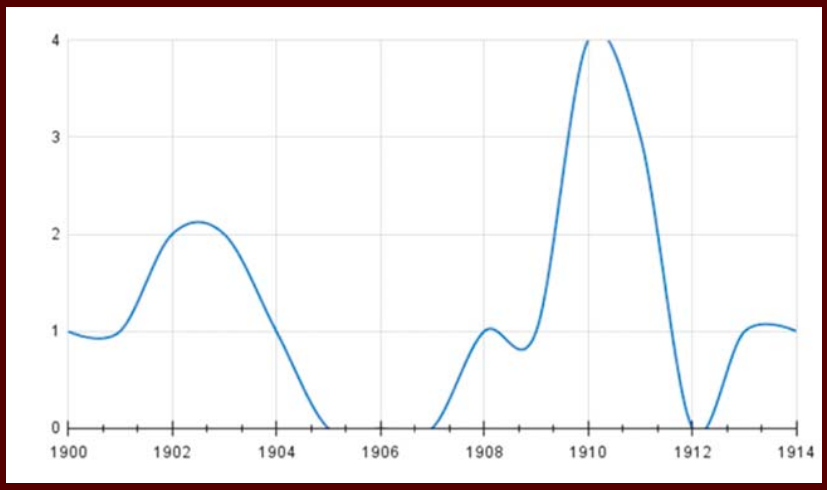
28 сентября 1908 года в честь юбилея победы у д. Лесной в Санкт-Петербурге, возле памятника Петру I, состоялся парад, в котором приняли участие лейб-гвардии Преображенский и Семёновский полки, 1-я его императорского высочества Михаила Павловича батарея лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады и эскадрон лейб-гвардии Кирасирского её величества государыни императрицы Марии Фёдоровны полка. Командовал войсками командир 1-й бригады 1-й гвардейской дивизии генерал-майор А.М. Зайончковский. По высочайшему повелению принимал парад великий князь Владимир Александрович. Во время обхода он поздоровался с войсками и поздравил их с праздником. Далее следовало молебствие, по завершении которого состоялся церемониальный марш войск[14]. В памятный день 27 июня 1909 года Николай II лично присутствовал на параде возле братской могилы в Полтаве; верхом на лошади он объехал находившиеся в строю войска и поприветствовал их[15].

Проведение церемониала вблизи монумента, посвящённого соответствующему событию, наделяло данное пространство особым символическим значением. В 1900—1914 гг. была распространена монументальная форма коммеморации, поэтому зачастую открытие памятников или мемориальных досок в честь того или иного сражения включалось в праздничный сценарий. В таком случае именно эти пространства становились главной или одной из нескольких локаций проведения церковного и военного церемониалов. Так, 4 июля 1910 года в кафедральном соборе г. Риги по прибытии Николая II отслужили Божественную литургию, после которой крестным ходом процессия двинулась к месту открытия памятника. Здесь отслужили молебен, были провозглашены царское многолетие, «вечная память» императору Петру I и многолетие всем русским воинам и верноподданным. Затем архиепископ окропил памятник святой водой. В конце мероприятия войска прошли церемониальным маршем под командованием командира XX армейского корпуса генерала от инфантерии В.В. Смирнова[16].

Необходимо отметить, что монументы выполняли функции мест действия, памяти и скорби. Процесс открытия памятника обязательно сопровождался возложением венков от депутаций и войск. Инициатива возведения монументов по случаю того или иного события военной истории могла исходить от различных акторов политики памяти, но, как правило, это были «потомки» войск, непосредственно принимавших участие в сражениях.

Хотя 19 ноября 1700 года армия Петра I потерпела поражение под Нарвой, память о павших в том сражении воинах бережно сохранялась. И в тот же день, но в 1900 году по инициативе лейб-гвардии Преображенского и Семёновского полков, 1-й батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады состоялись освящение и установка памятника под Нарвой — около д. Вепскюль[17].

В случае отсутствия монумента, закреплявшего за пространством определённый культурный контекст, парад или церемониальный марш проводили перед установленным портретом Петра Великого. Так, командир 1-го Туркестанского армейского корпуса

Динамика актов вспоминания о Северной войне в начале XX столетия
Составлена автором

Крестный ход из церкви Святого Сампсония Странноприимца в Полтаве на поле Полтавской битвы, где 27 июня 1909 г. было совершено молебствие. За духовенством следовали Его Императорское Величество Государь император Николай Александрович, высочайшие особы и свита
Фото К. Булла
Новое время. 1909. 4(17) июля.

Эпизод Гангутского сражения
Художник Л.Д. Блинов, копия с картины К.В. Круговихина
Гангут. 1714: документы и материалы из фондов Российского государственного архива Военно-морского флота в 2 т. Т. 1. СПб.: Альфарет, 2014.

получил сообщение о том, что в день празднования Полтавской победы «двое нижних чинов будут обмундированы в форму солдат петровской эпохи и поставлены в качестве почетных часовых к портрету Петра I во время панихиды и парада»[18].

В начале XX века чествование памяти крупных побед в Северной войне также осуществлялось посредством нумизматики и фалеристики. Медали и памятные рубли вручали, как правило, участникам праздничных мероприятий во время смотра войск. Однако ходатайства о награждении могли поступать и после проведения торжеств[19]. Специальные медали были учреждены в честь 200-летия взятия Нарвы (1904) и Риги (1910), побед под Полтавой (1909) и у мыса Гангут (1914). По случаю же двухвекового юбилея взятия Выборга (1910) был изготовлен специальный нагрудный знак.

Традиция трапезы — торжественного завтрака или обеда в честь вспоминаемого события — была достаточно формализованной, но отличалась особой торжественностью в случае присутствия императора, других представителей царствующего дома или высокопоставленных лиц. К примеру, 28 сентября 1908 года (в ознаменование юбилея победы у д. Лесной) состоялся торжественный обед в Офицерском собрании лейб-гвардии Преображенского полка на 290 персон, среди которых присутствовали и ранее служившие нижние чины[20].

На трапезе зачитывали поздравительные телеграммы, произносили торжественные тосты — не только во славу юбилея, но и в честь императоров Петра I и Николая II, цесаревича Алексея, а также однополчан и всех собравшихся. После, как правило, велись беседы на темы исторического прошлого. В зависимости от сложившихся полковых традиций трапеза могла быть совместной — офицеры и нижние чины, — а могла быть организована по отдельности. В программе торжественных

мероприятий информация о выдаче «улучшенной пищи» нижним чинам отмечалась отдельным пунктом[21].

После окончания официальных церемоний предполагалось проведение их неофициальной части. Развлекательный компонент в наибольшей степени был подвержен изменениям. Неформальные практики в основном включали игры состязательного характера для нижних чинов. В зависимости от финансового обеспечения за победу в соревнованиях могли выдавать призы. В соответствии с утверждённой Николаем II программой празднования 200-летия Гангутской победы предполагались артиллерийские стрельбы, парусные и гребные гонки и другие состязания. По составленной смете на эти цели было выделено 4000 руб.[22]

К неформальной части программы относился также просмотр синематографа (кинофильмов). Данная практика широко применялась во время празднования 200-летия Полтавской виктории. Так, всем армейским частям Туркестанского военного округа предписывалось 29 июня 1909 года «организовать демонстрацию туманных картин об эпохе Петра I, где имелся волшебный фонарь»[23].

В Варшавской крепости также по случаю юбилея вечером на площади перед лагерем был показан синематограф, а затем зажжён блестящий фейерверк, в конце которого «завертелись огневые колеса, рассыпались с треском перед глазами войсковой массы, загорелись разноцветными огнями увенчанные короной инициалы: “П” и “Н”, а посреди “200”»[24].

Таким образом, юбилеи военных событий имели первостепенное значение для армии, и коммеморативные практики прежде всего были ориентированы на военную корпорацию. Однако достаточно унифицированные программы при детальном рассмотрении имели некоторые отличительные черты. Например, нельзя забывать, что набор данных практик изменялся в зависимости от значения того или иного события. 1 июня 1910 года военный министр В.А. Сухомлинов докладывал Николаю II: «200-летний юбилей наиболее знаменательного события — юбилей Полтавской битвы был отпразднован с исключительной торжественностью, и сравнительно скромно прошли юбилеи сражения при деревне Лесной <…>. В ближайшем будущем предстоит празднование 200-летних юбилеев взятия Выборга — 14 июня сего года, Риги — 4 июля и Ревеля — 29 сентября. Чествованию этих событий, несмотря на всю важность их в истории отечества и русской армии, представлялось бы соответственным во избежание больших расходов, неминуемых при особо торжественной обстановке, придать в отношении участия войск исключительно местный характер, привлекая к празднованию только те войсковые части, которые входят в состав гарнизонов названных пунктов»[25].

От значимости события зависели размах торжеств, количество праздничных локаций и актов вспоминания. Главными центрами праздничных торжеств 200-летнего юбилея Полтавской битвы стали Полтава и Санкт-Петербург[26], но новости о мероприятиях по случаю годовщины приходили со всей империи. В соответствии с утверждённой программой чествование двухвековой победы у Гангута должно было проходить фактически одновременно — на месте Гангутского боя, в Санкт-Петербурге, Москве и во всех портах и на судах флота. В начале XX столетия торжества в память о взятии Шлиссельбурга, Нарвы, Выборга, Риги, Ревеля и о других сражениях проводились только в указанных городах.

Несмотря на то что некоторые события Северной войны не получили общероссийской известности, они представляли ценность на локальном уровне. Так, ежегодно проводились церковные ритуалы: поминки, молебны и панихиды по воинам, павшим в сражении при Люцаусгольме в июле 1701 года[27].

Как правило, после проведения данных ритуалов начинались традиционные гулянья, на которые собирались почти все местные жители[28]. В программе торжеств 28—30 сентября 1910 года в г. Ревеле и Эстляндской губернии по случаю 200-летия присоединения последней к Российской империи читаем: «В праздновании юбилея принимают участие: все население Эстляндской губернии, воинские чины Ревельского гарнизона, чины морского ведомства и все суда, стоящие на рейде, все приглашенные на торжества лица и депутации, представители всех ведомств в губернии и воспитанники учебных заведений»[29].

Отличия форм коммеморации событий Северной войны также были обусловлены финансовым обеспечением. В ходе исследования удалось установить, что из государственного бюджета на празднование Полтавской победы было выделено 268 тыс. руб.[30], а Гангутской (по значению равной Полтавской) ассигновалось 110 тыс. руб., несмотря на то, что по изначально составленной смете запрашивалось 190 тыс. руб.[31]

Однако денежные отчисления от государства, равно как и командирование депутаций от различных полков и организаций к месту празднования, осуществлялись только ввиду особой значимости военного события. Как правило, основные финансовые расходы возлагались либо на представителей местной власти, либо на лиц, инициировавших проведение торжественных мероприятий. К примеру, Дума г. Нарвы в 1904 году в честь 200-летия взятия города русскими войсками выделила 1200 руб.[32]

Изменения политики памяти Российского государства, обусловленные поражением в Русско-японской войне (1904—1905) и революцией 1905—1907 гг., привели к поиску новых механизмов сплочения населения и укрепления имперской власти на местах. Для этого государственные власти пытались значительно расширить целевую аудиторию торжественных мероприятий, посвящённых победам русской армии. Привлечение новых слоёв общества к празднованию военных годовщин приводило к поиску и разработке новых способов чествования памяти героического прошлого. Между тем традиционные практики не теряли своей значимости, а скорее были адаптированы к новым условиям.

Просветительно-воспитательные акции (чтения, беседы, лекции, посвящённые славным датам военной истории) получили широкое распространение в начале XX столетия. Обычно накануне юбилеев с нижними чинами проводились беседы, целью которых было ознакомление с непосредственной историей событий. Для просвещения армии и народа издавали научно-популярные труды. Тиражом 500 тыс. экз. вышла брошюра П.М. Андрианова «Петр и Полтава» (1909)[33]; в количестве 200 тыс. экз. планировалось издание популярного сочинения о Гангутском бое[34]. К 200-летию взятия Ревеля был опубликован исторический очерк о крае и капитуляции города (1910), составленный директором народных училищ Эстляндской губернии И.К. Рогозинниковым: «Из 80 тыс. экземпляров 50 тыс. было издано исключительно на русском языке и 30 тыс. с приложением к русскому тексту перевода на эстонский язык»[35]. Публикацией небольших сочинений также были отмечены юбилейные торжества в Риге[36] и Выборге[37].

Также к просветительским мероприятиям стоит отнести организацию исторических выставок и публичных лекций. Историческую выставку в Ревеле (открылась 29 сентября 1910 г.) провели с целью «дать возможно полную картину жизни в эпоху Северной войны»[38]. Здесь были представлены документы, картины, портреты исторических личностей, соответствующие карты и планы, оружие, монеты и медали. Кроме того, имелся отдел мебели, где можно было увидеть комнатную обстановку эпохи Северной войны и личные вещи Петра I.

Привлечение широких слоёв населения к празднованию юбилеев военных сражений способствовало распространению неофициальных практик развлекательного характера. Народные гулянья проходили в течение всех праздничных дней. Для участников этих мероприятий играли духовые оркестры, выступали хоровые коллективы и артисты, шли спектакли и различные представления. Например, в праздничной программе в честь 200-летия взятия Ревеля отмечалось, что «в 8 часов вечера в Екатеринентале[39] в различных местах будут играть оркестры военной музыки, будут приспособлены для танцев народа особые площадки и сожжен по особой программе фейерверк»[40].

Таким образом, Северная война занимала особое место в исторической памяти российского общества в начале XX века. Деятельность различных акторов политики памяти была направлена на увековечение побед русской армии и флота под командованием Петра I. Юбилейными коммеморативными практиками по случаю наступления 200-летних годовщин были отмечены победы русской армии под Шлиссельбургом, Нарвой, Полтавой, Выборгом, Ригой, Ревелем, Гангутом. Анализ праздничных сценариев показал, что для торжественных действий были характерны определённый порядок и наличие формализованных структурных элементов. Проведение церковных ритуалов, военных парадов и смотров войск, организация мероприятий развлекательного характера являлись типичными компонентами юбилейных программ в честь годовщин памятных событий военной истории. Такой формализованный подход во многом был обусловлен ориентацией всех коммеморативных практик на армию, для которой юбилеи отдельных страниц героического прошлого представляли наибольшую значимость.

После поражения России в Русско-японской войне 1904—1905 гг. активизировалась деятельность государственной власти по привлечению широких слоёв населения к празднованию побед русского воинства. В результате смены правительственного курса в политике памяти не только разрабатывались новые формы коммеморации (например, синематограф), но и адаптировались к современным условиям уже существовавшие способы увековечения памяти о героическом прошлом. Следствием этого стало развитие просветительских и развлекательных мероприятий, ориентированных на разные слои российского общества.

Причины отличий в наборе инструментов чествования событий военной истории были обусловлены значимостью битвы или сражения, а также финансированием. Коррективы в праздничные сценарии вносили и объективные обстоятельства. Так, из-за Русско-японской войны празднование 200-летия взятия Нарвы русскими войсками состоялось только в усечённом варианте. Торжества в честь Гангутской победы были перенесены на год, а затем и вовсе отменены по причине начала Первой мировой войны.

Современные вызовы, связанные с ревизией хода и итогов ряда военных кампа-

ний, актуализировали поиск действенных методов защиты исторической правды и памяти о героическом прошлом России[41]. В преддверии 80-летия Победы в Великой Отечественной войне усилия государства, научных и общественных организаций должны быть направлены на популяризацию достоверных исторических знаний посредством публикации научно-популярных изданий, архивных документов, семейных историй. Несомненно, церемонии в честь героических подвигов и жертв советского народа обеспечат связь поколений и укрепят единство нашего общества.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-78-01190 («Военные события в исторической памяти российского общества в начале XX века»).

Примечания

[1] *Павленко В.В.* Торжества в России, посвящённые 200-летию Полтавской битвы // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 6(86). С. 225—234.

[2] *Лиманова С.А.* «Полтавский бой» Николая II // Родина. 2020. № 12. С. 120—122.

[3] *Гефнер О.В.* Праздничная культура военных русской армии (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Вестник Омского университета. 2009. № 3. С. 77—87.

[4] *Богданова Н.А.* Традиции военной праздничной культуры в провинциальных городах России (на примере Архангельска) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018. Т. 12. № 3. С. 56—59.

[5] *Мельнов А.В.* Установка памятника Петру I в Выборге: по материалам периодической печати // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 6. С. 93—100.

[6] *Чернов П.В., Окунев С.Ю.* «В полковом строю штандарт встречали особой музыкой...». Особенности формирования воинских традиций русской армии // Военно-исторический журнал. 2023. № 10. С. 88—99.

[7] *Ларина Я.И.* «Огромная армада кораблей, появившаяся... благодаря сверхчеловеческой силе царя Петра». Северная война 1700—1721 гг. и «российская угроза» в исторической политике Швеции XIX — начала XX века // Военно-исторический журнал. 2021. № 8. С. 28—41.

[8] *Лапин В.В.* Трёхсотлетие дома Романовых и военные юбилеи начала XX века // 400-летие дома Романовых: политика памяти и монархическая идея, 1613—2013 / Отв. ред. В.В. Лапин, Ю.А. Сафронова. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. С. 164.

[9] *Гефнер О.В.* Указ. соч. С. 78.

[10] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 3. Д. 3303. Л. 48.

[11] Особая форма совместного моления на церковных богослужениях.

[12] РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 450. Л. 78.

[13] Русский инвалид. 1908. 10 октября.

[14] Там же. 30 сентября.

[15] Новое время. 1909. 27 июня (10 июля).

[16] Там же. 1910. 5(18) июля.

[17] Правительственный вестник. 1900. 19 ноября.

[18] РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 450. Л. 89.

[19] *Павленко В.В.* Указ. соч. С. 234.

[20] Русский инвалид. 1908. 30 сентября.

[21] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1061. Л. 37.

[22] Там же. Д. 1059. Л. 95 об.

[23] Там же. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 450. Л. 81.

[24] Русский инвалид. 1909. 2 июля.

[25] РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3338. Л. 31, 31 об.

[26] *Шестопалова А.С.* Празднование 200-летия Полтавской битвы: опыт Императорского Русского военно-исторического общества // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: сб. науч. тр. Новосибирск: Ин-т истории Сибирского отд. Рос. акад. наук, 2022. С. 213.

[27] Правительственный вестник. 1901. 13 июля.

[28] [Б.а.] Памяти русских воинов // Журнал ИРВИО. 1913. № 7—8. С. 340.

[29] Русский инвалид. 1910. 18 сентября.

[30] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д.1059. Л. 13.

[31] Там же. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 1537. Л. 9 об.; Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1059. Л. 95 об.

[32] Русский инвалид. 1904. 4 июля.

[33] *Шестопалова А.С.* Указ. соч. С. 216.

[34] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1059. Л. 95.

[35] Русский инвалид. 1910. 18 сентября.

[36] См.: *Болдырев В.Г.* Осада и взятие Риги русскими войсками в 1709—1710 гг. (К 200-летнему юбилею). Рига: Изд. Рижского гор. обществ. управления,1910.

[37] См.: *Бородкин М.М.* Двухсотлетие взятия Выборга. СПб.: Гос. тип., 1910.

[38] Русский инвалид. 1910. 9 октября.

[39] Дворцово-парковый ансамбль в Таллине.

[40] Русский инвалид. 1910. 18 сентября.

[41] *Кикнадзе В.Г.* «Сила V правде». Защита истории как стратегический приоритет обеспечения национальной безопасности России // Военно-исторический журнал. 2022. № 9. С. 4—15. EDN: YEFPPR; *он же.* Вторая мировая война в Европе и Азии и историческая память о ней в современных исследованиях // Движение сопротивления: вклад антифашистских формирований в общую победу. Калининград, 2021. С. 157—164. EDN: LVBUHG.

A.S. Lizogub

«THE 200TH ANNIVERSARY... OF THE BATTLE OF POLTAVA WAS CELEBRATED WITH EXTRAORDINARY SOLEMNITY...»

Comparative analysis of the commemorative events dedicated to the events of the Northern War in 1900—1914

Information about author. *Anna Lizogub — assistant professor at the department of national history and political science, F.M. Dostoevsky Omsk State University, Cand. Sc. (Hist.) (city of Omsk. E-mail: chestopalova94@mail.ru).*

Summary. *The paper, which is based on an analysis of archival documents and periodical press materials, provides a comparative analysis of commemorative practices used in the early 20th century in the Russian Empire to preserve the memory of the Northern War (1700—1721). The author's primary objective is to identify the common and unique forms of commemoration of individual battles of this military conflict. The study demonstrated that all festive scenarios included the observation of church ceremonies, military parades, and troop reviews, as well as the provision of entertainment for lower-ranking personnel. The significance of military past events, financial support, and the scale of celebrations were the primary factors that shaped the diversity of commemorative practices. It can be surmised that the state authorities endeavored to engage a diverse demographic in commemorative events marking the 200th anniversary of the Russian army's triumphs in the Northern War. Transformations in the domain of memory policy have prompted the adaptation of extant forms of commemoration and the pursuit of novel instruments for the preservation of the memory of the heroic past.*

Keywords: *historical memory; Northern War; anniversary; memorable anniversaries; Narva; Gangut.*

ЧЕЛОВЕК С НЕПРОСТОЙ СУДЬБОЙ, ПОЗНАВШИЙ ТРИУМФ ПОБЕД И ГОРЕЧЬ ПОРАЖЕНИЙ...

К 130-летию со дня рождения Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко

Семён Константинович Тимошенко родился 18 (6 по ст. ст.) февраля 1895 года в селе Орман Аккерманского уезда Бессарабской губернии Российской империи (ныне Фурмановка Одесской обл.) в многодетной крестьянской семье.

Во время Первой мировой войны в декабре 1914 года он был призван в армию. В 1915 году окончил полковую и образцовую пулемётную школы. На фронте воевал пулемётчиком в составе 4-й кавалерийской дивизии на Юго-Западном и Западном фронтах. Награждён за храбрость Георгиевскими крестами трёх степеней.

В 1918 году Тимошенко вступил в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии. Командовал взводом, затем эскадроном. В августе 1918 года во главе кавалерийского полка участвовал в обороне Царицына. С ноября 1918 года — командир кавалерийской бригады, которая с июня 1919 года входила в состав корпуса С.М. Будённого.

В ноябре 1919 — августе 1920 года — командир 6-й, а с августа 1920 по октябрь 1921 года — 4-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии. Был пять раз ранен, но не покидал строя. За боевые подвиги в годы Гражданской войны Тимошенко был награждён тремя орденами Красного Знамени и Почётным революционным оружием. В 1922 и 1927 гг. обучался на Высших военно-академических курсах. Также окончил курсы командиров-единоначальников при Военно-политической академии имени Н.Г. Толмачёва в 1930 году. Командовал 3-м и 6-м кавалерийскими корпусами. С августа 1933 года — заместитель командующего войсками Белорусского, а с сентября 1935 года — Киевского военных округов. С июня 1937 года — командующий войсками Северо-Кавказского, с сентября 1937 года — Харьковского военных округов. 8 февраля 1938 года Семён Тимошенко был назначен командующим войсками Киевского военного округа с присвоением воинского звания командарма 1 ранга.

Во время Освободительного похода Красной армии 1939 года Тимошенко командовал Украинским фронтом, а в Советско-финляндской войне 1939—1940 гг. с 7 января 1940 года — Северо-Западным фронтом, войска которого осуществили прорыв линии Маннергейма. 21 марта 1940 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» — за «образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом отвагу и геройство».

7 мая 1940 года Тимошенко был назначен на должность народного комиссара обороны СССР с присвоением высшего воинского звания — Маршал Советского Союза. В 1940—1941 гг. он находился в этой должности, проводя большую работу по совершенствованию боевой подготовки войск, их реорганизации, техническому переоснащению, подготовки новых кадров, которая не была полностью завершена в связи с началом Великой Отечественной войны.

23 июня 1941 года С.К. Тимошенко был назначен председателем Ставки Главного Командования. Однако занимал этот пост только номинально. 19 июля вместо Ставки Главного Командования во главе с Тимошенко была создана Ставка Верховного Главнокомандования под началом И.В. Сталина. В тот же день Сталин сменил Тимошенко на посту наркома обороны СССР, который стал его заместителем и оставался им до сентября 1941 года.

2 июля 1941 года в связи с катастрофическим развитием событий на центральном участке советско-германского фронта Тимошенко был назначен командующим войсками Западного фронта. 10 июля одновременно возглавил Главное командование войсками Западного направления. Вступив в командование Западным фронтом, он пытался разгромить в наступлении немецкие подвижные дивизии, выделив для этой цели 5-й и 7-й механизированные корпуса. В итоге они были потеряны в малоуспешном контрударе на Сенно и Лепель.

В Смоленском сражении в июле—сентябре 1941 года войска Западного фронта понесли тяжёлые потери, однако проявили упорство в бою, сковали немецкие войска и не позволили им продолжить наступление на московском направлении.

13 сентября 1941 года в ходе Киевского сражения С.К. Тимошенко был назначен главнокомандующим войсками Юго-Западного направления. Значительная часть Юго-Западного фронта оказалась в окружении; управление фронта, пытаясь выйти из кольца, было разгромлено. 30 сентября Тимошенко сам возглавил воссозданный Юго-Западный фронт, оборонявшийся на южном фланге советско-германского фронта. В это время основные силы фронта проводили Сумско-Харьковскую оборонительную операцию, а войска левого крыла фронта участвовали в Донбасско-Ростовской оборонительной операции.

В конце ноября 1941 года Семён Тимошенко руководил Ростовской наступательной операцией советских войск. 28 ноября Ростов-на-Дону был взят, что стало одной из первых побед Красной армии в 1941 году.

В декабре 1941 — январе 1942 года он руководил Курско-Обоянской наступательной операцией, а в мае 1942 года — Харьковской операцией, в результате которой крупная группировка Красной армии потерпела поражение. В результате окружения под Харьковом в плен попали более 200 тыс. солдат и офицеров,

что послужило одной из причин будущей тяжелейшей ситуации под Сталинградом и на Кавказе.

Сам Тимошенко остался в живых и плена избежал. В июле 1942 года он был назначен командующим Сталинградским фронтом. С октября 1942 года командовал войсками Северо-Западного фронта. 13 марта маршал Тимошенко был снят с этого поста. С марта 1943 года и до конца войны он был представителем Ставки Верховного Главнокомандования и осуществлял координацию действий ряда фронтов, принимал участие в разработке и проведении некоторых операций, в т.ч. Ясско-Кишинёвской.

После Великой Отечественной войны командовал войсками Барановичского (с марта 1946 г. — Белорусского), с июня 1946 года — Южно-Уральского, с марта 1949-го — Белорусского военных округов.

С апреля 1960 года — в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. В 1962—1970 гг. — председатель Советского комитета ветеранов войны.

За годы службы С.К. Тимошенко был награждён Георгиевскими крестами трёх степеней, дважды медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, а также пятнадцатью советскими орденами, в т.ч. и орденом «Победа», почётным оружием (именными шашками) с орденом Красного Знамени и золотым изображением Государственного герба СССР, шестнадцатью медалями СССР, орденами и медалями иностранных государств.

Умер Семён Константинович Тимошенко — человек с непростой судьбой, познавший триумф побед и горечь поражений, — 31 марта 1970 года. Похоронен 3 апреля на Красной площади в Кремлёвской стене. Его именем названы улицы в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Минске, Ростове-на-Дону. В 2017 году ему был открыт памятник в Костроме, на территории Военной академии войск радиационной, химической и биологической защиты и инженерных войск имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко.

Публикация Н.Л. Крыловой

С.К. Тимошенко, С.М. Будённый и К.Е. Ворошилов в период Гражданской войны (справа налево)

Нарком обороны СССР Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко и командующий войсками Киевского особого военного округа генерал армии Г.К. Жуков на манёврах
1940 г.

Возложение цветов к могиле Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко у Кремлёвской стены

А.А. Зданович

«ПРОТИВОСТОЯЩИЕ ФРОНТУ ЧАСТИ 1-Й ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ НАХОДЯТСЯ В ПРОЦЕССЕ РАЗЛОЖЕНИЯ И ДЕМОРАЛИЗАЦИИ»

Деятельность органов «Смерш» на территории Венгрии в 1944—1945 гг.

Сведения об авторе. *Зданович Александр Александрович — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, действительный член Академии военных наук, генерал-лейтенант запаса, доктор исторических наук (Москва. E-mail: mil_hist_magazin@mail.ru).*

Аннотация. *В статье рассматривается деятельность органов военной контрразведки «Смерш» по нейтрализации усилий спецслужб фашистской Германии и их сателлитов по срыву наступательных действий частей Красной армии, развёртыванию широкомасштабных диверсионно-террористических акций в прифронтовой зоне в освобождавшихся районах Венгрии. Отмечается, что системно выстроенная работа органов госбезопасности предотвратила многократные попытки вражеской агентуры дестабилизировать военно-политическую ситуацию в этих районах.*

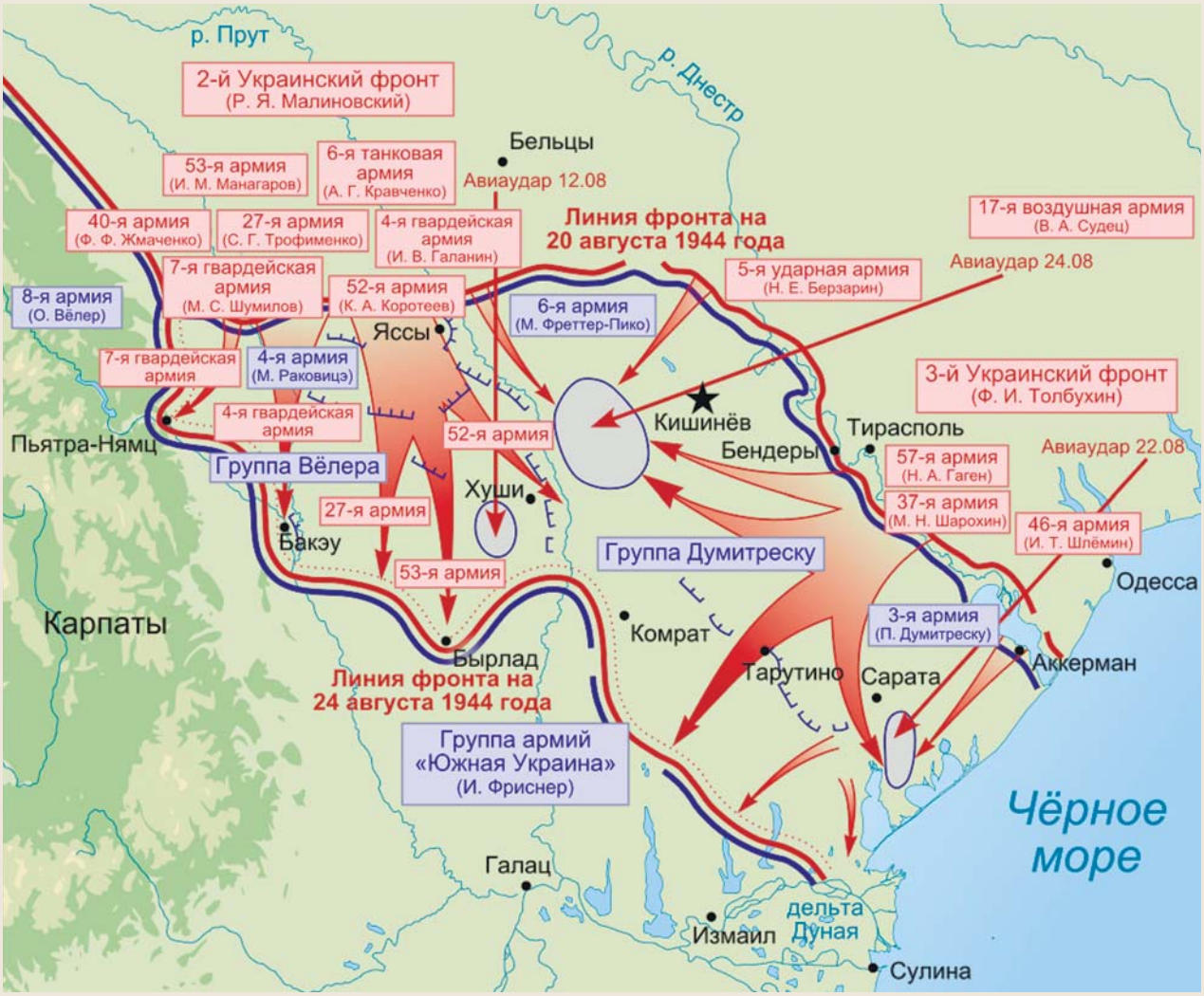
Ключевые слова: *Ясско-Кишинёвская стратегическая наступательная операция; военная контрразведка; «Смерш»; освобождение Венгрии; абвер.*

Разгром войсками Красной армии группы армий «Южная Украина» в ходе проведения Ясско-Кишинёвской стратегической наступательной операции самым серьёзным образом повлиял на политическую обстановку в Венгрии, обострил военно-политическое положение в стане германского сателлита. Венгерская армия, хотя и сохраняла возможность ведения боевых действий, находилась уже далеко не в том состоянии, как при вступлении страны в войну против СССР.

В советском Генеральном штабе было осознание того, что продвижение в Венгрию сулит заметный военный выигрыш — наши войска имели бы возможность через Чехословакию охватить Германию с юга. Но использовать армии 4-го Украинского фронта для наступления на Венгрию через Карпаты было проблематичным. Поэтому Ставка Верховного Главнокомандования (ВГК) приняла решение задействовать 2-й Украинский фронт. 5 сентября 1944 года командующему фронтом Маршалу Советского Союза Р.Я. Малиновскому было приказано обойти Карпаты с юга. «Манёвр, задуманный Ставкой, — отмечал в своих мемуарах генерал армии С.М. Штеменко, — был более глубоким, чем предполагал командующий 2-м Украинским фронтом, и таил в себе многие возможности для последующего развития операций, создавая угрозу окружения вражеских войск, оборонявшихся в Закарпатской Украине и Трансильвании»[1]. Предполагалось активно задействовать перешедшие на нашу сторону румынские войска, прежде всего 1-ю армию в Трансильвании, поскольку румыны были готовы биться за свои территории, ранее отторгнутые Венгрией.

Полностью скрыть сосредоточение войск 2-го Украинского фронта на новом направлении было, конечно же, нельзя, поэтому разведка Генштаба и фронтовая разведка докладывали, что венгерские власти охватили панические настроения. 7 и 8 сентября собрался на совещание регентский совет во главе с адмиралом М. Хорти. Рассматривался единственный вопрос — просить гитлеровское руководство об оказании экстренной помощи, хотя звучали отдельные голоса за установление контактов с англичанами и американцами с целью побудить их путём дипломатического давления на СССР снять угрозу продвижения Красной армии в Венгрию. Такого рода настроения стали известны германской разведке, и уже 13 сентября Гитлер собрал совещание по венгерскому вопросу. Командующему немецкой группой армий «Юг» генерал-полковнику Г. Фриснеру были даны, по сути, диктаторские полномочия. Ему поручалось взять под полный контроль гражданские и военные венгерские власти.

Необходимо отметить, что Венгрия в 1942—1944 гг. реально оставалась единственной воюющей страной Европы, где не было немецких войск. Но с учётом складывавшейся ситуации Гитлер 12 марта 1944 года подписал план «Маргарет-1» по вводу частей вермахта в союзническую страну методом так называемой «мирной оккупации»[2]. Как отмечают современные венгерские историки, вместе с войсками вермахта Венгрию наводнили официальные сотрудники и агенты главного управления имперской безопасности, в состав которого уже тогда были переданы разведывательные и контрразведывательные подразделения абвера. У них имелся заранее заготовленный список почти 400 ненадёжных венгерских политических и общественных деятелей — депутатов парламента, журналистов, руководителей профсоюзов и социал-демократов. Сразу же были арестованы 9 депутатов и 13 членов нижней палаты парламента[3]. Адмирал М. Хорти пока ещё сохранял пост главы государства, но находился под жёстким давлением имперского наместника Э. Везенмайера. Он, в частности, даже не смог противостоять аресту гестаповцами одного из руководителей венгерской военной разведки генерал-полковника Д. Кадара, который с молчаливого согласия адмирала руководил «наведением мостов» с англо-американским командованием.

Ясско-Кишинёвская стратегическая наступательная операция

В.С. Абакумов

П.П. Тимофеев

М. Хорти

Представляется, что для советского руководства неким знаком достижения договорённости о перемирии явилось прибытие в начале октября 1944 года в Москву венгерской делегации под руководством инспектора жандармерии генерал-лейтенанта Г. Фараго. Заметим, что одним из организаторов поездки делегации, возможно, являлся полковник Л. Кухти — начальник 2-го (разведывательного) бюро венгерского генштаба. Имел отношение к указанным действиям и предшественник Л. Кухти — генерал Штефан Уйсаси. Вот что пишет о нём бывший шеф 6-го (разведывательного) управления РСХА В. Шелленберг: «После событий в Румынии мы установили, что и Венгрия имеет связи с Советами, осуществляемые, в частности, через шефа венгерской службы безопасности генерала Уйсаси… Но со временем он, видимо, подпал под влияние своей сотрудницы Каталины Коради, в прошлом кинозвезды, которая поддерживала связи с одним из руководителей подпольной коммунистической партии Венгрии Ласло Райком. Теперь Уйсаси начал прощупывать возможность мира с Москвой. В результате операции “Мышь” немецкая разведка проникла даже в среду заговорщиков, окружающих самого Хорти»[4].

Пребывание венгерской делегации в Москве впервые и достаточно полно описал историк советской военной разведки В. Лота[5]. Автор ссылался на ещё не изданную в то время рукопись своего коллеги Е.В. Попова «В лабиринте секретных операций», написанную в 2003 году. Поэтому правильнее будет иметь в виду текст воспоминаний последнего — «Венгерская рапсодия ГРУ», увидевших свет через семь лет — в 2010 году[6].

Рассмотрим раздел, который Е.В. Попов назвал «Злополучное письмо Макарова». Речь идёт о якобы полученном венгерским государственным руководством письма от некоего комиссара партизанского отряда Макарова, написанного якобы по заданию советского руководства, чтобы подтолкнуть Венгрию к переговорам о перемирии. Обстоятельства появления данного документа Е.В. Попов так и не выяснил, хотя опросил некоторых венгерских и советских историков и даже привлёк архивные материалы Центрального и Украинского штабов партизанского движения. Кроме того, мемуарист даже не указал на возможность зондирующих действий в отношении венгерского руководства со стороны 1-го и 4-го управлений Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ) СССР, а также Главного управления контрразведки Народного комиссариата обороны (ГУКР НКО) «Смерш». А может быть, именно здесь проявилась бы причина «вмешательства» (по утверждению автора) военной контрразведки в лице В.С. Абакумова в процедуру встречи и работы с венгерской делегацией. Приведу информацию, которую Е.В. Попов, являясь по должности переводчиком, только что приступившим к прохождению службы в Разведуправлении Генерального штаба (РУ ГШ) РККА, скорее всего, знать не мог. Во-первых, глава делегации генерал-лейтенант Г. Фараго несколько лет пробыл в Москве в должности военного атташе Венгерского посольства. Следовательно, им вплотную занимался, а точнее разрабатывал, 1-й отдел Контрразведывательного управления НКВД СССР, который организовывал борьбу с германской разведкой и спецслужбами сателлитов рейха. Начальником этого подразделения чекистских органов являлся тогда ещё майор госбезопасности П.П. Тимофеев. С образованием органов «Смерш» он стал в этой службе сначала начальником 4-го отдела, отвечавшего за работу в тылу противника, а вскоре помощником начальника ГУКР НКО «Смерш» и продолжал курировать действия в тылу врага управлений контрразведки «Смерш» 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов. Он был инициатором создания спецшколы 4-го отдела главка по подготовке зафронтовых

оперативных групп. Две такие группы — «Александров» и «Владимиров», — имевшие в своём составе до 20 человек каждая, снабжённые радиостанциями, действовали с сентября 1944 года в Словакии и некоторых приграничных районах Венгрии. А именно в Словакии и пересекли линию фронта члены венгерской делегации. Поэтому можно допустить, что с санкции руководства ГУКР НКО «Смерш», а возможно, даже по его прямому указанию злополучное «письмо Макарова» (по оценке Е.В. Попова) вполне могло быть масштабной чекистской операцией по обеспечению безопасности подошедших к границам Венгрии наших войск с целью предотвращения активных боевых действий венгерской армии против них. Тогда понятно, почему в РУ ГШ РККА ничего не знали о «письме Макарова» и почему В.С. Абакумов якобы договорился с членом военного совета 4-го Украинского фронта генерал-лейтенантом Л.З. Мехлисом о передаче перешедших фронт венгерских делегатов в ведение военной контрразведки[7].

Во-вторых, историкам спецслужб доподлинно известно, что служебные (конспиративные) квартиры в Серебряном Бору, куда доставили членов делегации, имели только органы госбезопасности, а не Разведуправление Генерального штаба РККА. В-третьих, начальник РУ ГШ генерал-лейтенант Ф.Ф. Кузнецов почему-то направил Е.В. Попова на Лубянку встретить передававшегося из НКГБ (а может быть, из ГУКР НКО «Смерш», которое тоже находилось на Лубянке) привезённого почему-то из Румынии секретаря указанной выше делегации И. Тарнаи. Автор мемуаров не даёт пояснений этому очень странному факту — все члены делегации под опекой РУ ГШ, а секретарь находится на Лубянке. Допускаю, что состояние агентурной работы в РУ ГШ было настолько высоким, что позволяло именно данному органу выходить на уровень секретных операций, затрагивавших военно-политические вопросы в международной сфере даже без участия НКГБ СССР. Но, скорее всего, такого рода действия относились к компетенции Главного разведывательного управления НКО СССР.

А теперь непосредственно о теме переговоров. 8 октября венгерскую делегацию принял В.М. Молотов, который вручил её главе предварительные условия перемирия, главным из которых было объявление войны Германии. Делегаты Венгрии подписали предложенный текст. Но они не знали, что гитлеровская контрразведка засекла работу радиостанции из королевского замка, её сеансы связи с делегатами в Москве. Немцы незамедлительно привели в готовность диверсионно-террористический спецбатальон СС под командой О. Скорцени. Вечером 14 октября был похищен младший сын адмирала М. Хорти[8]. В тот же день диверсанты О. Скорцени похитили командующего оборонительными силами венгерской столицы генерал-лейтенанта С. Бакаи.

М. Хорти, не имея сведений об этих событиях, продолжал попытки реализовать процедуру выполнения условий соглашения с СССР о перемирии. В частности, адмирал дал указание начальнику генштаба генерал-полковнику Я. Верешу направить закодированный приказ армии, предписывавший установление контактов с советскими войсками. Доставить приказ по назначению не удалось. Возможно, его заблокировали на одном из пунктов связи сотрудники германских спецслужб. На рассвете 16 октября 1944 года отряды СС и 24-го танкового корпуса немцев штурмом взяли резиденцию главы государства М. Хорти. Члены его семьи были задержаны, адмирала принудили подписать заранее составленное обращение к венгерскому народу о сложении с себя полномочий и назначении главой правительства фашиста Ференца Салаши. Естественно, новый «вождь» страны выступил за совместное с германскими войсками активное сопротивление наступавшим частям Красной армии.

Ставка ВГК, Генеральный штаб Красной армии и, конечно же, ГУКР НКО «Смерш» учитывали факт «мирной» оккупации Венгрии войсками вермахта ещё в марте 1944 года и произошедший в октябре фашистский переворот. Для чекистов это означало полное господство германских спецслужб в стране и подготовку совместных с венгерской разведкой подрывных акций в отношении наступавших советских фронтов.

В середине января 1945 года в органы «Смерш» действующей армии поступил приказ начальника главка В.С. Абакумова об усилении агентурно-оперативного обслуживания частей Красной армии в связи с её вступлением на территорию противника. Здесь важно подчеркнуть, что в указанном документе не шла речь о борьбе с изменническими проявлениями в войсках и дезертирством. Эти направления работы чекистов потеряли свою актуальность и ушли на второй план. Отражение такого положения находим в спецсообщении отдела контрразведки (ОКР) «Смерш» командующему 17-й воздушной армией за январь 1945 года. Генерал-полковник авиации В.А. Судец получил информацию контрразведчиков, что в армии дезертировал только один военнослужащий. Он и ещё 37 дезертиров из других объединений были разысканы и задержаны. Все арестованные изменники Родине совершили преступления ещё в 1941—1943 гг. Новых фактов перехода на сторону врага не имелось[9].

В приказе В.С. Абакумова говорилось о необходимости сконцентрировать внимание на ограждении от подрывной деятельности вражеских разведслужб штабов, узлов связи, шифровальных и других важных органов, чтобы не допустить какую-либо возможность проникновения туда агентуры противника[10]. Обо всех поступавших сигналах по недостаткам в охране штабов и иных органов управления требовалось

незамедлительно информировать командование и через него добиваться принятия необходимых мер.

Особое внимание чекистов обращалось на усиление охраны складов с боеприпасами, вооружением, горюче-смазочными материалами и другими видами довольствия. Контрразведчики тревожились недаром, поскольку уже получили информацию об усилении диверсионных действий со стороны врага. Несколько абвергрупп (АГ) (№ 201, 206 и 214) к тому времени передислоцировались из Румынии на территорию Венгрии. Они ориентировались на подготовку диверсантов из числа членов фашистской партии «Нилош Керестеш» («Скрещённые стрелы»; основана Ференцем Салаши в 1937 г.) и её молодёжного крыла под названием «Левенте». К примеру, АГ-214, расположившаяся в местечке Таш-Пуста, имела на конец сентября 1944 года 30 уже обученных подрывников из указанной категории лиц[11].

Беря пример с германских «коллег», венгерские спецслужбы спешно организовывали и свои диверсионные школы. Только отдел контрразведки 17-й воздушной армии в январе и первой декаде февраля 1945 года выявил наличие нескольких спецшкол. Агент венгерской разведки Ю. Варга, арестованный 21 января, на допросе показал, что являлся членом «Левенте» и в ноябре 1944 года после беседы с немецким офицером был направлен в диверсионную школу в селе Балатон-Марья. В школе курсантов обучали способам применения взрывчатых веществ для подрыва мостов, железнодорожного полотна и других объектов. Варгу с напарником снабдили пятью килограммами взрывчатки каждого и перебросили к линии фронта с заданием самостоятельно перейти её и проводить диверсии в тыловых районах. Группа прибыла в г. Печ и занялась подготовкой подрыва железнодорожной линии на участке Печ — Сигетвар, по которой передвигались воинские эшелоны[12].

В городе Секешфехервар 5 января контрразведчики задержали агента-диверсанта венгерской разведки члена «Левенте» И. Киша. После окончания спецшколы в г. Мор он и ещё шесть подготовленных диверсантов за несколько дней до прихода частей Красной армии перешли на нелегальное положение с заданием осуществить диверсии на складах боеприпасов и на железной дороге. Уже 24 декабря 1944 года они произвели подрыв городского моста. В дальнейшем фашистский резидент Пинке нацелил подчинённых диверсантов на совершение подрывов военных складов нашей армии в окрестностях города. Поскольку в первых числах января Пинке был арестован органами «Смерш», резидентура не успела предпринять дальнейших действий.

В городе Мохач 10 января контрразведчики выявили и арестовали довольно важную персону — официального работника венгерских спецслужб лейтенанта Ч. Мортона, он же «Доктор Кароль». Словак по национальности, Мортон проживал в Будапеште, но ещё в 1925 году временно выехал в Чехословакию, где окончил разведывательную школу и вернулся в венгерскую столицу. В соответствии с полученным заданием он поступил в военное училище, затем напросился на учёбу уже в разведшколу генштаба Венгрии, а после её окончания служил в центральном управлении венгерской контрразведки на должности начальника шифровального отдела. По распоряжению руководства «Доктор Кароль» в октябре 1944 года был командирован в город Печ, где должен был остаться для разведывательной и диверсионной работы после прихода войск Красной армии. На допросе в ОКР «Смерш» 17-й воздушной армии он показал следующее: «Капитан Айзенхаузер (представитель немецкой военной разведки) поставил передо мной задачу — войти в доверие военного коменданта г. Печ…»[13]. С приходом частей Красной армии Мортон действительно втёрся в доверие к назначенному командованием коменданту, представился специалистом по ремонту автотехники и предложил свои услуги в деле снабжения комендатуры легковыми машинами. Получив соответствующие документы, «Доктор Кароль» мог свободно разъезжать по тылам наших войск и собирать разведывательную информацию. 15 декабря 1944 года его задержали сотрудники «Смерша» и временно оставили под стражей в городской комендатуре. Из-за упущений в организации охраны задержанного немецкий разведчик капитан Айзенхаузер организовал бегство «Доктора Кароля», и тот первое время скрывался на конспиративной квартире. Затем, поменяв документы, Мортон связался с местной коммунистической организацией, представившись посланцем Центрального комитета Венгерской компартии, и даже взял под контроль несколько типографских пунктов. В ходе поиска «Доктора Кароля» контрразведчики установили место его пребывания, и во время попытки отпечатать и размножить листовку с призывом оказывать сопротивление Красной армии он был арестован[14].

Стоит привести ещё один пример успешной деятельности сотрудников «Смерша» 17-й воздушной армии, соединения и части которой передвигались значительно медленнее, чем соединения общевойсковых объединений, и поэтому могли более активно вести разыскную работу в окружении своих районов аэродромного базирования. Отсюда и более весомые оперативные результаты их работы. Так, в последний день января 1945 года армейский ОКР «Смерш» провёл операцию по выявлению места нахождения и затем арестовал в 5-м районе Будапешта помощника начальника политической службы фашистской партии «Нилош Керестеш» Арпада Варгу. При его допросах выяснилось, что он перед занятием венгерской столицы войсками Красной армии организовывал аресты венгерских коммунистов в городе и участвовал в расстреле более

50 из них. Варга сознался, что в Будапеште создана «специальная партизанская подпольная группа» в составе 20 человек, прошедших диверсионную и террористическую подготовку. Он указал чекистам место тайного склада с оружием и взрывчатыми веществами. По прибытии на место контрразведчики выяснили, что склад уже «опустошён» чуть ранее их коллегами из отдела «Смерш» 7-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта, арестовавшими нескольких членов вышеуказанной диверсионно-террористической группы[15].

Для обеспечения безопасности тыла Красной армии на территории Венгрии контрразведчики выполнили важную операцию — радиоигру «Приятели», проводившуюся из Бухареста. В ходе неё были однозначно установлены факты массовой подготовки диверсантов в Венгрии и создания тайных складов с оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами в районах предполагавшегося наступления советских войск на венгерском направлении. Этими средствами планировалось воспользоваться для акций диверсионно-террористического характера на коммуникациях Красной армии. Такого рода действия предстояло пресечь фронтовым контрразведчикам управления контрразведки (УКР) «Смерш» 2-го и 3-го Украинских фронтов.

Основные оперативные мероприятия должны были проводиться с учётом постановления Государственного комитета обороны (ГКО) № 6803/с от 27 октября 1944 года «О задачах Красной армии в связи с вступлением на территорию Венгрии». Эти задачи мало чем отличались от аналогичных решений по Румынии, Польше и Болгарии. Набор конкретных мер предполагал активные действия командования, политических органов и, пусть и не названных напрямую в документе, органов контрразведки «Смерш». Теперь кажутся довольно странными некоторые пункты указанного постановления ГКО, которые требовали от военных властей по отношению деятельности старых органов полиции «не препятствовать исполнению их обязанностей». Если это относилось к низовым звеньям уголовной полиции, то здесь был определённый резон, но на аппараты тайной политической полиции страны — германского сателлита опираться было совершенно невозможно. Нельзя было не учитывать и оккупацию Венгрии немецкими войсками, а также реальную зависимость венгерских спецслужб от спецслужбы нашего основного врага — главного управления имперской безопасности. В этом отношении у военных контрразведчиков уже был опыт работы в Румынии, когда пришлось активно участвовать в «перетряхивании» практически всего личного состава румынской Специальной службы информации. Но полностью очистить эту структуру от профашистских элементов и англо-американских симпатизантов не удалось не только до конца 1944 года, но даже и весной 1945-го. Примерно такую же ситуацию сотрудники «Смерша» прогнозировали и в Венгрии. Поэтому можно считать, что ГКО по некоторым соображениям, прежде всего внешнего соблюдения некоего баланса интересов с нашими союзниками в этой центральноевропейской стране, не стал проводить чистку венгерских спецслужб.

Решение этого вопроса оставили на потом, поскольку было ясно: освободят Венгрию от фашистов и германских войск только советские войска, а не союзники, и тогда необходимые меры будут приняты. А пока венгерские спецслужбы продолжали проводить шпионско-подрывные акции в районах соприкосновения с войсками Красной армии.

Ставка ВГК приказала командованию 4-го Украинского фронта временно перейти к обороне, поскольку в Генеральном штабе РККА уже была информация о подготовке антифашистского восстания в Словакии. Верховный главнокомандующий И.В. Сталин дал указание Генеральному штабу РККА, чтобы войска были готовы к продвижению в Карпаты. Ставка ВГК учитывала успешное продвижение 2-го и 3-го Украинских фронтов. 4-я и 7-я гвардейская армии 2-го Украинского фронта уже нацелились на заход в Венгрию в обход Карпат с юга[16].

Планом Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского предусматривалось создать угрозу окружения немцам и венграм в районе Клуж — Орадеа-Маре и Хацег. Объединения 2-го Украинского фронта изготовились к проведению Дебреценской наступательной операции. Пленные офицеры венгерской армии сообщили, что командующий 1-й армией генерал-полковник Б. Миклош резко отрицательно отнёсся к оккупации Венгрии германскими войсками и на этой почве готов к контактам с советским командованием. Разведотдел штаба 4-го Украинского фронта и управление контрразведки «Смерш» инициировали подготовку и направление генералу коллективного письма якобы от имени пленённых венгерских офицеров. Это послание доставили через линию фронта и вручили командующему. Прочитанное письмо, а также известия о репрессиях немцев в Будапеште по отношению к некоторым офицерам и генералам подтолкнули его и часть штабных работников к принятию решения о переходе на сторону Красной армии, что и произошло 16 октября 1944 года. Естественно, боевые действия против 4-го Украинского фронта практически сразу прекратились.

Основные операции в Венгрии должен был проводить 2-й Украинский фронт, облегчая предполагавшееся продвижение соседей — 4-го Украинского фронта. Генерал армии С.М. Штеменко отмечал, что оборона противника была достаточно мощной, особенно прикрывавшая Будапешт с востока на рубеже реки Тисы. Бои велись очень тяжёлые и первоначально без значительного успеха для наших войск. «Даже невозмутимого Родиона Яковлевича Малиновского иногда покидало душевное равновесие», — писал С.М. Штеменко[17].

К исходу дня 3 ноября 1944 года введённые в сражение 4-й и 2-й гвардейские механизированные корпуса продвигались вперёд, но остановились из-за ожесточённого сопротивления противника всего в 10—15 км к югу от Будапешта. На этом наше наступление и закончилось. Изготовившимся было к активной работе в венгерской столице оперативным группам управления контрразведки «Смерш» 2-го Украинского фронта приступить к проведению операций тогда так и не пришлось. Представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко доложил в Москву, что сложности возникли не столько из-за противодействия врага, сколько потому, что «командиры соединений и их штабы несколько избалованы успешными действиями в Румынии и Трансильвании и не организуют по-настоящему взаимодействие родов войск»[18]. Был уже не 1941 или 1942 год, и маршал не поставил перед контрразведчиками «Смерша» и военной прокуратурой задачу расследовать причины отсутствия реальных успехов и определить виновных в этом лиц из числа комсостава. Поэтому сейчас сложно представить читателю обзор чекистских мероприятий на указанном направлении, хотя отдельные факты провалов локальных операций с указанием возможных субъективных причин были отмечены в ряде спецсообщений УКР «Смерш» фронта в военный совет.

К операциям на будапештском направлении был подключён 3-й Украинский фронт, завершивший боевые действия в Югославии. 20 ноября оба фронта перешли к активному наступлению. Желая сохранить исторические ценности Будапешта и избежать ненужного кровопролития, советское командование предъявило врагу ультиматум. Но наши парламентёры были убиты немецкими солдатами по приказанию своих командиров. Капитуляция не состоялась.

По оценке генерала С.М. Штеменко, ошибочными и ура-патриотическими были доклады в Москву члена военного совета 4-го Украинского фронта Л.З. Мехлиса о низком уровне морально-политического состояния венгерских войск. Так, 28 октября он доложил Верховному главнокомандующему И.В. Сталину следующее: «Противостоящие фронту части 1-й венгерской армии находятся в процессе разложения и деморализации. Ежедневно войска берут по 1000—1500—2000 и более пленных...»[19]. И якобы, основываясь на такого рода сведениях, И.В. Сталин дал указание Генеральному штабу проработать вопрос о продолжении боевых операций и взятии Будапешта. А что, собственно говоря, преувеличил Л.З. Мехлис? Не полагаясь на точность всей информации из его докладов, следует всё же привести и высказывания насчёт боеспособности венгерских войск бывшего командующего немецкой группой армий «Юг» генерала Г. Фриснера. «Низкая боеспособность венгерских частей на всех участках фронта группы армий, — писал в мемуарах немецкий командующий, — постепенно стала внушать нам всё большую тревогу. Со всех участков немецкие командиры обращались с жалобами на недостаточную выдержку и стойкость венгров, которые постоянно ставили под угрозу наш фронт»[20].

Началу наступления на Будапешт предшествовала Дебреценская операция, в результате которой советские войска разгромили трансильванскую группировку противника. В освобождённом советскими войсками городе Дебрецен было собрано Временное национальное собрание Венгрии и принята программа восстановления и подъёма страны. В 20-х числах декабря 1944 года удалось сформировать Временное национальное правительство во главе с перешедшим на сторону Красной армии бывшим командующим 1-й венгерской армией Б. Миклошем. Понятно, что в стороне не осталось и управление «Смерш» фронта. Среди пленённых или добровольно сдавшихся офицеров чекисты приобрели оперативные позиции и задействовали их для более полного изучения кандидатов на министерские должности. Ведь среди последних были и представители павшего хортистского режима, включая уже упомянутого выше генерал-полковника Г. Фараго. Военным министром стал бывший начальник генерального штаба Венгрии генерал-полковник Я. Вереш.

Через отдел фронтовой разведки и УКР «Смерш» Вереш поставил перед начальником Разведывательного управления Генштаба РККА генерал-лейтенантом Ф.Ф. Кузнецовым вопрос о комплектовании новой армии, в т.ч. и из военнопленных венгерских солдат и офицеров, находившихся в спецлагерях в России. «Вереш просил как можно скорее передать в распоряжение военного министерства Венгрии офицеров и унтер-офицеров, находящихся в русском плену, чтобы создать костяк, на котором можно было бы наращивать армию»[21]. Вереш явно хотел довести до контрразведчиков «Смерша» (поскольку вопрос о лагерях военнопленных находился в ведении их коллег из НКВД СССР) идею чистки офицерского состава от «швабов» и замены этой категории военнослужащих военнопленными.

Строительство новой венгерской армии началось в январе 1945 года после подписания в Москве соглашения о перемирии. Первым был сформирован железнодорожный отряд, чтобы обслуживать (восстанавливать) разрушенные пути на участке Чоп — Дебрецен[22]. Контрразведывательное обеспечение бригады и позднее созданных подразделений осуществляло управление контрразведки «Смерш» 2-го Украинского фронта.

Ликвидация немецких группировок в Трансильванских Альпах, Карпатах и в районе Белграда позволила советским войскам подготовить удар в направлении главного стратегического объекта — Будапешта. 26 декабря 1944 года войска 2-го и 3-го Украинских фронтов завершили окружение 188-ты-

сячной группировки врага в Будапеште. 1 января 1945 года начался решительный штурм венгерской столицы[23]. А уже 13 февраля после ожесточённых боёв части РККА овладели городом. В Будапеште начали свою работу оперативные группы УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта.

Некоторые итоги оперативной и следственной деятельности с января по 16 февраля 1945 года чекисты доложили военному совету. За этот период были выявлены, задержаны и разоблачены 267 агентов противника. В их числе 34 агента-парашютиста немецкой и венгерской разведок. Плюс к тому 164 агента проникли в наши тылы через передний край. Важно отметить, что в основном агенты противника состояли членами фашистской партии «Нилош Керестеш» и её молодёжного крыла «Левенте»[24]. Чекисты установили, что в Будапеште немецко-венгерским командованием был организован разведывательно-диверсионный отряд, который возглавлял подполковник Пала Пронаи. Отряд насчитывал более 800 человек, разделённых на 4 батальона. Это были молодые люди из структур «Левенте». Часть из них прошла спецподготовку в диверсионных школах, и после окончания учёбы произошло переформирование отряда. Были созданы 8 диверсионных групп по 6—12 человек в каждой. Пять групп забросили в тыл наступавших частей Красной армии, а остальные располагались в Будапеште и его окрестностях. Вблизи переднего края отдел контрразведки «Смерш» 57-й армии задержал 24 диверсанта из указанного отряда[25]. Основную часть оставшихся в Будапеште диверсантов контрразведчики арестовали уже при проведении разыскной работы в венгерской столице.

Активно действовали и сотрудники УКР «Смерш» 2-го Украинского фронта. Оперативные группы с 15 января по 15 марта 1945 года арестовали в Будапеште 588 человек, в числе которых были 46 агентов германской разведки и 64 венгерской[26].

Таким образом, можно констатировать, что военные контрразведчики успешно решили свою основную задачу — не позволили спецслужбам врага сорвать наступательные действия частей Красной армии, сберегли жизни многих сотен наших воинов, нарушив планы противника по развёртыванию широкомасштабных диверсионно-террористических акций в прифронтовой зоне, в освобождавшихся районах Венгрии, в её столице и в тылах 2-го и 3-го Украинских фронтов.

Примечания

[1] *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1985. С. 234.
[2] *Желицки Б.* Военно-политическая ситуация в Венгрии и гитлеровская оккупация 1944 г. // Великая Отечественная война. 1944. М., 2014. С. 104.
[3] Там же. С. 113.
[4] *Шелленберг В.* В паутине СД: мемуары. М.: Вече, 2012. С. 352.
[5] *Лота В.* Информаторы Сталина. Неизвестные операции советской военной разведки 1944—1945. М.: Центрполиграф, 2009. С. 311—326.
[6] *Попов Е.В.* «Венгерская рапсодия ГРУ». М.: Вече, 2010.
[7] Там же. С. 195.
[8] *Мадер Ю.* По следам человека со шрамом. Документальный рассказ о бывшем начальнике секретной службы СС Отто Скорцени. М.: Политиздат, 1965. С. 78, 79.
[9] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.6. М.: Кучково поле, 2014. С. 112.
[10] Там же. С. 37.
[11] Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. Симферополь. Б.и. С. 173.
[12] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... С. 113.
[13] Там же. С. 117.
[14] Там же. С. 118.
[15] Там же. С. 121.
[16] *Штеменко С.М.* Указ. соч. С. 232.
[17] Там же. С. 253.
[18] Там же. С. 261.
[19] Там же. С. 256.
[20] *Фриснер Г.* Проигранные сражения. М.: Воениздат, 1966. С. 143.
[21] *Штеменко С.М.* Указ. соч. С. 269.
[22] Сборник военно-исторических материалов. Вып. 19. М.: Воениздат, 1968. С. 117.
[23] *Малиновский Р.Я.* Битва за Венгрию // Освобождение Венгрии от фашизма. М.: Наука, 1965. С. 23.
[24] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... С. 141.
[25] Там же. С. 148.
[26] Там же. С. 321.

A.A. Zdanovich

«THE UNITS OF THE 1ST HUNGARIAN ARMY FACING THE FRONT ARE IN THE PROCESS OF DISINTEGRATION AND DEMORALIZATION»

Activities of the SMERSH Organs on the territory of Hungary in 1944—1945

Information about author. *Aleksandr Zdanovich — senior researcher at the Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, full member of the Academy of Military Sciences, lieutenant general (res.), D. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: mil_hist_magazin@mail.ru).*

Summary. *The paper examines the activities of the military counterintelligence agency SMERSH, which was established with the objective of neutralizing the efforts of the special services of Nazi Germany and their satellites to disrupt the offensive actions of the Red Army units and to deploy large-scale sabotage and terrorist actions in the frontline zone in the liberated regions of Hungary. It is observed that the systematic efforts of state security agencies have successfully thwarted numerous attempts by enemy agents to destabilize the military-political situation in these regions.*

Keywords: *Jasi-Kishinev strategic offensive operation; military counterintelligence; SMERSH; liberation of Hungary; Abwehr.*

С.Д. Климовский,
А.В. Лосик

ВОЕННОЕ СУДОСТРОЕНИЕ РОССИИ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XX ВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Сведения об авторах. *Климовский Сергей Данилович — учёный секретарь Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого Министерства обороны РФ, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: navalmuseum_dm@mil.ru);*

Лосик Александр Витальевич — заместитель главного редактора журнала для учёных «КЛИО», доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург. E-mail: poltorak2006@yandex.ru).

Аннотация. *В статье анализируется реализация авторского подхода к изучению историографии отечественного военного судостроения (кораблестроения) как неразрывной составной части всей индустрии страны, включая не только сами предприятия и верфи судостроительной промышленности, но и отрасли производства, которые снабжали судостроение всем необходимым для постройки и эксплуатации кораблей и судов Военно-морского флота в исследуемый период. Отмечается, что в рассматриваемой монографии использованы в ссылках и библиографическом списке более 1600 наименований печатных научных трудов. Особенностью исследования является то, что на его основе автором выявлены и сформулированы перспективные направления для дальнейшего изучения проблематики истории военного судостроения, а также смежных отраслей индустрии.*

Ключевые слова: *военное судостроение; допетровская Россия; промышленность Санкт-Петербурга; эпоха парусного флота; казённое судостроение; частное судостроение; постройка кораблей парового флота; броненосный флот.*

В 2023 году вышла в свет фундаментальная монография доктора исторических наук, профессора Т.В. Алексеева*. Она открывает серию задуманных автором работ по истории военной промышленности дореволюционной России. Тимофей Владимирович Алексеев, по его словам, «ставит своей целью проанализировать и обобщить результаты исследований по данной проблематике отечественных авторов» — от ранних работ до исследований постсоветского периода. Обращение автора к этой теме, как он поясняет, связано с важной проблемой в изучении военной промышленности дореволюционной России — практически отсутствием в историографии трудов обобщающего характера. Результаты анализа развития отечественной военной промышленности Т.В. Алексеев планирует опубликовать в четырёх томах.

В качестве методологического подхода для создания такого рода комплексных трудов автор предполагает использование богатого исследовательского материала, который уже накоплен в отечественной историографии. Говоря о содержании понятия «военная промышленность», Т.В. Алексеев в своих работах намерен применить максимально расширительный подход. Будут рассмотрены не только отрасли промышленности, которые производили как собственно средства вооружённой борьбы, так и предметы снабжения и средства материального обеспечения армии и флота.

Первый том задуманной серии посвящён истории отечественного военного судостроения (кораблестроения) с момента основания Российского регулярного флота в конце XVII века и до революции 1917 года. Выбор автора в пользу военного судостроения в качестве первоначального предмета изучения обусловлен важностью этой отрасли в хозяйственной жизни государства — одного из главных факторов создания и развития военного флота. Судостроение играло большую роль в развитии промышленности России, вклад этой отрасли в становление экономической и оборонной мощи государства неоспорим. Судостроительная отрасль представляется автору монографии как важная составная часть национальной индустрии.

* *Алексеев Т.В.* История военной промышленности России (XV — начало XX вв.). Опыт изучения отечественной историографии. Т. 1. История военного судостроения (XVII — начало XX вв.). СПб.: Трактат, 2023. 926 с.

Тема истории флота и военного судостроения традиционно весьма популярная в нашей стране и одна из самых востребованных среди отечественных исследователей. Для современных историков множество работ в этой области создаёт, по мнению автора монографии, весьма солидную историографическую базу для проведения дальнейших исследований.

Монография Т.В. Алексеева относится к редкому типу изданий, подготовленных с широким использованием как библиографических источников, так и трудов по историографии затрагиваемых проблем по рассматриваемой теме. Данное исследование выполнено в жанре историографо-библиографического обзора. К его достоинствам следует отнести то, что автор использовал в постраничных ссылках и библиографическом списке более 1600 наименований печатных научных трудов — книг, монографий, авторефератов диссертаций, статей и др.

В монографии исследуются деятельность основных центров военного судостроения в различных регионах России, общие особенности состояния и проблемы развития судостроительной отрасли. Уделено внимание истории постройки кораблей в эпохи парусного флота, переходного периода (парового флота) и броненосного флота. Рассматривается развитие и смежных по отношению к отечественному военному судостроению отраслей промышленности, поставлявших необходимые материалы, механизмы, вооружение, оборудование и приборы для постройки военных судов.

Структура работы построена вполне логично и удобна для ознакомления с темой. Автора отличает скрупулёзный и тщательный подход к используемому материалу. Монография состоит из введения (ко всей серии задуманных автором книг), введения к первому тому, четырёх разделов, заключения, библиографического списка, указателя имён и указателя предприятий и фирм.

В разделе I «Становление и развитие основных центров военного судостроения (XVII в. — 1917 г.)», состоящем из 12 глав, исследуются становление и развитие центров военного судостроения в различных регионах России — на Балтике, Русском Севере в Архангельском регионе, в Волжско-Каспийском регионе, бассейнах Азовского и Чёрного морей, в азиатской части страны. Рассказывается о военном судостроении от периода допетровской России до состояния производственной базы судостроения «дредноутного» периода. В целом в этом разделе, являющемся самой большой частью монографии, весьма подробно и обстоятельно рассмотрены затронутые вопросы с широкой опорой на ранее опубликованные труды.

Анализируя приведённый материал, автор приходит к заключению, что опыт допетровского судостроения был использован уже в период правления Петра I. В ходе строительства Азовского флота был создан первый в России судостроительный кластер. Результаты азовского судостроения не позволяют дать ему однозначную оценку. Однако несомненно его влияние на создание других подобных центров. Автор монографии приводит мнение современных исследователей о том, что Архангельские верфи следует считать крупнейшим судостроительным предприятием России периода парусного флота. Созданная в Поволжье судостроительная база вполне успешно справлялась с поставленными перед ней задачами. Т.В. Алексеев присоединяется к высокой оценке результатов развития промышленной базы Балтийского флота в Петровский период. Однако, по сравнению с черноморскими верфями, процесс внедрения новых технологий в балтийское судостроение до середины XIX века шёл несколько медленнее. Важнейшими факторами развития промышленности Санкт-Петербурга в XIX веке стали превращение машиностроения в ведущую отрасль промышленности города и переход к броне-

Обложка книги

носному судостроению. Деятельность Российского флота на Азовском и Чёрном морях предоставляла большую свободу действий местным кораблестроителям и позволила сформировать плеяду выдающихся корабельных мастеров. Автор монографии поддерживает высокую оценку черноморской школы кораблестроения адмирала М.П. Лазарева до середины XIX века. Парусные линейные корабли Черноморского флота по своим характеристикам не уступали западным аналогам. «Додредноутный» период в истории броненосного судостроения на Чёрном море ознаменован резким количественным и качественным пополнением главных сил Черноморского флота. Судостроение в азиатской части России дало толчок развитию Охотской, Сибирской и Аральской флотилий, озёрных сил на Байкале, пароходству на Амуре, созданию судостроительной и судоремонтной базы во Владивостоке, Порт-Артуре и др. Развитию судостроения в «дредноутный» период автор монографии уделяет пристальное внимание. Помимо казённых предприятий описана деятельность и частных судостроительных фирм на Балтике и Чёрном море.

Раздел II «Общие проблемы развития судостроительной промышленности России в XIII — начале XX вв.» состоит из 7 глав и повествует о различных аспектах развития судостроительной отрасли в эпоху парусного флота, раскрывает общие проблемы в период парового и броненосного судостроения, в т.ч. в «дредноутную» эпоху. Уделено внимание системе управления военным судостроением и её эволюции, использованию в отечественном судостроении зарубежного научно-технического и технологического опыта. Рассматриваются вопросы кадрового обеспечения судостроительной отрасли и подготовки специалистов, а также их социального положения. В последней главе раскрывается тема роли выдающихся россиян, оставивших свой след в истории отечественного судостроения. Роль персоналий автор описывает начиная с Петра I и уделяет внимание большинству известных корабельных мастеров, инженеров, а также офицеров и адмиралов, связанных с судостроением.

Т.В. Алексеев солидарен с оценкой некоторыми исследователями результатов развития судостроительной отрасли к концу эпохи парусного флота (середина XIX в.). Российский флот не достиг качественного и количественного уровня западных флотов, но русские специалисты стремились следовать техническим достижениям других держав, совершенствуя свой флот. Общей проблемой парового и броненосного судостроения до начала XX века являлась крайне неэффективная система управления и организации работ на казённых предприятиях. К тому же промышленная база отставала от быстро растущих потребностей броненосного судостроения. В «дредноутный» период, несмотря на ряд проблем, судостроительное производство многократно расширилось, в самые короткие сроки была проведена его коренная реконструкция. Российский флот пополнился значительным количеством кораблей новых типов, в т.ч. с турбинными двигателями.

Система управления кораблестроением в дореволюционный период в советской историографии не нашла детального отражения. В работах более позднего времени отмечается, что сложившаяся система управления оказалась вполне эффективной. Говоря об использовании в отечественном судостроении иностранного научного, технического и технологического опыта, автор монографии приходит к выводу о том, что на всех этапах истории судостроительной промышленности дореволюционной России она находилась под сильным влиянием зарубежного научно-технического и технологического опыта и была с зарубежными контрагентами в постоянном взаимодействии, носившем характер зависимости. В то же время, сотрудничая с судостроителями Западной Европы и США, отечественное судостроение выступало в качестве получателя знаний, техники и технологий, а западные партнёры — в роли приобретателя финансовых средств из российского бюджета. Социальное положение рабочих-судостроителей в трудах современных исследователей рассматривается с позиций историзма.

Раздел III «История постройки отдельных кораблей и развития классов кораблей» состоит из 3 глав и описывает развитие классов военных судов и отдельных военных судов эпохи парусного флота, переходного периода и эпохи парового и броненосного флота. Важной особенностью этого раздела является обращение автора монографии почти ко всем публикациям по данной теме, в т.ч. наиболее информативным, вышедшим в 1960—2010-е годы.

В первой главе уделено внимание развитию основных классов российских военных судов эпохи парусного флота — от линейных кораблей до гребных судов и судов прибрежного действия. Во второй главе рассмотрены военные суда переходного к паровому флоту периода — пароходы, пароходофрегаты и винтовые линейные корабли, а также первые броненосные суда. Третья глава посвящена военным судам эпохи броненосного флота — броненосным кораблям, эскадренным бро-

неносцам (с 1892 г.) и линейным кораблям (с 1907 г.), броненосцам береговой обороны и канонерским лодкам, крейсерам, миноносным кораблям (миноноски, миноносцы, минные крейсеры, эсминцы), подводным лодкам, минным заградителям и тральщикам, судам прочих классов и типов.

В разделе IV «Смежные отрасли» в шести главах рассматривается развитие смежных по отношению к судостроению отраслей производства. Вначале речь идёт о лесозаготовительной и лесопильной промышленности, затрагивается проблема охраны корабельных лесов. Описываются парусное и канатное производства, металлургическая промышленность и металлообработка в периоды парусного и броненосного судостроения, изготовление брони. Уделено повышенное внимание машиностроительной промышленности с кратким описанием основных предприятий в этой сфере, в т.ч. в период броненосного судостроения. Дан анализ отечественных достижений в судовом турбостроении, башенном производстве, выпуске минно-торпедного вооружения и морском приборостроении. Отдельная глава посвящена роли электротехнической промышленности в оснащении кораблей. Среди прочих отраслей производства, имевших отношение к военному судостроению, рассматриваются лишь химическая и пищевая промышленность. Как нам представляется, материалы данного раздела монографии являются в отечественной историографии, пожалуй, первым комплексным исследованием проблематики истории деятельности отраслей, непосредственно связанных с развитием судостроения.

Автору представляется весьма актуальным проведение комплексного исследования истории допетровского судостроения с позиций формирования отраслевых принципов. Указывается, что в истории создания Азовского флота не нашли должного освещения ряд важных вопросов. К числу слабо освещённых вопросов автор относит постройку военных парусных судов на частных верфях в Архангельском регионе. Т.В. Алексеев считает, что внимание исследователей должно быть привлечено к судостроению в Волжско-Каспийском регионе в период парового флота, истории основных верфей в этом регионе. К числу проблемных вопросов автор относит возникновение и эволюцию системы управления кораблестроением на протяжении дореволюционного периода, т.к. практически никто из исследователей этим специально не занимался. По мнению Т.В. Алексеева, требуется более широко и комплексно освещать проблему военно-технического сотрудничества с зарубежными странами в области военного судостроения. Пристальное внимание исследователям следует обратить на проблемы подготовки кадров судостроителей и их социального положения.

Наиболее перспективными для будущих исследований, по мнению автора монографии, являются вопросы истории развития отраслей промышленности, обеспечивавших отечественное военное судостроение, в первую очередь машиностроения. История производства корабельных энергетических установок, как считает Т.В. Алексеев, до сих пор не освещена в специальной комплексной работе, кроме отдельных публикаций в периодических изданиях. Требуют изучения и проблемные вопросы в отношении уровня развития машиностроительной отрасли дореволюционной России. Также практически неохваченной является история производства электротехнической продукции для нужд судостроения. Большее внимание следует уделять вопросам изготовления и развития средств связи для флота. Автор монографии считает, что внимательный читатель после ознакомления с его работой сможет найти в ней и другие темы для перспективных исследований истории военного судостроения в дореволюционной России.

Библиографический список, приведённый в монографии, насчитывает 1602 наименования. Его составление следует признать большой заслугой автора, подготовившего, как нам представляется, самый обширный в отечественной морской библиографии список трудов по анализируемой теме. В этом списке большое внимание уделено работам по истории флота и судостроения, опубликованным в журнале «Судостроение». В данном журнале впервые в научно-производственных периодических изданиях нашей страны с 1960-х годов существует раздел «История флота и судостроения». Помещённые в нём работы составили костяк пятитомной истории отечественного судостроения, опубликованной в 1990-е годы к 300-летию Российского флота. В монографии автор во многом опирался на статьи из других периодических изданий, таких как «Морской сборник», «Гангут» и пр.

Монографию завершают обширный указатель имён и, что особенно ценно, указатель предприятий и фирм. В последнем приведены ссылки на адмиралтейства, верфи, лесопильни, заводы и другие производства Российской империи, а также на иностранные фирмы и предприятия.

К основным недостаткам монографии Т.В. Алексеева, по нашему мнению, следует отнести некоторую растянутость изложе-

ния. Кроме того, возникает дискуссионный вопрос об отнесении канатного производства к текстильной промышленности. Да, пеньково-джутовое производство относится к этой отрасли и изготавливает текстильные и канатные материалы. В эпоху парусного флота канатное производство имело огромное значение, и Россия располагала соответствующими предприятиями мирового уровня. Однако уже в XIX веке в Российском флоте нашли применение металлические тросы и канаты. Мы считаем, что правильнее было бы рассматривать в монографии канатное производство отдельно как изготовление неметаллических (волокнистых) и металлических канатов на соответствующем технологическом оборудовании. В разделе IV вовсе не рассмотрены отдельными пунктами состояние и проблемы производства корабельного артиллерийского вооружения (хотя упомянуто о башенном производстве), тралов, противолодочных сетей, глубинных бомб, дальномеров, перископов и других боевых средств, которым в Российском флоте уделялось пристальное внимание, в особенности в канун и в период Первой мировой войны. Хочется надеяться, что автор в будущем посвятит этим вопросам отдельную публикацию. Также следовало бы круг изучаемых предприятий, работавших на Морское министерство России, расширить рядом других смежных отраслей, а не ограничиться только химической и пищевой промышленностью. К таким производствам можно было бы отнести каменноугольную и оптическую промышленности (дальномеры и перископы), котлостроение, дизелестроение и производство электрического судового оборудования (о котором можно было бы рассказать отдельно и более подробно), изготовление аккумуляторов для подводных лодок, рассмотренное лишь фрагментарно, и др.

В заключение ещё раз подчеркнём, что главным достоинством рассматриваемого исследования является методический подход Т.В. Алексеева к изучению историографии выбранной им проблематики развития военного судостроения, который основывается не только на изучении работы промышленности, занятой постройкой военных кораблей, но и на анализе тех смежных отраслей индустрии, которые обеспечивают создание и эксплуатацию материально-технической базы отечественного Военно-морского флота.

Издание иллюстрировано портретами видных персоналий, фотографиями кораблей, заводов и верфей, планами адмиралтейств, рисунками различных производств и др.

В результате проведённой работы автором предложен ряд перспективных направлений в дальнейшем изучении проблематики истории отечественного военного судостроения, а также смежных отраслей промышленности. Монография Т.В. Алексеева представляет значительный интерес для специалистов в области истории Военно-морского флота, военного судостроения и смежных отраслей промышленности, для преподавателей высших и средних специальных учебных заведений, студентов, аспирантов, исследователей, а также для широкого круга любителей истории флота и судостроения. Научная проблематика истории дореволюционного судостроения в России, как показал автор, весьма обширна и многогранна. Монография является хорошей научной и источниковой базой и может с успехом использоваться для проведения дальнейших исследований в области истории военного судостроения в дореволюционной России.

S.D. Klimovsky, A.V. Losik

MILITARY SHIPBUILDING OF RUSSIA AT THE END OF 17 — BEGINNING OF 20 CENTURY IN THE MIRROR OF DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

Information about authors. *Sergey Klimovsky — scientific secretary at the Peter the Great Central Naval Museum of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Cand. Sc. (Hist.) (St Petersburg. E-mail: navalmuseum_dm@mil.ru);*

Aleksandr Losik — deputy editor-in-chief of the magazine for scientists CLIO, D. Sc. (Hist.), professor (St Petersburg. E-mail: poltorak2006@yandex.ru).

Summary. *The paper examines the implementation of the author's approach to the study of historiography of domestic military shipbuilding as an integral component of the country's entire industrial sector. It encompasses not only the enterprises and shipyards directly involved in shipbuilding but also the industries that supplied the necessary resources for the construction and operation of Navy vessels during the period under study. It is noteworthy that the monograph under consideration makes use of in excess of 1,600 titles of printed scientific works in its references and bibliographic lists. A distinctive aspect of the study is that the author identified and delineated promising avenues for further investigation into the historical issues pertaining to military shipbuilding and associated industries.*

Keywords: *military shipbuilding; pre-Petrine Russia; St. Petersburg industry; era of the sailing fleet; state shipbuilding; private shipbuilding; construction of ships of the steam fleet; armored fleet.*

КЛУБУ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ — 20 ЛЕТ!

20 лет назад в канун Дня защитника Отечества был создан Клуб военачальников Российской Федерации. 15 февраля 2005 года он получил статус юридического лица и приступил к реализации своих уставных положений. Высшим коллегиальным органом управления стал совет Клуба, возглавляемый его президентом, а исполнительным органом — правление.

Первым президентом клуба был утверждён Маршал Российской Федерации Игорь Дмитриевич Сергеев. В настоящее время клуб возглавляет генерал армии Анатолий Сергеевич Куликов.

Почётным членом Клуба военачальников является Президент Российской Федерации, Верховный главнокомандующий ВС РФ В.В. Путин, которому 1 февраля 2013 года генерал армии А.С. Куликов вручил в Кремле удостоверение члена клуба, клубную карту и офицерский кортик.

Для более эффективной работы был создан попечительский совет, задачами которого стали содействие реализации целевых программ и проектов, привлечение для этого дополнительных финансовых средств.

Клуб военачальников призван взять на себя функции объединяющего центра, способного создать условия для реализации потенциала, знаний и опыта, интеллектуальных и организационных возможностей высших офицеров в интересах укрепления государства и общества. С самого начала своей деятельности он развернул работу по широкому кругу актуальных вопросов в тесном взаимодействии с министерствами и ведомствами силового блока.

В целях повышения эффективности деятельности клуба был сформирован координационный совет, в который вошли представители силовых и других министерств и ведомств. При его содействии клуб осуществляет экспертизу отдельных законопроектов и решений исполнительных органов в сфере интересов силовых структур, оказывает содействие ведомствам в противодействии основным угрозам современности, участвует в формировании новых институтов гражданского общества.

Круг вопросов, которые решает клуб, широк и многообразен. Среди них — оказание экспертных услуг по линии Организации Договора о коллективной безопасности, Общественной палаты Российской Федерации, запросам представителей СМИ и др. В этих целях проводятся круглые столы, семинары, пресс-конференции с участием руководителей министерств и ведомств силового блока, профильных комитетов и комиссий Государственной Думы и Совета Федерации, Общественной палаты, Росвоенцентра при Правительстве РФ и ряда других заинтересованных организаций. Клуб активно участвует в государственных программах военно-патриотической и социальной направленности с привлечением огромного практического опыта высших офицеров и военачальников силовых структур в интересах решения задач, поставленных Президентом РФ.

Развёрнуто шефство над суворовскими и нахимовским военными училищами Минобороны и МВД России, причём оно приобрело конкретные практические формы: назначаются и выплачиваются именные стипендии отличникам учёбы, проводятся уроки мужества, оказывается помощь в техническом оснащении образовательных учреждений и др.

Проводится комплекс мер по социальной поддержке военачальников и членов их семей. На постоянной основе налажен патронаж над вдовами военачальников, традиционным стал приём, который проводится накануне Международного женского дня. Одна из приоритетных задач Клуба — содействие трудоустройству офицеров и генералов, уволенных с военной и правоохранительной службы, в т.ч. руководителей высшего звена.

Деятельность клуба осуществляется по широкому спектру задач, связанных с повышением обороноспособности государства. Знаковым мероприятием стал, например, проведённый в мае 2006 года первый Международный круглый

Маршал Российской Федерации И.Д. Сергеев

Генерал армии А.С. Куликов

Эмблемы Клуба военачальников РФ

стол «Интеллектуальный потенциал ветеранов-военачальников в борьбе с современными вызовами и угрозами» с участием высших офицеров из числа бывших министров обороны и министров внутренних дел из восьми государств — участников СНГ, представителей ОДКБ, Бюро по координации борьбы с организованной преступностью, ряда неправительственных международных организаций. Проводятся научно-практические конференции и круглые столы, посвящённые актуальным проблемам современности; состоялись содержательные форумы, где обсуждались проблемы военного строительства в Российской Федерации, обеспечения национальной безопасности государства, которые получили высокую оценку всех участников. Материалы заседаний были обобщены, изданы, а соответствующие рекомендации представлены руководству страны.

Активизировать работу организации позволило и создание Военно-исторического центра, который не только планирует участие ветеранов-военачальников в торжественных мероприятиях, связанных с памятными датами истории Отечества, но и осуществляет редакционно-издательскую деятельность. Так, под эгидой Клуба военачальников вышли в свет три тома уникального информационно-справочного издания «Военная элита России» и множество других книг. В их числе: двухтомник «Национальная безопасность» и «Информационное противоборство»; книги «От поражений к Великой Победе. Малоизвестные страницы Великой Отечественной» под общей редакцией генерала армии А.С. Куликова и «Кавказский лабиринтъ» — о военных событиях на Кавказе с конца XVI по начало XXI века. Увидела свет двухтомная монография генерала армии В.Н. Лобова «Помнит вся Россия», посвящённая 200-летию Отечественной войны 1812 года и Заграничным походам русской армии 1812—1814 гг. По итогам военно-научных конференций были изданы сборники материалов: «Россия в войнах XIX—XX веков: уроки и выводы», «К 150-летию военной реформы Д.А. Милютина и её значение для современного военного строительства», «Координация действий административных органов и силовых структур в условиях чрезвычайных ситуаций». Живой интерес у читателей вызвали книги воспоминаний вдов военачальников «Вспоминая о пережитом» и «Пережитое вместе». К 70-летию Победы вышла книга генерал-лейтенанта Е.И. Малашенко «Командующие фронтами и армиями». Было выпущено немало других изданий.

Расширение и активизация работы клуба привели к созданию института вице-президентов, возглавивших отдельные направления работы организации. На эти должности пришли люди, хорошо известные в кругу военной элиты страны, и это позволяет говорить о том, что деятельность Клуба военачальников РФ будет наполнена ещё большим содержанием и масштабными проектами.

Публикация Л.Н. Бочаровой

ВОЕННАЯ ЭЛИТА РОССИИ

Под общей редакцией президента Клуба военачальников Российской Федерации генерала армии А.С. Куликова вышел в свет трёхтомник*, посвящённый представителям военной элиты Российского государства на всех этапах его централизованного существования.

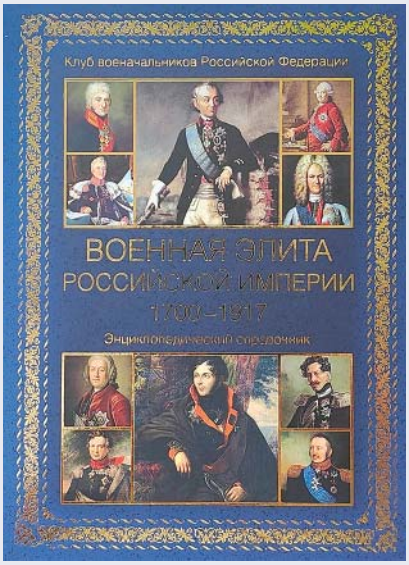
Первый том посвящён военной элите Российской империи — военачальникам высших рангов, горячим патриотам страны и профессионалам с высоким чувством ответственности, храбрым воинам, прошедшим через горнило сражений. В их числе генерал-фельдмаршалы Г.А. Потёмкин, А.А. Прозоровский, И.И. Дибич, генерал-аншефы В.А. Лопухин и П.И. Олиц, генерал от инфантерии П.И. Багратион, генерал от артиллерии К.А. Шильдер, адмиралы С.К. Грейг, П.С. Нахимов, Н.О. Эссен и др. Многие из них до последней минуты своей жизни руководили сражениями, воодушевляя русских воинов на подвиги во имя Отчизны. Впервые в отечественной энциклопедической литературе авторы книги собрали и систематизировали сведения из биографий более 700 военачальников и государственных деятелей, удостоенных высших воинских званий Отечества.

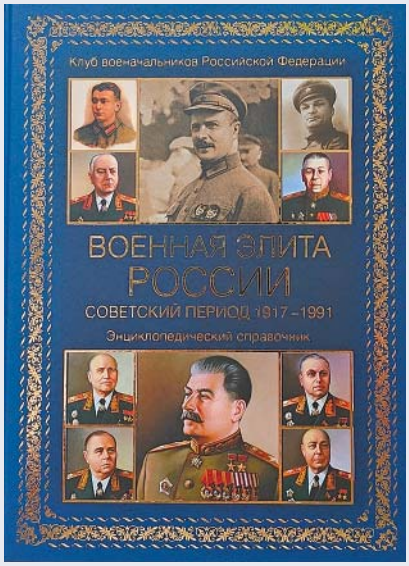
Второй том серии посвящён военной элите Советского Союза и охватывает период с 1917 по 1991 год. Он рассказывает о советских полководцах, военачальниках и военных деятелях, в т.ч. командовавших войсками фронтов, армий и других объединений, высших руководителях силовых структур. В книге представлены полководцы Великой Отечественной войны, военачальники, ведущие военные учёные послевоенных лет, а также выдающиеся деятели в области военной экономики — словом, все те, кто внёс существенный вклад в военную историю Советского Союза. При этом деятельность представителей советской военной элиты оценивается разносторонне и объективно.

Третий том серии посвящён военачальникам Российской Федерации и охватывает период с 1992 по декабрь 2019 года. Помимо биографических справок энциклопедическое издание включает краткий исторический очерк становления военных структур современной России в тяжёлых испытаниях — военных конфликтах на территории Российской Федерации и за рубежом.

Краткий энциклопедический справочник будет полезен историкам, военнослужащим, сотрудникам силовых структур и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами военной истории России.

* *Португальский Р.М., Рунов В.А.* Военная элита Российской империи. 1700—1917: энциклопедический справочник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вече, 2020. 592 с., ил.; *Лобов В.Н., Португальский Р.М., Рунов В.А.* Военная элита России. Советский период. 1917—1991: энциклопедический справочник. М.: Вече, 2020. 560 с., ил.; Военная элита Российской Федерации: краткий энциклопедический справочник. М.: Вече, 2020. 528 с., ил.

Обложки книг

ФЕВРАЛЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

1 февраля 1950 года, 75 лет назад, лётчик-испытатель подполковник И.Т. Иващенко совершил первый пробный полёт на новом советском истребителе МиГ-17.

2 февраля 1885 года, 140 лет назад, родился М.В. Фрунзе, государственный и военный деятель, военный теоретик. Умер 31 октября 1925 года.

2 февраля — День воинской славы России. День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (1943 г.).

4 февраля 1945 года, 80 лет назад, во время Второй мировой войны началась Крымская (Ялтинская) конференция глав правительств СССР, США и Великобритании. В ходе работы конференции были определены и согласованы военные планы союзных держав и намечены основные принципы их послевоенной политики с целью создания системы международной безопасности.

Ф.Ф. Ушаков

4 февраля 1965 года, 60 лет назад, родился Л.И. Бочаров, военный журналист, генерал-майор. Референт Департамента информации и массовых коммуникаций Министерства обороны РФ. Многие годы был куратором «Военно-исторического журнала». Скоропостижно скончался 7 мая 2017 года.

6 февраля 1900 года, 125 лет назад, родился С.А. Базилевский, учёный-кораблестроитель, специалист в области строительной механики подводных лодок, профессор. Участвовал в разработке подводных лодок типа «Декабрист», «Щука», «Сталинец», «Малютка», «Ленинец». В годы Великой Отечественной войны разработал проекты судов для Дороги жизни. Умер 8 ноября 1991 года.

6 февраля 1930 года, 95 лет назад, спектаклем-обозрением «КВЖД» С. Алымова открылся Центральный театр Красной армии, организованный по инициативе Политуправления РККА в 1929 году. Первые успехи театра связаны с именем Ю.А. Завадского, возглавлявшего труппу в 1932—1935 гг. Ныне это Центральный академический (с 1975 г.) театр Российской армии.

8 февраля — День военного топографа.

8 февраля — Международный день юного героя-антифашиста.

10 февраля 1830 года, 195 лет назад, родился В.М. Аничков, русский военный учёный, писатель, генерал-майор (1866). С 1856 года — профессор, а с 1857 года — начальник кафедры военной администрации Академии Генерального штаба. Участвовал в подготовке второго издания «Военного энциклопедического лексикона». Первый редактор «Военного сборника». Умер 18 февраля 1877 года.

10 февраля 1945 года, 80 лет назад, войска 1-го и 2-го Белорусских фронтов начали Восточно-Померанскую стратегическую наступательную операцию. В результате операции, завершившейся 4 апреля, была разгромлена немецкая группа армий «Висла», советские войска вышли к побережью Балтийского моря.

11 февраля 2000 года, 25 лет назад, приказом министра обороны РФ учреждена медаль «Участнику марш-броска 12 июня 1999 г. Босния — Косово».

12 февраля 1955 года, 70 лет назад, ЦК КПСС и Советом министров СССР принято постановление о создании в районе станции Тюра-Там Казахской ССР полигона для испытания и отработки межконтинентальных баллистических ракет и запусков искусственных спутников Земли. Космодром получил название Байконур.

15 февраля — Памятная дата России. День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества.

22 февраля 1980 года, 45 лет назад, В.С. Ильюшин впервые поднял в воздух опытный реактивный фронтовой штурмовик Т8-1. Принят на вооружение 18 апреля 1987 года под маркой Су-25 и серийно выпускался до 2005 года. Всего произведено около 1320 самолётов.

23 февраля — День воинской славы России. День защитника Отечества.

24 февраля 1745 года, 280 лет назад, родился Ф.Ф. Ушаков, выдающийся российский флотоводец, адмирал (1799). Скончался 14 октября 1817 года и был похоронен в Санаксарском монастыре близ г. Темников.

26 февраля 1910 года, 115 лет назад, родился С.Г. Горшков, Адмирал Флота Советского Союза (1967), дважды Герой Советского Союза (1965, 1982). Умер 13 мая 1988 года.

28 февраля 1940 года, 85 лет назад, лётчиком-испытателем В.П. Фёдоровым успешно проведены испытания ракетопланера РП-318 конструкции С.П. Королёва.

Публикация А.Л. Курсовой